

ОХОТА

НА

СВЕРХЧЕЛОВЕКА

ДМИТРИЙ
КАЗАКОВ

Дмитрий Казаков

Охота на сверхчеловека

<https://litres.ru/74144783>

SelfPub; 2026

Аннотация

Весна 2035 года. В Праге обнаружен архив времен Второй мировой войны, документы которого посвящены секретным исследованиям ученых СС. Чтобы разобраться с ним, в бывшую столицу Чехии отправляется историк Семен Радлов.

Выясняется, что нацистские тайны не забыты. И что за одной из них – рецептом создания сверхчеловека, открытым в 1945 году в замке Шаунберг, – охотятся несколько спецслужб. Дичью в этой охоте становится русский историк, в чьи руки попали документы невероятной важности...

Содержание

1	4
2	27
3	51
4	76
5	94
6	112
6.1	137
7	141
8	170
8.1	190
9	193
10	214
Конец ознакомительного фрагмента.	238

Охота на сверхчеловека

1

10 мая 2035 года
Нижний Новгород

- Тема сегодняшнего семинара – псевдонаучные организации Третьего Рейха, - Семен активировал проектор, и на стене аудитории появилась схема, похожая на перевернутое дерево с толстыми квадратными листьями. – В первую очередь, как вы понимаете, речь пойдет об обществе «Наследие предков», известном также как «Аненербе»...

Полтора десятка студентов, записавшихся в этом семестре на спецкурс «Культура, искусство и наука фашистской Германии», слушали внимательно. За окнами, открытыми ввиду необычайно теплого для Поволжья мая, шумели деревья. Доносился дробный цокот каблучков по асфальту.

- Так вот, - Семен на мгновение отвлекся на этот звук... - э... действительно, сначала поговорим об этой организации, а затем перейдем к «Зондеркоманде Икс» и другим, менее известным...

Он встретился взглядом с сидевшей у двери аудитории голубоглазой блондинкой, что вполне могла бы поучаствовать

в конкурсе «Мисс Европа» и понял, что краснеет. Заполыхали уши, затем жар сполз на щеки и охватил все лицо. Поспешно отвел глаза, заговорил о сложной и невероятно запутанной организационной структуре «Аненербе», о том, кто в разные годы был там руководителем и кто вел основные проекты.

Несмотря на восьмилетний опыт преподавания, Семен Радлов, доктор истории, тридцати трех лет, не разучился смущаться в тех ситуациях, когда его откровенно разглядывали красивые девушки. А встречались они в стенах факультета общих наук Нижегородского государственного университета достаточно часто.

- Прежде всего, стоит отметить, что Вольфрам Зиверс, формально только лишь имперский руководитель «Аненербе», - продолжил Семен под тихие смешки студентов, заметивших конфуз преподавателя, - по объему реальной власти превосходил куратора общества...

Когда смущение прошло, семинар покатился по накатанной колее. Лишь иногда запинаясь, Радлов рассказал об «Аненербе», «Зондеркомманде Икс», Имперском союзе древней истории, Германском научном действии и других псевдонаучных конторах, что под властью Гиммлера, Розенберга и прочих покровителей грызлись, словно пауки в банке. Ответил на вопросы и едва успел выдать задание на следующий семинар, как из коридора донесся мелодичный звон.

- На сегодня все, - проговорил Семен. – Всего хорошего, увидимся через неделю.

И тут же недоуменно нахмурился, поскольку раздался второй звонок. Куда более мелодичный и тихий, он прозвучал с пояса Радлова, где висел напоминавший грушу из ртутити компак, заменявший несколько допотопных приспособлений вроде телефона, ноутбука и видеокамеры.

- Э... да? – спросил Семен, нащупав на боковой поверхности компака едва заметное вздутие сенсора.

- Попрошу вас немедленно зайти ко мне, – голос декана загрохотал внутри головы, как штормовой прибой. Радлов в очередной раз подумал, что пора бы связаться с мастерской, чтобы заказать новую передающую мембрану.

Крохотный приборчик, вставляющийся в ухо, был универсальным и очень удобным, подходил к любым типам компактов.

- Да, конечно, иду, - забормотал историк.

- Жду, - рыкнул декан и отключился.

Семен тяжело вздохнул – идти к начальству после окончания рабочего дня совсем не хотелось.

Вслед за последним студентом вышел из аудитории. Сканер над дверью считал данные с электронной метки, вшитой в удостоверение, и дверь сама закрылась за спиной преподавателя. Искусственный интеллект университета, называемый просто иск, осознал, что помещение покинули все. После чего самостоятельно отключил свет, проектор, закрыл

окна и запер замок.

Радлов тоскливо глянул на лифт и зашагал прочь от него. Миновал несколько аудиторий, раскланялся с коллегой-философом. Перед громадным зеркалом, висевшим на стене около входа в деканат, задержался.

Собственное отражение ему не понравилось. Светлые волосы были, как обычно, в беспорядке, в серых глазах безуспешно пряталась неуверенность. Щетина на узком лице казалась плесенью. Высокий рост прятала сутулость, а узкие плечи выдавали человека, никогда не бывавшего в спортзале. Не спасал положение дорогой костюм, отлитый по последней моде – сплошной, из бликующего пластика. Выглядел так, словно две недели пролежал на помойке.

Доктор истории никак не напоминал respectable преподавателя и ученого.

- Хватит себя разглядывать! – декан, из-за большой нижней челюсти похожий на бультерьера, выглянул в коридор, круглые глаза его сердито блеснули.

- Я... это... иду, - промямлил Семен, думая, что когда всюду натыканы камеры, от взгляда начальства укрыться можно только в гробу.

За деканом прошел через приемную, где никого не было, и вступил в очень светлый, просторный кабинет. Лучи клонившегося к закату солнца падали на роскошный стол из настоящего дерева, на большие шкафы. Освещал портреты на стенах: Карамзин глянул на Радлова свирепо, а вот Тойнби

посмотрел почти с отеческой теплотой.

- Садись, - буркнул декан, опускаясь в кресло.

- Да, конечно, - Радлов ощутил исходивший от начальства запах дорогой туалетной воды и подумал, что более отвратительного аромата никогда не встречал.

- Дело в следующем, - декан, куда больше администратор, чем ученый, сразу взял компак за вычислительное ядро, - час назад мне звонили из Праги. Догадываешься, откуда?

- Из Ригеровского института?

Институт Второй Мировой Войны, чаще называемый по имени первого директора, располагался в столице Средне-европейской Провинции. Он изучал все, связанное с самым кровопролитным конфликтом в истории человечества. Девять лет назад, готовясь к защите диссертации, Семен проходил там стажировку.

- Именно, - кивнул декан. – Доктору Купалову понадобился специалист по оккультным практикам Третьего Рейха.

- Так вот... это, ну... они могли сами мне позвонить. Я бы с большим удовольствием проконсультировал их ...

- Нет, ты не понял. Они хотят, чтобы ты прилетел в Прагу.

- Зачем? – Радлов ошеломленно заморгал.

В середине двадцать первого века, когда любую, сколько угодно объемную информацию можно в один миг перекинуть из Гренландии в Австралию, редко возникают ситуации, когда ученому приходится куда-либо ехать. Даже конференции большей частью проводятся при помощи Сети.

- Они нашли некий архив времен Второй мировой и не могут с ним разобраться. Там нужна не разовая консультация, а постоянная работа.

- Но я не хочу ехать. Вы же знаете, что я не люблю путешествовать... Да и скоро сессия, как же без меня? В конце концов, они могут обратиться к доктору Хенсу Нильсену из Рейкьявика или к...

- Вот поэтому Купалов и позвонил мне, - прервал декан. – Он знал, что ты жуткий домосед, что будешь отказываться. Я тебя отпускаю, иди, собирай вещи. Рейс в Европу будет через три часа. Билет на тебя я забронировал, так что все успеешь.

- Но я...

- Это приказ! – декан нахмурился. – Твой спецкурс дочитает Воронин, и экзамены примет он же. Не беспокойся.

- Может, тогда его и послать? Михаил немногим хуже меня разбирается в предмете. Он...

- Я знаю, - снова перебил декан. – Но есть еще один момент. Тебя здесь ничего не держит. Никаких привязанностей, детей. У тебя даже подружки нет. Или кота.

Семен покраснел.

- Ничего, не смущайся. Я знаю, что гражданский долг по сдаче семенной жидкости ты выполняешь регулярно. Родители у тебя умерли, близких родственников нет. Никто не будет переживать по поводу твоего отсутствия. Командировка выписана на месяц, если не хватит, звони – продлим. Все,

пока.

- Да, я понял... хорошо... - Радлов поднялся и, забыв попрощаться, вышел из кабинета. Только едва не врезавшись в стенку, осознал, что идет не в ту сторону. Развернулся и понуро зашагал к лифтам.

Ехать совершенно не хотелось. Больше всего на свете Семен ценил размеренное, предсказуемое и спокойное существование. Такие вещи, как путешествия, в него не входили. При одной мысли о том, что придется покинуть обжитую квартиру и мчаться за тысячи километров, Радлову становилось плохо.

Спустился на первый этаж. Шаркая по начищенному полу, прошел через рамку антитеррористического сканера. Хлопнула дверь, ноздрей коснулся мощный запах майской листвы. От него в голове немного прояснилось, хотя мысли остались столь же мрачными.

Семен прошел на стоянку, где его «Тимберли» скучал в небольшой компании автомобилей припозднившихся на работе коллег. Система опознавания пискнула, поднялась напоминавшая серебристое крыло дверца. Радлов плюхнулся на сиденье, и панель управления замигала, как новогодняя елка.

- Выберите маршрут, - произнес бесцветный голос, непонятно даже, мужской или женский.

В памяти «Тимберли» хранились десятки самых разных тембров, но хозяин не стал ничего менять, оставил заводские

настройки.

- Домой, - сказал Семен, устало откидываясь на спинку кресла и ощущая, как она течет, двигается под ним, приспосабливаясь к хозяину.

Автомобиль бесшумно и плавно двинулся с места. Проплыли створки ворот из черного металла, утилизатор мусора за ними. Радлов оказался на забитом машинами проспекте, ранее носившем имя Гагарина. Пятнадцать лет назад, после того как Россия вошла в Евросоюз, его назвали заново, в честь Солано, мелкого политического деятеля начала века. Жители Нижнего тогда попытались протестовать, но их протестов никто не услышал, а рьяным крикунам заткнуло рты всемогущее Агентство Специальной Информации.

Едва Радлов покинул территорию университета, по закону недоступную для рекламы, компак на его поясе завибрировал, сигнализируя, что начал отсеивать рекламных сообщений и звонков.

«Тимберли» лавировал в потоке транспорта, а стекла его периодически темнели, отбивая рекламные бомбы и направленные проекции. Семен прекрасно знал, что без фильтров давно ослеп бы от цветастой мешанины активных баннеров и оглох от сотен голосов, предлагающих средства женской гигиены, аксессуары для компаков, новый альбом Аллы Пугачевой и тысячи других, столь же «нужных» товаров...

С проспекта Солано повернул на Бекетова, а еще через полсотни метров юркий «Тимберли» сдал в сторону и ныр-

нул к воротам жилого комплекса. Те поднялись, пропуская автомобиль. Тот проехал еще немного и замер на собственном парковочном месте. Выбравшись из салона, Радлов у самого лифта столкнулся с соседом – отставным военным, полвека назад воевавшим в ныне несуществующей стране – Афганистане.

Сейчас Афганистан - часть отравленной ядерными взрывами территории, где отсутствует государственная власть, а правят вооруженные банды. Тянется она от Средней Азии до Палестины, а называют ее просто – Огненный Пояс.

- Вечер добрый, - пророкотал сосед.

- Добрый. Как ваше здоровье, Альберт Иванович?

- Ничего, - кивнул старик. – Последний штамм действует просто чудесно. Вы ведь слышали по него? Линия Два-Три-Но-Семьсот-Тринадцать, подвид «Очистин-111».

- Нет, - поспешно замотал головой Семен. – Простите, но я крайне тороплюсь.

О медицинских бактериях и их чудесных свойствах сосед мог болтать бесконечно, благо только из-за них он оставался в живых.

- А ведь есть еще «Очистин-112»... - донеслось в спину, когда Радлов входил в лифт.

Поднявшись на свой этаж, обнаружил следы пребывания молодежи – два пустых пульверизатора и сладковатый запах какого-то дурмана. От него закружилась голова, а походка сделалась неровной. Ручку двери Семен нашупал не сразу,

да и та опознала его отпечатки не в первую секунду.

Едва ввалился в квартиру, ожил занимавший большой кусок стены телевизор. Донеслось бодрое лopotание диктора:

- ...новых рабочих мест в Рио-де-Жанейро. Сегодня утром из Афин вышел конвой с турецкими депортантами, вывезенными с территории Рейнской провинции. У острова Хиос он был атакован силами ВМС и ВВС Турции, но успешно прорвался к побережью и...

Голос истончился и пропал, на смену ему явился другой, истеричный, визжащий – в телесеть прорвалась информационная бомба:

- Сенсация! Председатель Европейского суда - тайный мусульманин! Шоколад «Трах» с добавками - ваш путь к сладкой жиз...

Сработали программы безопасности, и бомба с треском растворилась. Вновь забубнил диктор, на этот раз о том, что в сельских районах Ирландии началась эпидемия неизвестной болезни.

- Все как всегда. Как этот мир еще не провалился в тартарары? - пробормотал Радлов, расстегивая пояс и вместе с вибрировавшим компаком бросая его на диван.

Пройдя в ванную, расстегнул костюм по съемному шву и бросил в пасть стиральной машине. Та ожила, заурчала, как большой кот, а ванная принялась наполняться водой.

За час, потраченный Семеном на сборы, телевизор обрушил на него с полтора десятка законных рекламных сообще-

ний, еще три информационных бомбы и вылил настоящий поток новостей. Президент Евросоюза Хенрик Рогге прибыл с визитом в Мадрид; на границе с Китаем в Западной Сибири произошло несколько перестрелок; беженцы-мутанты из Огненного Пояса прорвали кордоны в Пенджабе; полностью, до последнего человека, уничтожено правительство Мексики; распался союз государств Юго-Восточной Азии...

Земля кипела и бурлила, будто громадный котел, повешенный над доменной печью, и в середине тридцатых это было ее обычным состоянием. Сенсации рождались и гибли, чтобы уступить место другим. Новости устаревали в течение нескольких часов, а информационный поток обретал плотность бьющей по голове дубины.

- Это, кажется... все, - Радлов с сомнением посмотрел на аккуратный чемоданчик из серого тевлара, и попытался вспомнить, что именно забыл.

Попытка успехом не увенчалась. Так что он заглянул на кухню, где шипел и бурлил в углу бактериальный холодильник. Натянул выплунутый стиральной машиной костюм и вышел из квартиры. Через несколько минут «Тимберли» вынырнул из ворот жилого комплекса и помчался по Бекетова, затем по проспекту Солано в сторону аэропорта.

В «Доскино-13», возведенное десять лет назад на правом берегу Оки, Семен добрался за сорок минут.

- Самостоятельно – домой, - приказал он машине, прежде чем покинуть ее уютный салон.

Солнце заходило, над аэропортом сгущались сумерки. Ревели двигатели взлетающих и садящихся стратолетов, фиолетовое небо, где проклюнулись первые звезды, полосовали серебристые струи выхлопов. Главное здание «Доскино-13» светилось, как большой торт с тысячами свечей внутри.

Чувствуя себя неуютно среди торопящихся, болтающих и суесящихся людей, Радлов прошел внутрь. Через толпу пробился к стойке компании «ЛюфтАйр», чьи лайнеры связывали Нижний Новгород со Средней Европой. Тут его зарегистрировали.

- Посадка начнется через двадцать пять минут. Третий гейт, - сказала девушка за стойкой, черноволосая и с очень светлой кожей.

- Да, конечно... - кивнул Семен, чувствуя, что снова краснеет, и яростно злясь на себя за неспособность выглядеть спокойно в компании красивой женщины. – Спасибо.

Он отошел от стойки и неожиданно вспомнил, что ничего не ел с самого обеда. Двадцати пяти минут хватило, чтобы отыскать в огромном зале небольшое кафе, выпить чашку кофе и съесть пирожное. Когда объявили посадку на рейс, Радлов как раз подошел к третьему гейту.

Информационная панель сканера полыхнула зеленым, показывая, что у пассажира все в порядке с багажом и документами. Но дежуривший у нее полицейский в черном мундире с серебряными шевронами неожиданно встрепенулся.

- Будьте добры, остановитесь, - сказал он.

- Это вы мне? – Семен похолодел, думая, что из-за сбоя в информационной системе ему придется проходить дополнительную проверку, а затем покупать билеты на следующий рейс, благо этот он точно пропустит.

Вот из-за таких вещей приличным людям лучше сидеть дома, а не мотаться по миру.

- Да, вам, - полицейский подошел вплотную, дав уловить исходящий от него запах жареной колбасы. – Прошу следовать за мной.

- Но это незаконно... как же... у меня билет ... Я же опоздаю, вы что... буду жаловаться, - забормотал Радлов, понимая, что сопротивление бесполезно.

- Не беспокойтесь, - сказал полицейский, - вы улетите этим рейсом, даже если стратолет придется задержать на полчаса.

В этот момент Семен почувствовал, что выпал из реальности и оказался в жутком сне. Чтобы ради него, рядового, пусть даже и известного в определенных кругах ученого, задержали рейс?

Такого просто не могло быть!

- Э... ладно, - только и смог выдать он, и зашагал за полицейским. Они миновали эскалатор, ведущий на второй этаж, к гейтам от двадцатого до сорокового, и свернули к неприметной двери с надписью «Только для обслуживающего персонала!».

За ней обнаружился коридор с множеством дверей. На-

встречу, болтая и смеясь, прошли четверо рабочих в синих комбинезонах. Жужжа и рыча, прополз автоматический уборщик, напоминающий огромную шайбу с десятками длинных лапок, щупальцев и усиков.

Тут, где ходили многие десятки людей, обычные для квартир абсорбирующие бактериальные ковры были неэффективны.

- Заходите, - сказал полицейский, остановившись перед дверью с надписью «Вход запрещен». – Там вас ждут.

Семен сглотнул пересохшим горлом, почувствовал, как по спине потек холодок. Он усилился, когда стала видна прятавшаяся за дверью комната.

Нет, в ней самой не было ничего ужасного – решетка вентиляционной системы в углу, диванчик у одной из голых стен, несколько стульев вокруг небольшого круглого стола. Но сидевший за ним человек, невысокий и широкоплечий, выглядел почему-то жутко, хотя был одет в обычный костюм и не размахивал окровавленным ножом.

- Господин Радлов? – проговорил человек голосом хриплым, как старое радио, после чего улыбнулся.

От этой улыбки Семену захотелось убежать. В светлых невыразительных глазах незнакомца он увидел готовность к немедленному насилию.

- Что же вы застыли у двери? – чужак перестал улыбаться, его смуглое лицо мгновенно застыло, словно превратилось в маску. – Садитесь, нам есть о чем побеседовать. Надолго я

вас не задержу.

- С кем имею честь? – Семен подошел к ближайшему стулу и сел на самый его краешек. Чемодан нервным движением положил на колени и крепко прижал к себе.

- Полковник Роберт Ашугов, Агентство Специальной Информации.

Желание вскочить и немедленно дать деру стало настолько сильным, что в ногах появился зуд. Руки у Радлова задрожали, зубы непроизвольно клацнули друг о друга, а на лбу выступил холодный пот.

Агентство Специальной Информации было создано двадцать лет назад, после того, как Европейский Союз стал единым государством. За годы из небольшой конторы, занимающейся противодействием информационному терроризму, оно стало могучей спецслужбой. АСИ раскинуло щупальца от Урала до Исландии, забрало под защиту почти все базы данных, сумело получить контроль над системами передачи информации.

Агентства побаивались все.

- Так вот... э, очень приятно... - Семен вытер пот со лба.
– Но зачем я? Почему...

- Почему я заинтересовался вами? – полковник откинулся на стуле, провел рукой по темным с проседью, коротко стриженным волосам. – Дело в том вызове, который вы получили из Праги.

- Откуда вы о нем знаете?

- Не смешите меня, - Ашугов улыбнулся, криво и зло. – Мы отслеживаем контакты всех хоть сколько-нибудь заметных людей. Для их же собственной безопасности, само собой.

- Вот как? Но что вам за дело до старых нацистских архивов? Они могут быть интересны только историкам.

- Вот тут вы ошибаетесь. Кто, по вашему мнению, сейчас угрожает стабильности и миру на территории Евросоюза? – полковник наклонился вперед и, опершись локтями на стол, сложил руки перед лицом.

- Ну... - Семен задумался. – Мусульманские террористы? Китайцы? Депортанты?

- В некоторой степени – да. Но также существуют влиятельные политические силы, решившие, что наша программа по очищению Европы от инородных элементов – первый шаг к возрождению фашизма.

Менее трех десятилетий назад, после массовых погромов во Франции, Англии и Норвегии, европейцы неожиданно обнаружили, что едва не стали меньшинством в доме предков. Нашлись политики, не ставшие в открытую провозглашать лозунги «Европа для белых» и «Политкорректность – путь к гибели», но сделавшие все, чтобы они воплотились в жизнь.

Евросоюз стал единым государством, а через несколько лет миллионы недавних мигрантов и их потомков обнаружили, что не являются его полноценными гражданами. Вспыхнувшие повсеместно бунты оказались подавлены без жало-

сти, политика Белого Возрождения провозглашена официально. А еще через год первые конвои с депортантами отплыли из Марсея и Осло.

Они подходили к берегам Алжира и Пакистана, других стран, откуда происходили заплонившие Европу чужаки. Военные корабли подавляли сопротивление ВМС этих стран. А транспортные суда высаживали на сушу людей, недавно обитавших в арабских или черных гетто.

Остатки мирового правозащитного движения подняли дикий вой, но Евросоюз не обратил на него внимания. После того, как измученная войной с Китаем Россия вошла в его состав, он стал второй по силе державой, отодвинув на третье место расколотые на Север и Юг США.

Все это Семен прекрасно знал. Видел и некоторые параллели с поступками того же Гитлера после прихода к власти. Но в том, что говорил Ашугов, он не обнаружил логики. Ведь если бы имелись желающие превратить Европейский союз в фашистскую державу, они бы попытались это сделать, не дожидаясь, пока будет найден какой-то архив. Да и откуда они вообще могли знать, что он будет найден?

- Не понимаю... - несколько растерянно сказал Радлов.

- Боюсь, что вынуждены будете понять. Нам необходимо, чтобы вы держали нас в курсе ваших исследований, - в голосе Ашугова появились металлические, лязгающие нотки. - Чтобы по первому слову предоставляли нам всю информацию, не утаивая ничего. Есть вероятность, что содержание

этого архива может угрожать безопасности Евросоюза.

- А если я откажусь? Или утаю что-нибудь?

- В этом случае, - полковник растягивал слова, будто смакуя каждое, - мы перестанем обеспечивать вашу безопасность... Ясно?

- Нет. Разве вы раньше ее обеспечивали? И вообще, я не вижу причин, по которым АСИ может интересоваться моей работой, - Семена понесло.

Он прекрасно знал за собой это свойство. Обычно мягкий, покладистый и даже трусоватый, в ситуации, когда его припирали к стенке, Радлов становился на редкость упрямым и даже агрессивным.

- Главное, что мы видим эти причины, - Ашугов не обратил на вспышку собеседника внимания. – И если мы сочтем нужным, то вынуждены будем уничтожить источники потенциально опасной информации.

- Архив?

- Боюсь, что и тех, кто о нем знает, - полковник полез в нагрудный карман и вытащил пакетик мятных леденцов. По комнате поплыл резкий запах. – Все, разговор окончен. Наши люди в Праге будут держать вас под присмотром. Я надеюсь, вы понимаете, что содержание этой беседы должно остаться в тайне?

Семен кивнул и поднялся, едва не опрокинув стул. Ощущая спиной злой взгляд Ашугова, дошел до двери.

- Прошу за мной, - сказал ожидавший в коридоре поли-

цейский.

Все время, пока они шли до третьего гейта, сердце Радлова бешено колотилось, а в голове вспыхивали и гасли пропитанные страхом мысли. Что это за архив, если он попал в поле интересов АСИ? И Агентство заинтересовалось им настолько, что заявило о своем внимании открыто. Что делать дальше? Работать как ни в чем не бывало, зная, что ты под колпаком? Или плюнуть на все и вернуться домой?

Решения он так и не принял, а когда повторно миновал сканер, отступить оказалось поздно.

- Вот я попал, как таракан в посудомоечную машину, - пробормотал Семен и огляделся, пытаясь обнаружить замаскированные камеры слежения.

Он знал, что они здесь, что изображение с них поступает в службу безопасности аэропорта, но в то же время и в АСИ. Точно так же, как данные со сканеров в жилом комплексе, Нижегородском университете или в том же «Доскино-13», со всех уличных и частных камер. Сотрудники Агентства могли при желании следить за тем, как перемещается тот или иной человек, не отрывая жирных задниц от кресел.

Размышляя об этом, Радлов добрался до места, где кишка трапа упиралась в борт стратолета. Тут его встретила стюардесса, облаченная в мини-юбку и полупрозрачный топик.

На правой груди кокетливо мигал символ «ЛюфтАйр» - белый голубь в венке из березовых листьев.

- Прошу вас, поторопитесь, - сказала она, пряча нервоз-

ность за улыбкой. – Только вас и ждем.

Семен нырнул в люк, свернул направо, мимо санузла. Ежась под сердитыми взглядами пассажиров, прошмыгнул к своему месту в середине салона, у прохода. Едва уселся в кресло, замигала спроецированная прямо в глаза рубиновая надпись «Взлет!». Огромный лайнер неспешно двинулся с места.

Кресло слегка изменило форму, подголовник втиснулся под затылок, а ремень с клацаньем застегнулся на талии. Рык двигателей отозвался вибрацией в полу стратолета, тело охватила тяжесть. За иллюминатором замелькали, уносясь назад огоньки. Сосед по ряду, сидевший у окна, нервно кашлянул.

Радлов скосил на него глаза, удивляясь, что в середине двадцать первого века кто-то еще боится летать. Соседом оказался высокий, бритый наголо юнец, наряженный во что-то крайне объемное, светящееся и меняющее цвет. Интересы Семена он, к счастью, не заметил.

Рык перешел в визг, стратолет пошел вверх, постепенно задирая нос. Пассажиров вдавило в кресла, потом заработала компенсаторная система, и стало немного легче. Но к тому моменту, когда надпись «Взлет!» погасла, Радлов чувствовал себя так, словно его раскатали в блин.

- Слава богу, - пробормотал юнец, истово перекрестившись.

- Так вот, да... - очень тихо, чтобы никто не услышал, про-

бормотал Семен и потянулся к компаку.

С самого обеда он не выходил в Сеть, и привыкший к постоянному потоку новой информации мозг требовал пищи.

«Груша» компака беззвучно выплюнула виртуальный экран. Вспыхнула сине-белая заставка операционной системы «Виртуал». Через мгновение сменилась темным полем рабочего стола.

Для начала Радлов заглянул в новости. Узнал, что курс северного доллара к евро упал на два процента, а южного – повысился на три. Проглядел видеозапись облавы по притонам Гонконга, где бравые полицейские вытаскивали из наполненных опиумным дымом помещений голых клиентов и покрытых чешуей шлюх-мутанток, привезенных из Огненного Пояса. Посмеялся над забастовкой клоунов в Париже. Задумался, узнав, что в Бразилии ввели новые, много более высокие стандарты информационной защиты для бытовых приборов.

Затем просмотрел закрытую конференцию «Рейх-21», где собирались историки, посвятившие себя изучению нацизма. Одолеl статью об Эрнсте Шефере, совершившем путешествие в Тибет под эгидой СС, и принялся читать обсуждение, посвященное связям учения Ницше и национал-социализма....

Резкий крик заставил его вздрогнуть.

- Ублюдки! Недоношенные твари! – визжал кто-то. – Вы заслуживаете только смерти! И она придет!

Семен прищурился, глядя в полумрак салона. Обнаружил, что в проходе между креслами, загораживая путь стюардессе с тележкой, прыгает и брызжет слюной невысокий мужчина.

Его дергало, как эпилептика, глаза вращались, лицо коржили судороги. Зажатый в руке компак напоминал гранату.

- Прошу вас, спокойнее, - проговорила стюардесса, но безумец ее, похоже, не услышал.

- Покайтесь, твари! Ибо придет он во славе своей и покарает вас! – возопил он.

Сверху донесся легкий шорох. В потолке самолета открылся небольшой лючок, из него высунулся кронштейн с закрепленной на нем толстой трубкой. Раздался хлопок, и в шею сошедшему с ума пассажиру вонзилась ампула. Через мгновение крик стих и на пол упало обмякшее тело.

- Соблюдайте спокойствие, - чуть ли не пропела стюардесса, пятясь, чтобы освободить путь одному из членов экипажа. – Вы в полной безопасности, пока сидите в креслах.

Кронштейн с трубкой уполз обратно, люк закрылся. Безумца утащили, в салон вернулось дремотное спокойствие.

- Информационный шок, - с сочувствием пробормотал сосед Семена, - не повезло бедняге.

Спорить с этим было сложно.

Об информационном шоке заговорили в начале века, но характер эпидемии он приобрел еще через два десятилетия.

К этому времени человечество плотно подсело на информационную иглу. В развитых странах почти не осталось мест, где человек мог бы укрыться от штурмующего мозг через глаза и уши водопада рекламы, новостей, вызовов, сообщений... .

Разве что в глухом лесу при условии, что компак забыт дома.

Рассудок многих не выдерживал такого напора. И здоровый, разумный человек мог ни с того ни с сего броситься на первого встречного, начать нести ерунду или покончить с собой.

Врачи не дремали, новые средства профилактики и методики излечения появлялись чуть ли не каждый месяц. Но все это не могло отменить того факта, что человеческий мозг генетически не запрограммирован на работу в том режиме, что требует от него двадцать первый век.

- Не повезло, - кивнул Семен и вернулся к экрану компа, где переливалась всеми цветами радуги заставка.

Мгновением позже сосед последовал его примеру.

2

11 мая 2035 года

Прага

Последний час полета Семен проспал. Открыл глаза в момент, когда стратолет мягко вздрогнул, коснувшись взлетно-посадочной полосы аэропорта «Гавел». Сосед перекрестился и принялся бормотать что-то вроде молитвы, а Радлов с трудом сдержал зевок.

По местному времени новые сутки наступили несколько минут назад, хотя в Нижнем Новгороде царила глубокая ночь.

- Спасибо, что выбрали нашу авиакомпанию, - сообщили трансляторы лайнера. – Желаем приятно провести время в Праге.

Пассажиры начали выбираться из кресел, защелкали замочки багажных отсеков. Семен подхватил чемоданчик и заторопился к люку. Для того чтобы покинуть стратолет, пришлось некоторое время простоять в очереди.

Тоннель для выхода пассажиров в пражском аэропорту был сделан прозрачным. Через стенки можно было видеть взлетно-посадочное поле, усеянное десятками желтых, оранжевых, алых и синих огоньков. Некоторые из них шевели-

лись, другие оставались неподвижными. Уродливым грибом поднималась в затянутое тучами небо башня центра управления полетами.

Тоннель вывел в зону контроля. Скучивший у информационной панели офицер равнодушно смотрел, как Радлов проходит под аркой сканера.

- О, пан Семен! – окликнули из толпы встречающих.

- Да, это я, - он завертел головой, пытаясь определить, кому принадлежит хорошо знакомый голос. – А, Иржи!

Иржи Чапек, высокий и белобрысый, с длинным носом, за который еще в детстве получил прозвище Цапель, мало изменился за те годы, что Радлов не был в Праге. Разве что немного пополнел.

- Привет, - Семен пожал руку коллеге, с которым проходил стажировку в Ригеровском институте. – Как ты?

Вопрос был данью вежливости. Благодаря Сети Радлов хорошо знал, над чем работает Чапек, какие работы публикует и даже мог догадываться о его личных делах, хотя мало этим интересовался.

- Пять баллов, - отозвался Иржи, широко улыбаясь. – Пойдем. Там стоит моя машина, и мне не хочется оплачивать лишние пять минут на стоянке.

- Пойдем.

Спустившись по лестнице, вышли в главный зал аэропорта, громадный, с большим куполом наверху. Миновали статую Вацлава Гавела, политика времен распада Советского

Союза. Скульптор изобразил его с обрывками цепи в руках и почему-то в каске шахтера. В толпе Семен вновь почувствовал себя неловко и облегченно вздохнул, когда они через широкие двери вышли под теплый мелкий дождик. Открылась автостоянка, уставленная десятками блестящих автомашин.

- Вот она, – Иржи указал на «Шкода-Нокиа», узкую, черную и длинную, словно кинжал из вороненой стали.

Машина негромко пикнула, показывая, что узнала хозяйна. Двери поднялись, и они оказались в салоне, где приятно пахло свежемолотым кофе.

- Ну что, зачем вы меня вызвали? – поинтересовался Семен, когда Иржи задал маршрут и «Шкода» поползла к выезду со стоянки.

- Я так и знал, что ты спросишь, - Чапек ухмыльнулся. – Кто о чем, а Радлов только о деле. Настоящий историк.

- Не отвлекайся, - Семен поморщился.

- Да, конечно. Помнишь Михнов дворец? Ну, тот, что на берегу Чертовки построил какой-то нувориш времен Тридцатилетней войны?

- Если честно, то нет.

- Ну, не важно. Долгие годы там был хостел, да еще физкультурный музей. Но сейчас у нас центр Праги делают грандиозным архитектурным заповедником. Изгоняют политиков и бизнесменов, все ремонтируют и реставрируют. Так что хостел пять лет назад перенесли в Нусли, а месяц тому выселили спортсменов с их кубками и грамотами. Начали

реставрацию, и в подвале, куда лет девяносто никто не заглядывал, обнаружили металлические ящики, маркированные рунами.

- Рунами?

- Да, причем не обычными, а теми, что придумал фон Лист, - когда Иржи волновался, он говорил громче.

- А использовали многие немецкие оккультные общества, - кивнул Семен. – И что?

- Нам удалось выяснить, что через Прагу в начале мая тысяча девятьсот сорок пятого года немцы эвакуировали на юг некий архив. Но вывезти его дальше не успели, а когда поняли, что русские окружили город, просто спрятали документы в подвал ближайшего дома. Почему не уничтожили – непонятно.

- Э... Ну а внутри-то что?

- Сильно пострадавшие от воды бумаги, - сказал Иржи значительно. – Ведь в наводнение две тысячи второго подвал залило весь. Нам удалось лишь понять, что это отчеты о каких-то экспериментах. И разобрать несколько фамилий, в том числе – Хильшер.

- Наставник Зиверса и якобы борец с фашизмом? – Семен почувствовал, как сонливость отступает.

Если найденный архив имеет отношение к Фридриху Хильшеру, одному из самых загадочных мистиков Германии времен Третьего Рейха, то он может обладать величайшей научной ценностью.

А судя по интересу АСИ, и не только научную.

- Похоже, что он, - кивнул Чапек. – Ну а Купалов вспомнил тебя и твою работу об обществе «Туле», наделавшую столько шума.

- Позволь, но это всего лишь сборник гипотез, и я...

- Ладно скромничать, - Иржи понимающе улыбнулся. - Знаем мы такие сборники. Сейчас отвезу тебя в отель, а завтра с утра – в университет.

- Так вот... А что за отель? – Семен поймал себя на том, что забыл о сне и готов немедленно приступить к работе.

- В Бубенече, рядом со Стромовкой. Отличное место, тихое и спокойное, да и до нас недалеко. Ближе найти что-либо невозможно. После включения защитного купола в центре оставили только магазины, театры, концертные залы и рестораны.

- Купол? Что-то я слышал об этом.

- Ну да, - чех повел руками, показывая что-то округлое. – Он защищает историческую часть города от токсинов в атмосфере, пыли и всего прочего, что вредит старинным зданиям. Из транспорта внутри – только трамваи, в том числе грузовые. И метро, само собой.

Пока разговаривали, машина, двигавшаяся в сплошном потоке транспорта, въехала в пределы города. Блеснула внизу, под мостом, извилистая Влтава. После Холешовицкого вокзала свернули направо. Вскоре стало видно здание Выставочного центра, построенного еще в императорские

времена. Улицы стали пустынные, с них исчезли автомобили, а справа между домами замелькали кроны Стромовки – огромного старого парка.

- Вот и приехали, - сказал Иржи, когда «Шкода» остановилась.

На другой стороне дороги светилась вывеска пивной «На сламнику», а на этой располагался небольшой отель, чьи стены сплошь покрывал вьющийся плющ. Островками казались окна, кое-где из зелени торчали алые цветы.

- «Красная роза», - сказал Чапек.

Семен выбрался из машины. Несколько капель дождя попали на лицо, пока он бежал до козырька над дверью отеля. Потоптался, стряхивая влагу с ботинок, и вошел внутрь. Перед глазами развернулась и рассыпалась на тысячи лепестков голограмма в виде огромного багрового цветка.

- Good eveneng, – поздоровался администратор из-за стойки, и тут же каким-то десятым чувством угадал национальность гостя. - Чем могу служить?

Между фразами он бросил взгляд на информационную панель сканера, не столь мощного, как в аэропорту, но способного выяснить, имеется у гостя с собой что-нибудь запрещенное законом или нет.

- Э... на меня должен быть забронирован номер. Семен Радлов.

На то, чтобы найти имя в базе данных, администратору понадобилось несколько секунд.

- Да, конечно, - сказал он, - соответствующая сумма только что снята с вашего счета, пан Радлов. Будьте добры, возьмите идентификатор постояльца.

Семен шагнул вперед и забрал у администратора похожую на шайбу размером с ноготь микросхему, как раз под паз на боковой поверхности компака. Она позволит ирку отеля опознавать гостя и знать, где он находится.

- Отдыхай, отсыпайся, - сказал вошедший следом Иржи. – Завтра в десять я за тобой заеду. Надеюсь, что поработаем на пять баллов. Давай, до завтра.

- До завтра, - кивнул Семен.

Следуя высвечивавшимся на полу подсказкам, он поднялся на второй этаж. По узкому коридору, чьи стены были увешаны картинами с видами Праги, прошел до двери номера. Та с тихим шорохом открылась, внутри загорелся свет, донеслось бормотание включившегося телевизора.

По ковру в гостиной прошла рябь – обитающие в нем бактерии на миг проснулись и уничтожили весь набившийся меж ворсинок мусор, всю пыль. После этого ковер стал немного толще.

- Неплохо, конечно, - пробурчал Семен, разувшись, - но все равно, не дома, совсем не дома...

Он разделся и вошел в санузел, тот показался тесным и неудобным. Когда влез под душ, несколько минут не мог разобраться с системой подачи воды. Почистив зубы, нажал сенсор на рукоятке зубной щетки. Та пискнула, сообщая, что

данные о состоянии зубов переданы на компакт и дальше - стоматологу.

Через гостиную Радлов прошел в спальню. Плотнo закрыл за собой дверь. Кинул чемоданчик в шкаф, костюм повесил на спинку стула и залез в непривычно просторную кровать. Некоторое время пролежал, глядя в потолок и думая, через сколько часов удастся заснуть.

А потом распахнул глаза и понял, что наступило утро, и что компакт изо всех сил пищит.

- Слышу тебя, - бросил Семен кодовую фразу, и умный приборчик заткнулся. – Чем тут у них кормят на завтрак?

Из чемодана вытащил второй костюм, попроще, в котором ходил по дому. Повесил компакт на пояс, умылся и отправился на поиски столовой. Та обнаружилась на первом этаже, за дверью рядом со стойкой администратора. Тот кивнул гостю и пожелал доброго утра.

Радлов промямлил что-то в ответ.

Шведский стол «Красной розы» оказался по-чешски обилен. На нем нашлись десятки сортов колбасы, несколько видов сыра, жареные сосиски, квашеная капуста – обычная и краснокочанная. Рядом с салатами виднелись вазы с фруктами, кувшины с соками выстроились в ряд, точно вышколенные солдаты.

Семен, не привыкший к такому разнообразию, наелся за пятнадцать минут, не успев попробовать все, чего хотел. Напоследок выпил чашку кофе и понял, что готов к работе.

Вернулся в номер и за те десять минут, что оставались до срока, успел побриться и посмотреть новости. Русского канала не нашел, но обнаружил «Евроњуос» на английском – официальном языке Евросоюза. Он остался таковым даже после того, как Соединенное Королевство шестнадцать лет назад отказалось поддержать программу насильственной депортации и вернуло себе независимость.

Английский был удобен тем, что одинаково не являлся родным ни для русского, ни для испанца или грека.

Судя по новостям, в мире творилось обычное безумие. Людоеды грызлись на иссушенных засухой равнинах Африки. Информационные террористы парализовали систему канализации Шанхая, и город оказался на грани гибели. По Сети расползлся новый вирус, вызывающий слепоту оператора. Производители антивирусных программ спешно разрабатывали защиту против него и считали будущие прибыли.

Отвлек Семена от новостей звонок. Компак завибрировал и поинтересовался голосом Иржи:

- Привет. Ты готов?

- Утро доброе. Выхожу.

Радлов вышел из номера и спустился к выходу. Закрылась за спиной прозрачная дверь «Красной розы». С противоположной стороны улицы помахал припарковавшийся у «На сламнику» Чапек.

- Давай, залазь! – крикнул он бодро. – Шеф ждать не будет! А просто уволит всех без выходного пособия!

Они залезли в машину, «Шкода» двинулась с места. Отель скрылся за углом, замелькали одинаковые, точно клонированные улочки. Когда въехали в Градчаны, под колесами зарокотала брусчатка. Стал виден Град с громадой собора Святого Вита, ярко-желтой в лучах пробившегося через облака утреннего солнца.

- Эх, скоро каштаны зацветут, тогда в Праге будет лучше всего на свете, - мечтательно протянул Иржи.

Они проехали мимо памятника двум астрономам – Тихо Браге и Иоганну Кеплеру. А когда повернули с Кеплеровой улицы на Длюбачев, машина едва не врезалась в толпу, занявшую не только тротуары, но и проезжую часть. Взвизгнули тормоза, Семена мотнуло так, что ремни безопасности негромко скрипнули.

- Этого еще не хватало, - пробормотал Чапек, переходя на ручное управление, - проклятые воздержанки...

Толпа состояла лишь из женщин, в основном молодых. Многие несли плакаты, другие тащили кукол, изображавших младенцев, и яростно кололи их спицами, резали ножами.

- Э... кто? – спросил Радлов. – Последнее слово я не понял.

- Женщины, борющиеся за право не иметь детей. У вас они, я уверен, тоже есть.

- Да, но не столько же.

Начав принудительную депортацию мигрантов, Евросоюз столкнулся с проблемой резкого спада рождаемости. И

бороться с ней решили насильственными методами. Был принят «Закон о материнстве», обязавший всех женщин до тридцати пяти лет произвести на свет не менее чем двоих детей. Да еще сдать яйцеклетки в центр репродукции, где младенцев выращивали практически «в пробирках».

Закон породил волнения, но постепенно к нему привыкли, благо государство хорошо обеспечивало рожениц. Женщины Швеции, Испании, Бельгии и других частей Евросоюза вновь стали больше внимания уделять отпрыскам, и меньше – карьере. Численность населения медленно, но верно начала расти.

Но кое-где остались вот такие, непримиримые, считающие, что свобода выбора для женщины важнее блага Европы.

- Ничего, их быстро разгонят, - сказал Иржи, когда они через несколько переулков объехали протестующим женщинам.

Словно в подтверждение, над улицей промчался полицейский вертолет, черно-белый, как ласточка, и такой же стремительный. Повис на одном месте, а затем резко пошел вниз, из брюха повалил белый дым. Чем закончилось дело, Семен не увидел, поскольку машина свернула в узкий переулок и остановилась перед кубическим зданием, сооруженным на первый взгляд из одного стекла.

- Давно я тут не был, - проговорил Радлов, выбираясь из салона. – Как, порядки у вас не изменились?

- Нет. Для начала в службу безопасности – оформим тебе допуск.

Они поднялись по ступенькам, ведущим ко главному входу в Институт Второй Мировой Войны. Попавшаяся на встречу женщина поздоровалась с Иржи и бросила на Семена любопытный взгляд.

Внутри, за прозрачными дверями оказалось неожиданно прохладно, так что Семен в первый момент даже поежился.

Вестибюль напоминал лежащую на боку бутылку с узким горлышком-проходной, но Иржи повел спутника не к ней, а к неприметной двери в правой стене. Блеснули буквы, сложившиеся в надпись «Служба безопасности», и Семен оказался в небольшом офисе. Расположившийся за узким столом круглолицый чех в серо-белой униформе улыбнулся и осведомился:

- Чем могу служить?

В институте с интернациональным коллективом разговаривали по-английски. Семен владел этим языком в совершенстве, как и немецким, и средневековой латынью.

- Надо бы допуск оформить, - сказал Иржи. – По форме «А». Вот на него.

- Что же, нет проблем, - сотрудник службы безопасности повел рукой, указывая на стул рядом со своим столом. – Прошу вас, пан..., - он на мгновение замялся, бросил взгляд на монитор, где отразилась информация с размещенного над дверью сканера, - ...Радлов. Сейчас проведем стандартные

процедуры и выдадим вам метку.

Семен опустил на стул.

- Так, минуточку посидите неподвижно, и дайте мне правую руку, - проговорил сотрудник службы безопасности.

Указательный палец слегка кольнуло, когда тонкий щуп снял с него крохотный клочок кожи, достаточный для определения главных параметров ДНК. Мгновением позже в глаз будто попал солнечный зайчик – узконаправленный сканер зафиксировал рисунок радужки.

И то и другое попадет в базу данных иска института, и послужит в качестве ключа, открывающего двери в любые, даже самые секретные лаборатории.

- Вот ваш пропуск.

Семен получил такую же микросхему, как и в отеле, только красную. Сунул ее в еще один паз на боку компака, благо там их оставалось достаточно.

- Э... Я могу идти?

- Конечно.

- Благодарю, - Радлов поднялся и вслед за Иржи вышел из комнаты. Они миновали проходную и оказались на крошечном пяточке, откуда начинались три коридора.

Один напоминал вырубленный в скале тоннель и уходил чуть вниз. Второй, с гладкими белыми стенами, был ярко освещен, а в третьем царила полутьма, а стены бугрились многочисленными выступами. Ригеровский институт строил Роберт Мак-Клеон, архитектор, исповедующий убеждения

антирационализма. И его детище в полной мере воплощало эти принципы.

Чапек свернул в первый коридор.

- Еще с прошлого раза не пойму, как вы тут ориентируетесь? - Семен невольно пригнулся, опасаясь, что заденет низкий потолок.

- Наоборот, очень удобно, - отозвался Иржи. – Внутри здания свой собственный рельеф и одну часть никогда не спутаешь с другой. Ведь ты не ошибешься, что перед тобой – лес или степь?

- Как сказать... - протянул Радлов, не желая признаваться, что и то и другое видел только по телевизору.

Коридор закончился лифтовой площадкой. На громящем лифте, похожем на железную корзину, спустились на несколько этажей и оказались перед овальной дверью. На ней вспыхнула надпись «Лаборатория первичного анализа №2».

- Сейчас проверим, на что годится твой допуск, - ухмыльнулся Чапек. – А ну давай, иди первым.

Семен встал перед дверью, руку приложил к обведенному алой полосой кругу в ее центре. Мгновение ничего не происходило, а затем дверь с негромким шипением отъехала в сторону.

- Работает, - заметил Радлов, проходя через нее. – Ну что, ты идешь или остаешься в коридоре?

Иржи лишь усмехнулся в ответ и шагнул следом.

«Лаборатория первичного анализа №2» представляла со-

бой вытянутый зал с окнами в одной из длинных стен. Вдоль другой, разделенной пополам дверью, тянулись столы. На них громоздились железные ящики, груды рукописей, стояли обвешанные дополнительными устройствами компаки, у некоторых сидели люди. Пахло пылью и сырой бумагой.

- Вот и он! – отвлекшись от похожего на древний микроскоп прибора, бросил доктор Купалов, толстый и шустрый, с гривой седых волос и окладистой бородой. – Давай, коллега, за дело!

Купалов, хоть и стал три года назад директором института, привычкам, судя по всему, не изменил. Наверняка сбежал от надоевших административных дел, чтобы хоть немного прикоснуться к настоящей работе.

- Без промедления, - ответил Семен, высматривая место, куда бы пристроить собственный компак.

На то, чтобы войти в курс дела, понадобилось около двух часов.

Найденные в подвале Михнова дворца ящики, числом пять, таили в себе какую-то загадку. Они и в самом деле были маркированы рунами Гвидо фон Листа, но только вот складывались эти знаки в совершеннейшую нелепицу. Не наблюдалось ничего похожего на использовавшуюся в «Аненербе», СС или вермахте систему символов.

Еще хуже обстояло дело с начинкой ящиков.

Хранившиеся в кожаных папках листы писчей бумаги почти за век слиплись друг с другом, да еще и пострадали от

воды, попавшей в подвал во время наводнения. Так что неделю, прошедшую с момента обнаружения находки, институт потратил на то, чтобы хоть как-то разделить их и сосканировать все, что можно.

Вычислительные центры работали на полную мощность, и то одолели чуть более половины.

- Занятно... - проговорил Семен, просмотрев один из расшифрованных отрывков, где речь шла о какой-то сыворотке. – Дело сложное. Придется повозиться.

- Ты думаешь, тебя сюда просто так вызвали? Пива попить? – ухмыльнулся Иржи. – Ты у нас приглашенная звезда. Поэтому черновой перевод будем делать мы. А твоя задача – выправить его и превратить в связный текст, а затем добыть смысл. Если он там есть, конечно.

- Ладно, попробую.

Начал Семен с изучения материальных носителей. Бумагу, судя по всем признакам, изготовили на территории Рейха в сороковых годах прошлого века. Ящики выглядели абсолютно стандартными, так что извлечь из них какую-либо информацию не удалось.

- Вот так... - пробормотал Радлов, заходя в раздел локальной Сети, озаглавленный «Ящик 1. Папка 1», - посмотрим, что расскажут нам черные буквы на белом фоне.

Текст был написан на берлинском диалекте архаичного немецкого. Осложняло понимание то, что автор использовал свойственный псевдонаучным организациям Рейха сленг. В

местах, где чернила расплылись, слова отсутствовали, а там, где удалось разобрать отдельные символы, имелся предположительный перевод.

Первая папка содержала письма, связанные с изготовлением прибора, именуемого блуттер. Ими обменивались профессор Вальтер Вюст, куратор общества «Аненербе», и некто, подписывавший «Фридрих». Вторая - отчеты об экспериментах, проведенных осенью сорок четвертого года. Лежавшие в ней листы выглядели одинаково – вверху дата, затем большая таблица. Ее заполнял перечень фамилий с указанием возраста и пола, что дополнялся какими-то цифрами. В последней колонке располагалось указание на то, что произошло с испытуемым:

Все вместе выглядело примерно следующим образом:

Фридрих Вальштейн, м., 34 года 11 месяцев, 8 12 0 0 0 0
53 27, умер через 3 часа

Йозеф Дачницки, м., 45 лет 3 месяца, 0 20 3 0 0 0 32 0
45, умер сразу

Магда Ревенш, ж., 22 года 1 месяц, 31 15 0 0 35 0 20, умерла
через сутки, глаза(?)

Экспериментаторы совершенно не жалели человеческий материал, расходуя людей, как мушек-дрозофил. Хотя это не выглядело удивительным, если учесть, что их собратья возводили концлагеря и расстреливали евреев по всей Европе.

- Что, ломаешь голову? – поинтересовался Иржи, когда Семен принялся за третью папку, забитую теми же отчетами.

- Именно, - кивнул Радлов. – Отдельные детали понятны. Но целостной картины не видно. Слишком мало у нас готового для прочтения материала.

- И в желудках тоже. Так что пойдем, пообедаем.

- Э... ну конечно, - только в этот момент Семен осознал, что и вправду голоден.

Доктор Купалов к этому времени из лаборатории исчез, так что отпрашиваться ни у кого не пришлось. Они вышли из института, но к удивлению Семена, не стали залезать в машину.

- Тут до «Черного вола» недалеко, - ответил на вопрос Чапек, - там и поедим, и пива выпьем.

Из переулка выбрались на Длобачев. Семен прищурился, чуть не ослепленный парящими над крышами активными баннерами. Рекламная бомба спикировала прямо перед ними и лопнула, разбившись об асфальт. По ушам ударил сладкий, но очень неразборчивый голос, по-чешски предлагавший купить какой-то прибор. Две направленные проекции прошли рядом, Радлов уловил только яркую вспышку, как от невидимого прожектора.

Компак дрожал беспрерывно, отражая рекламные атаки.

Морщась и прикрывая глаза, двое историков вышли к Страховскому монастырю, похожему на маленькую крепость. Тут Семен увидел силовое поле, защищавшее старую Прагу от разрушительного воздействия цивилизации.

Тонкие столбы в десяток метров высотой с чашечками ан-

тени наверху стояли в ряд. Только висела на них не колючая проволока, а нечто прозрачное, напоминающее почти незаметный мыльный пузырь. По его поверхности ползали пастельные блики, она чуть заметно колыхалась.

- Не бойся, вреда эта штука причинить не может, - сказал Иржи, правильно оценив неуверенность спутника.

Семен вступил в прозрачную кисею. Ощутил, как щекотка коснулась рук, прошла по лицу. Сделал несколько шагов и понял, что рекламная вакханалия осталась по другую сторону поля.

Через монастырь вышли к Лоретанской площади с поднимающейся над ним желто-зеленой колокольней одноименного монастыря, утыканного скульптурами ангелов. У могилы рядового Белякова, похороненного здесь в мае сорок пятого года, повернули к «Черному волу».

С вывески на посетителей недружелюбно уставился смоляного цвета бугай с кольцом в носу. Внутри ударил в нос запах пива и острого сыра. Бармен кивнул без малейшего дружелюбия и указал на один из длинных столов темного дерева, где были свободные места.

Все остальное было занято. За одним большая группа чехов горячо обсуждала местные новости. За другими располагались туристы. На беленых стенах сверкали алым и золотым гербы древних аристократических родов.

- Да, это место не меняется, - проговорил Семен, усевшись на лавку и проведя рукой по столу, такому же липкому, как

девять лет назад.

- Это верно, - кивнул Чапек. – Все пройдет в этом мире, но пиво и кнедлики пребудут вовек.

Они заказали по кружке темного «Козла», по несколько утопенцев – маринованных сарделек, и по порции хермелина, мягкого сыра с запахом грязных мужских носок.

- И все же не верится мне в то, что здесь замешано «Ане-нербе», - заявил Семен, когда бармен отошел. – Их архивы были в Альтане, Миттерзиле и Вайшенфельде, да и оформлялись они совсем по-другому. Даже фамилия Вюста меня ни в чем не убеждает.

- Тогда кто? Имперский союз древней истории?

- Позвольте, в сорок четвертом? Невероятно. Скорее, группа исследователей, работавших на свой страх и риск с минимальным участием государства. Они могли делать что угод... - договорить Семен не успел. Компак дернулся и издал резкий звук, сообщая, что на него звонят с незнакомого номера. - Прошу меня извинить. Да.

То ли передающая мембрана заработала нормально, то ли вызывающий и вправду говорил тихо, но в ушах Радлова зазвучал шепот.

- Слушай меня внимательно, ученый, - сказал кто-то равнодушно и мрачно, - сделай так, чтобы твои нынешние исследования закончились ничем. И постарайся исчезнуть отсюда как можно быстрее. Тогда ты останешься цел и невредим. Понял?

- Кто говорит? – нервно поинтересовался Семен.

- Неважно. Надеюсь, что мы с тобой никогда не увидимся лицом к лицу.

И голос пропал, сменившись ровным пиликаньем отбоя.

- Что такое? – поинтересовался встревожено нахмурившийся Чапек. – У тебя стало такое лицо.

- Э... ну, меня пытались запугать, - Радлов сглотнул и поспешно схватился за кружку с пивом, - требовали, чтобы я остановил исследования, вернулся домой.

- Ничего себе. А ну посмотри, откуда вызов?

- Никаких данных, - первый глоток позволил смочить пересохшее горло, после второго кружка оказалась пуста, зато сердце стало колотиться чуть помедленнее, а нервозность ослабела.

- Так, - Иржи стал серьезным, как гильотина. – Надо будет сообщить безопасникам. Они сумеют выяснить, кто и откуда тебе угрожал.

- Не очень верится, - вздохнул Семен, вспоминая разговор с Ашуговым. – Чем-то этот архив очень важен...

Мелькнула мысль обратиться в АСИ за помощью. Но вызвала такое отвращение, что он тут же ее отверг.

Принесли еще пива, а с ним хермелин и утопенцы. Первый Радлов проглотил, не жуя, а пряный вкус ощутил, только когда прикончил третий. Даже хермелин не оставил обычного послевкуся, будто в тарелку положили, присыпав маринованным луком, кусок сливочного масла.

Вставая из-за стола, Семен встретился взглядом с одним из туристов за дальним столом и похолодел от неожиданной мысли, что звонить могли отсюда, из «Черного вола». Накапала паника, показалось, что сейчас кто-либо бросится на него, выстрелит или ударит ножом.

- Нет, я не могу, – пробормотал он, тяжело дыша и обливаясь потом. – Надо уезжать. Не могу я так...

- А ну пошли, - Чапек твердо взял коллегу за плечо и практически вытолкнул из пивной на залитую солнечным светом площадь. – Ты что, намереваешься дать деру в момент, когда мы нашли действительно что-то серьезное? Собираешься отказаться от шанса, что историку выпадает только раз? Сотни коллег жизнь посвящают тому, что жуют, интерпретируют найденное другими, выдумывают теории и обоснования. И только единицы, как Шлиман или Альфонсо Касо, совершают реальные открытия! Ты не желаешь стать в один ряд с ними?

- Я не желаю стать мертвым! – нервно оглядываясь, ответил Семен. – И вообще, кому нужна история в наши дни? Она была важна, когда войны велись долгие годы, а имена полководцев запоминали на века. А сейчас? Чтобы захватить страну, необходима атака через Сеть и несколько десантов. Мир узнает об этом через час, а забудет через неделю...

- Судя по тому, что тебе угрожают, история нужна, - Иржи говорил уверенно и спокойно, - ты не хуже меня понимаешь, что прошлое – трамплин для прыжка в будущее. И то, кто

и как его использует, зависит от нас. Кто знает, какие тайны скрывает архив Михнова дворца?

- Э... ну да, точно, - Радлов сглотнул, - так ты говоришь, служба безопасности найдет того, кто звонил?

- Без сомнений. Мы отправимся к ним прямо сейчас.

И они пошли обратно. Выбрались за пределы силового поля. Семен едва не бросился бежать, когда рядом лопнула рекламная бомба. Но сумел взять себя в руки и остаток пути до университета прошагал вполне уверенно. Немного расслабился, только оказавшись за проходной.

- Нам сюда, - Чапек повернул в ярко освещенный коридор. Они поднялись на лифте, прошли тоннелем, чьи стены покрывало нечто похожее на ярко-зеленые водоросли и оказались в главном офисе институтской службы безопасности.

Тут неулыбчивая женщина с каштановым каре и алыми контактными линзами в глазах допросила Радлова, сняла копию данных с его компа. После чего пообещала, что безопасность уважаемого гостя будет обеспечена, и велела обращаться, если случится еще что-нибудь странное.

- Не понял, честно говоря, - сказал Семен, когда двое историков вышли в коридор, - как бы... то есть, несмотря на их усилия, что-то может произойти?

- Вне всякого сомнения, - отозвался Иржи. – Падение метеорита или атака крыс-мутантов.

- А, ну-ну...

Больше по пути в лабораторию они не обменялись ни еди-

ным словом. А затем просто стало некогда. Вниманием обоих историков завладело содержимое старых ящичков с рунами на боках.

Только в девять вечера Чапек отвез Радлова в отель. Тот поужинал в ресторанчике «Красной розы», вымылся и завалялся спать, даже не забравшись в Сеть. Слишком устал.

3

12 мая 2035 года

Прага

Второй день в бывшей столице Чехии начался точно так же, как и первый – завтрак в отеле, поездка с Иржи до института. Только на этот раз навстречу не попались безумные женщины с плакатами.

- Ну что, ты как, все еще трясешься? – поинтересовался Чапек, стоило ученым миновать проходную.

- Э... нет. Как-то я забыл про вчерашний разговор, - Семен осознал, что звонок, так его напугавший в «Черном воле», в самом деле отодвинулся на задворки сознания. Слишком интересной оказалась работа, чтобы ради нее отвлекаться на разные мелочи. – Удалось выяснить, кто это был?

- Нам бы сообщили, - Чапек первым вошел в лифт. – Кстати, ты в курсе, что сегодня суббота?

- Нет. А это важно?

- Нас выгонят отсюда в два часа. У тебя есть планы на остаток дня? – громылавшая «корзина» остановилась на нужном этаже.

- Честно говоря, нет... - Семен попытался вспомнить, чем заполнял свободное время дома и понял, что такого просто

не было.

Часы, что не проводил в институте, он тратил либо на научную работу, либо на всякую бытовую ерунду, от которой не избавлены даже ученые. Плюс занимающая перерывы между делами бессмыслица вроде просмотра телевизора или общения в Сети.

За тридцать с лишним лет он так и не обзавелся приличным хобби.

- Тогда пойдем гулять по Праге, – безапелляционно заявил Чапек. – Шеф намекал, что отправится с нами. Заодно в неформальной обстановке обсудим первые результаты и выводы. Идет?

- Да, конечно.

В лаборатории историков поприветствовали двое ассистентов, один – чех, другой – итальянец, и работа закипела. Удалось полностью разобрать содержимое еще нескольких папок. Когда глаза Семена от вглядывания в расплывающиеся буквы начали слезиться, а мысли – путаться, в лабораторию вихрем ворвался доктор Купалов.

- Вот они, негодяи! – закричал он еще от двери, встряхивая бородой. – А ну марш отсюда! Рабочее время закончилось!

- Как, но... - Семен глянул на часы и обнаружил, что на самом деле до двух осталось несколько минут. – Да, конечно, - с вздохом сказал он, распрямляясь с мучительным стоном.

- Эк тебя, - заметил Иржи. – Надо будет мягкое кресло со

склада выписать. Да, шеф?

- Конечно, - поддержал директор института. – Пошли, пошли. А не то в кабаках пиво закончится.

С последним он явно переборщил. Пиво в заведениях Праги закончится разве что в день Апокалипсиса. Да и то ангелы после сего важного события могут заглянуть в город на Влтаве, чтобы за кружечкой темного или резаного как следует отдохнуть от трудов праведных.

Но в остальном Купалов был прав. Задерживаться не имело смысла.

Семен перекачал последние наработки в институтскую базу данных, свернул экран компа. Кивнул обоим ассистентам и за Купаловым покинул лабораторию.

- Хей-хо, хей-хо, идется нам легко, - напевал тот, пока они шли до выхода из института. – Так, граждане, если нет иных планов, предлагаю отправиться через Град к Карлову мосту.

- Шеф, кто будет с вами спорить? – хмыкнул Иржи.

- Только дурак, - Купалов поднял палец, толстый, как утопенец, - или тот, кто подал заявление об увольнении!

У Страховского монастыря окунулись в силовое поле. Миновали Лоретанскую площадь с могилой и «Черным волком». По правую руку открылся дворец Шварценбергов, покрытый коричнево-белым орнаментом. Стали видны парадные ворота Пражского Града, а за ними – королевский дворец.

Вездесущей рекламы тут не было, зато можно было ослеп-

нуть от вспышек сотен компаков. Туристы со всей Европы и из более отдаленных мест бродили толпами, гиды бормотали один и тот же текст на разных языках. Шустрые типы с бегающими глазками торговали всякой ерундой – путеводителями, видео о Граде, значками, майками, а из-под полы и легкими наркотиками. У самых ворот стояли в будках гвардейцы – дань старой традиции, едва не последнее напоминание о независимой Чехии.

Форма на них была летняя – небесно-голубая.

- Ну что, коллеги, - начал Купалов, когда они миновали гвардейцев и вошли в ворота, украшенные фигурами одетых в звериные шкуры гигантов с дубинами, - нет ли у вас желания поделиться соображениями?

- У тебя были кое-какие догадки, Семен, - проговорил Иржи, - но вчера ты не успел их высказать.

- Э, да... Так вот. Несмотря на то, что в исследуемых документах встречаются имена Вальтера Вюста и нескольких его подчиненных, они не могут принадлежать «Аненербе».

- Причины? – бросил Купалов.

- Первая – бумаги не оформлены в соответствии с бюрократическими стандартами Рейха, а «Аненербе» как часть СС не могла от них уклониться. Вторая – в сорок четвертом у общества не было денег на столь масштабные эксперименты...

Пока развивал свою мысль, трое историков прошли через второй двор Града. У величественного фасада собора Свя-

того Вита свернули направо и выбрались к старому королевскому дворцу. Тут туристов оказалось еще больше. Гвалт стоял такой, что на некоторое время пришлось прерваться.

- Звучит логично, - проговорил Иржи, когда они миновали красно-белую базилику его небесного покровителя. – Но кто еще в Рейхе имел возможность и желание заниматься подобным?

- Я, конечно, не специалист, - директор института, всю жизнь посвятивший изучению системы концлагерей, подергал себя за бороду, - но мне кажется, что все серьезные псевдонаучные организации к тому времени приказали долго жить. Или я ошибаюсь?

- Почти, - сказал Семен.

Времени, потраченного на то, чтобы через Черную башню покинуть Град и по лестнице спуститься в Малу Страну, Радлову хватило, чтобы перебрать все варианты. Многочисленные торговцы, продающие туристам картинки с видами Праги, проводили захваченных беседой ученых разочарованными взглядами.

- Значит, некое общество арманов, жрецов-правителей, - хмыкнул Иржи. – Надо же, и почему я никогда о нем не слышал?

- Это как раз понятно, - Семен махнул рукой. – Все его члены погибли в сорок пятом, так что упоминания редки и не очень достоверны. Известно только, что в обществе каким-то образом оказался Карл-Мария Виллигут, «Распутин

Гитлера», уволенный из СС еще в тридцать девятом, и Фридрих Хильшер.

- Хм... мда... это интересно, - проговорил Купалов, чуть отступая, чтобы дать дорогу группе возбужденно щебечущих туристов из Японии. – Но чем занимались эти коварные парни? Побери меня черти, если я понял!

- Слишком мало данных, - Чапек покачал головой.

Нескольких шагов не дойдя до метро «Малостранская», свернули направо, на Вальдштейнскую улицу. По левую руку потянулась стена, за которой шумели кроны одноименных садов, бродили по дорожкам павлины, а в прудах вальяжно плавали красные и золотые карпы.

- Но будет больше, - заметил Семен, и тут что-то заставило его обернуться.

Позади, держась на расстоянии в пару десятков шагов, шел худощавый мужчина. Вид у него был самый безобидный, лицо скрывали матовые очки видеопутеводителя. На поясе болтался компак.

- Что такое? – встревожился Иржи.

- Нервы шалят... - и Семен нажатием сенсора на воротнике ослабил горло костюма. – Э... о чем мы? Да, о характере экспериментов. Определенно можно сказать, что проводились они над людьми, носили опасный характер и были каким-то образом связаны с кровью.

- Точно, - кивнул директор института. – Blut – по-немецки «кровь», а блуттер упоминается там неоднократно. Что еще?

За разговором не заметили, как миновали Малостранскую площадь с громадой собора Святого Николая. Отвлечшись от беседы, Радлов обнаружил, что они уже на Карловом мосту.

Слева два львенка терлись о ноги Святого Вита, справа трое святых в компании оленя с крестом между рогами топтали крышу темницы. Внутри турок с ятаганом охранял изможденных бородатых мужиков. Дальше в прозрачном тумане, висевшем над Влтавой, виднелись другие статуи моста – святые разных пошибов и степени популярности.

У Святого Яна Непомуцкого, как обычно, толпились жаждущие исполнения желаний туристы. Лотки художников чередовались с торговцами сувенирами. От противоположного берега доносилась разухабистая мелодия – уличные музыканты старались вовсю.

Карлов мост жил полнокровной жизнью, как и пятьдесят и пятьсот лет назад.

- Фух, коллеги, вы как знаете, а я проголодался. Да и кружка пива мне не повредит, - и Купалов похлопал себя по объемистому животу.

- С удовольствием поел бы, - сказал Иржи, а Семен просто кивнул.

- Отлично. Я знаю один душевный кабачок, что на Тынской улице. Кормят замечательно, а наливают «Приматор». Больше нигде этого пива в Праге нет.

Мост прошли ускоренным шагом, почти не глядя по сто-

ронам. За стоящей у его окончания башней, украшенной фигурами королей и вездесущих святых, Семен снова обернулся. Показалось, что в толпе мелькнула знакомая сухощавая фигура и матовые очки.

В этом не было ничего удивительного – одним и тем же маршрутом через Град и мост следовали сотни туристов, но на сердце стало нехорошо. Проснулись вчерашние опасения.

- Осторожнее! Куда прешь! – прорычал рыжебородый здоровяк в тельняшке, на которого заглядевшийся Семен едва не налетел. Что-то кольнуло в плечо, но ошеломленный Радлов не обратил на это внимания.

- Э... прошу извинить, - он поспешно отступил и бросился догонять спутников.

А бородач прокашлялся и вновь завопил во всю глотку:

- Речные круизы по Влтаве! На комфортабельном мини-лайнере! Всего пять мест!

Слева осталась громада Клементинума, потянулась Карлова улочка, сплошь занятая дорогими ресторанами и гостиницами. Из-за поворота вынырнула остроконечная башня ратуши, украшенная древними часами и закрытым решеткой круглым окном-витражом. Через сотню шагов стал виден храм Святой Марии перед Тыном, донельзя напоминающий замок злой волшебницы из старого мультика.

Чтобы пройти через Староместскую площадь, пришлось поработать локтями. Но когда за храмом трое историков повернули налево, то неожиданно окунулись в полную тишину.

Короткий, извилистый переулочек оказался совершенно безлюден.

- Ой, у меня даже уши заныли... - сказал Семен удивленно.

- А у меня они ныли там, на площади, - проговорил директор института. - Ну что, нам вон туда.

Миновали арку, затем свернули в подворотню. Прошли мимо помпезного бара, рассчитанного на туристов, и оказались перед обшарпанной дверью. Горевшие над ней алые буквы образовывали слово «Аида».

- Что это значит? - поинтересовался Семен.

- А кто его знает? - пожал плечами Купалов и толкнул дверь.

За ней встретил густой запах сигарного дыма и картофельной похлебки. Когда глаза привыкли к полумраку, Радлов обнаружил, что они находятся в узкой и длинной комнате.

Примерно половину ее занимала стойка из черного дерева. Над ней торчали пивные краны, позади громоздился шкаф с разноцветными бутылками. На стенах в беспорядке висели самые разные предметы - фотографии голых женщин, театральные афиши, стоптанные ботинки и теннисные ракетки. В углу красовалась большая карта Австро-Венгерской империи.

Напротив стойки стояли столики и мягкие кресла. Все они были заняты. Несколько молодых людей пили пиво. Под

картой располагался усатый толстяк.

- Добри ден, - прорычала лохматая груда, поднявшаяся над стойкой, и Семен понял, что это бармен.

Смуглый и могучий, с густой черной бородой, он напоминал тролля или пещерного человека. Половник в волосатых ручищах казался экзотическим оружием, темные глаза смотрели пристально.

- Добри ден, - ответил Купалов и затараторил по-чешски. Бармен кивнул и указал половником на дверной проем в противоположной от стойки стене. Закрытый занавесом из множества разноцветных лент, он был почти невидим.

- Нам туда, - сказал директор института и поманил коллег за собой.

За занавесом обнаружился небольшой, на три стола, залчик. Тусклый свет через единственное окно падал на курительные трубки, развешенные по стенам, рождал блики на боках старинных масляных ламп. За одним столом располагалась пара молодых людей, за другим дремал пенсионер с чашкой кофе, третий оказался свободен.

- Стильно, - заметил Иржи, опускаясь на стул.

- Еще бы, - Купалов хмыкнул так хвастливо, будто сам разрабатывал дизайн. – Этим баром более полувека владеет одна семья. Нынешнего владельца, кстати, вы видели только что.

Подошел бармен, а по совместительству хозяин, принес меню, отпечатанное на газетной бумаге. Услышав, что посе-

тителям для начала нужно «три свитле пиво», он с достоинством кивнул и удалился.

- Надеюсь, что к новшествам типа виртуальных официантов в этом уголке Праги не перейдут никогда, - заметил Купалов, даже не заглянувший в свой экземпляр меню. – Рекомендую заказать тосты, они у них очень хороши. А для того, чтобы наесться – свиное колено...

- И стоило трудиться читать? – хмыкнул Семен, знавший чешский как раз достаточно, чтобы сделать заказ в кафе.

- Ничего, это вам не нацистские документы, - директор института рассмеялся, - кстати, что-нибудь еще удалось выяснить?

- Э... детали, мелочи. Например, в письмах не один раз встречается название «Шаунберг». Судя по всему, именно там обосновались арманы, проводившие опыты над людьми. Что это такое, интересно?

- Сейчас найдем, - отозвался Иржи, выкладывая на стол компакт «Ларусс-35», похожий на кедровую шишку из металла.

Бармен принес пиво. Кружки, увенчанные шапками белой пены, мягко стукнулись о стол. Купалов надиктовал заказ. К тому моменту, когда закончил, на лице Чапека появилось озадаченное выражение.

- И что там? – поинтересовался Семен, прихлебывая горьковатое пиво.

- Шаунберг. Самый большой замок в Верхней Австрии,

возведен в начале двенадцатого века. В тысяча девятьсот седьмом году его приобрел Йорг Ланц фон Либенфельс. В годы Второй Мировой разрушен. Больше почему-то информации нет, только фотография еще прошлого века.

- Йорг Ланс фон Либенфельс, он же Адольф Йозеф Ланц, он же цистерцианец и расстрига брат Георг, один из лидеров ариософского движения? – оживился Радлов. – Занятно. Про этого персонажа мало что известно... А если он остался в этом замке до сорок пятого в компании Хильшера...

- У этих помешанных хватило бы «ума» на проведение самых жестоких экспериментов, - кивнул Иржи.

Около стола возник бармен. Рокоча под нос, как пробудившийся вулкан, он хлопнул на стол три тарелки с тостами. Небрежно буркнул что-то вроде «Хутного йидла» и величественно удалился.

- Верхняя Австрия, - заметил Семен, прожевав первый тост, с маринованными огурцами и чесноком. – Там, если верить семейным преданиям, воевал мой прадед, Петр Радлов. И он рассказывал моему отцу, что они... нет, не вспомню... дело было летом сорок пятого, по-моему.

- А, Австрийский мятеж и Зальцбургская операция, после которой возникла Советская Австрийская Республика, - кивнул Иржи, так и не свернувший виртуальный экран. – О них информации более чем достаточно. Вот только... о Шаунберге там ни слова. Чудно.

- А что за мятеж? – Купалов покончил со своей порцией

гренок и невозмутимо допивал пиво.

- Да в июле сорок пятого какие-то недобитые немцы взбунтовались в Верхней Австрии, - ответил Чапек. - Захватили большую территорию, даже к Вене подступили, но взять ее не смогли. Американцы и англичане промедлили, а русские фрицев разбили и заняли всю Австрию, кроме Тироля и Форальберга. Так и не отдали потом, сделали с ней то же самое, что и с Германией.

- Но... - договорить Семен не успел.

Пустая кружка перед ним исчезла, унесенная жилистой ручищей. На ее место плюхнулась полная, с темным пивом. А в центр стола бармен поставил овальное деревянное блюдо со свиным коленом. Качнулись три вилки, воткнутые в небольшую гору из жирного мяса, откуда донжоном торчала кость. Пересеченный ландшафт вокруг горы состоял из дюн – кнедликов, пустыни хрена, болота горчицы и зарослей квашеной капусты.

Пришлось отложить разговоры и пойти на штурм.

Примерно через полчаса, допив третью кружку, Семен понял, что больше не сможет съесть ничего, даже если ему за это заплатят. Брюхо раздулось, как мешок попрошайки в день праздника.

- Ну что, все, коллега? Или еще что-нибудь закажем? – с ласковой издевкой осведомился Купалов.

- Нет, - пропыхтел Радлов. – Или вы смерти моей хотите?

- Для этого и вызвали. Чтобы умер, ха-ха, не в варварской

России, а в приличном месте.

- А кстати, - заметил Чапек, задумчиво тыкая вилкой в очищенную от мяса кость, - было бы неплохо в этот самый Шаунберг съездить. Поглядеть, что там да как. Ведь не так до него далеко – меньше четырехсот километров.

- Съездим, - кивнул директор института. – Вот только расшифруем архив до конца, а там и командировку организуем, и пикник на природе, с сосисками, пивом и купанием в Дунае.

Семен только вздохнул, удивляясь, как Купалов может еще думать о еде. Подошедший бармен рыкнул что-то, директор института провел кредиткой по древнему трансактору - сканеру для перевода денег. После этого все трое поднялись и через комнату со стойкой, где было так же накурено, вышли на улицу. Усатый толстяк из угла проводил их ленивым взглядом.

Оказавшись на залитой солнцем Староместской площади, Радлов зажмурился. Только когда под опущенными веками перестали плавать желтые и оранжевые круги, открыл глаза.

- Ну что, куда отправимся, коллеги? – поинтересовался Купалов. – Музеи и концертные залы вас, пан Семен, насколько помню, мало интересуют. Может быть, зайдем в какую-нибудь кофейню...

- Нет, только не это! – под ногу попала выбоина в брусчатке, Радлов пошатнулся и, чтобы не упасть, схватился за Иржи. Распрямляясь, невольно развернулся и увидел, что в

трех шагах, прислонившись спиной к стене дворца Гольц-Кинских, стоит и невозмутимо жует жвачку тот самый тип, что шел за ними на мосту.

Сомнений быть не могло – та же тощая фигура, цветастые кроссовки и дымчатые очки, скрывающие пол-лица.

- Все в порядке? – поинтересовался Чапек.

- Да, - ответил Семен, надеясь, что ошеломление и испуг не отразились на его лице. – Но... позвольте, я должен...

Непонятно как, но сумел сделать вид, что ничего не заметил. Невероятным усилием воли заставил себя отвести взгляд. Повернулся к незнакомцу в очках спиной и заговорил вполголоса.

- Э... г-господа. Кажется, что за нами следят. Прошу вас – не делайте резких движений, не дайте ему понять, что мы знаем о наблюдении, - Радлов придержал за руку открывшего рот и выпучившего глаза Купалова, - вон тот тип, что расположился у стены. Он был на мосту и на Малой Стране.

- Да? – прошептал Иржи. – Ты уверен?

- Еще бы. Конечно.

- Не может быть, - директор института нахмурился, глаза его беспокойно забегали. – Тебе показалось, скорее всего. Нужно устроить проверку. Коллеги, идем прогулочным шагом и невозмутимо беседуем.

И он зашагал в сторону засиженного голубями памятника Яну Гусу.

- Беседуем, панове, - невозмутимо напомнил спутникам

Купалов. – О чем? Да вот хотя бы о женщинах. Вон идет краля, грудь светится под тем, что только по ошибке можно назвать одеждой. Будь я лет на двадцать моложе, плюнул бы на все научные проблемы и ударился в загул...

Пока он говорил, монумент национальному герою Чехии, шестьсот лет назад нашедшему смерть на костре, остался позади. Сидевшая на бородатой голове ворона злорадно глянула на историков черным глазом и закаркала.

- Если говорить о женщинах, то вспоминается одна история, - проговорил Чапек. – Ее рассказал мне друг, преподающий в университете Брно. Пришел он как-то раз в стрип-бар, немного расслабиться. И только заказал коктейль, как танцевавшая у шеста девушка наклонилась к нему и поинтересовалась «А во сколько у нас завтра лекция?».

- Ха-ха-ха, - Купалов громогласно расхохотался, Радлов с трудом выдавил из себя жалкое хихиканье.

Староместская площадь осталась позади, трое ученых вступили на Парижскую улицу, занятую дорогими, под старину отделанными магазинами. Остались за спиной толпы возбужденных туристов.

Тут не было кричащей рекламы, бьющего по глазам света вывесок. За стеклянными витринами на черных подушечках лежали драгоценности. Бутики горделиво выставляли на обозрение эксклюзивные шмотки. Шумели листвой каштаны. Семен шагал, удивляясь, как его коллеги могут беззаботно трепаться. Затылком ощущал пристальный взгляд. По

спине бегали мурашки размером с майских жуков.

- О, какая штука! – Купалов резко остановился, ткнул рукой в витрину, так что Радлов едва не налетел на коллегу.

- Э... да, - сказал он, разглядывая изготовленный, судя по всему из проволоки женский сапог.

- Точно, идет за нами, - прошептал директор института. – Вон, остановился за деревом, делает вид, что штанину поправляет. Задери меня черти, что же это творится такое?

- Может, это наши, из службы безопасности? - без особой уверенности предположил Иржи.

- Мне бы сообщили. Нет, это что-то другое. Так, что же делать...

У Семена мелькнула мысль, что это может быть человек из Агентства Специальной Информации. Но когда взгляд зацепился за висящую над дверью бутика камеру кругового обзора, предположение испустило дух.

Известно, что АСИ имеет доступ к информации, собираемой вот такими частными источниками. Желай эта могущественная контора следить за Семеном Радловым, ей было достаточно отлавливать его электронные метки в институте и гостинице, ловить переводы с кредитной карты и вовремя переключаться с камеры на камеру.

Бродящие по улицам агенты для этого совершенно не нужны.

И кто же тогда так открыто, почти не скрываясь, идет за приехавшим из Нижнего Новгорода историком? Кто стоит за

вчерашним звонком? Кого еще мог заинтересовать нацистский архив?

- Мы должны избавиться от слезки, - принял решение Купалов. – Для этого придется еще чуток прогуляться.

И они зашагали дальше.

- Тут рядом держит книжную лавочку один мой старый друг, - рассказывал директор, пока трое историков через Парижскую и Широкую улицу добирались до Майзеловой, некогда главной в еврейском гетто Праги. – Он большой оригинал, но наверняка сможет помочь.

На перекрестке у Еврейской ратуши Семен не выдержал, обернулся. Поначалу от сердца отлегло, когда не заметил преследователя. Но затем обнаружил, что тот немного приотстал, и настроения опять испортилось.

Открылось Старое еврейское кладбище – серая ограда метров в пять высотой, из-за которой торчали покосившиеся надгробия. В сороковые годы прошлого века оно уцелело только благодаря тому, что нацисты собирались устроить в Праге музей уничтоженной до последнего человека расы.

У входа на кладбище, как обычно, толпились рвущиеся к могилам предков туристы.

- Нам сюда, - Купалов свернул на узкую и кривую улочку, отходящую от Староновой синагоги. – Вот мы и пришли...

Лавочка располагалась в цокольном этаже. К двери вела каменная лестница, так истертая, словно ее соорудили во времена Карла Четвертого. На простой белой вывеске чер-

ными буквами было выведено «U Непу».

- Это у крокодила, что ли? – Семен вспомнил персонажа старого мультика, добродушного, хотя и зубастого, в сюртуке и котелке.

- Нет, - директор института загадочно улыбнулся и толкнул дверь.

Внутри было полутемно и пыльно. Вдоль стен громоздились полки, уставленные книгами. Рядом находились древние тома, чьи обложки украшало серебрение, и издания начала века, яркие, словно тропические бабочки. На широком столе в центре валялись нотные тетради, а стену за прилавком, на котором почему-то стояли аптекарские весы, украшали географические карты эпохи Великих Открытий. Киты на них пускали струи, ветры надували щеки.

- Вай-вай, - появившийся за прилавком тип больше всего напоминал хитрого гнома. Его розовая лысина блестела, темные глаза хитро щурились, а рыжая борода торчала, словно боевое знамя. – Какие гости? Заходите, мы таким гостям всегда рады!

Семен заморгал, осознав, что хозяин лавчонки говорит по-русски.

- Э, как... - начал он.

- Нечего удивляться, - во всю пасть, по-крокодильи, ухмыльнулся бородач, - я вашего брата еще в сорок пятом навидался, а потом и в шестьдесят восьмом. Сразу вижу, кто родился к востоку от Бреста.

- Но это невозможно! – возмущился Радлов.

- Все возможно, когда имеешь дело с этим человеком, - покачал головой Купалов, - Гена порой несет такое, что не хочешь, а веришь...

- Куда же деваться? – хозяин лавки пожал плечами. – Мой прадед снабжал книгами самого рабби Лёва. Император Рудольф спускался по этим ступеням. Кафка и Майринк заходили выпить кофе к папе, да икнется ему на том свете. Но и я, недостойный, немало имею чего предложить достойным панам. Вот сочинение алхимика Теофила «О разных искусствах», - он ловко выхватил с полки книгу в черном переплете. – Мало кто знаком с ее тайнами. Рядом альбом с рисунками самого Леонардо да Винчи, а за прилавком, - Гена значительно поднял брови, - хранится «Сатанинская библия», которую побоялась сжечь инквизиция. Для знатоков есть *Osculta Magna Арнульфа Кельнского* и «Книга Авраама Еврея», а для ценителей прекрасного...

- Остановись, дружище, а не то погребешь нас под лавиной из слов! – Купалов вскинул руки, будто защищаясь. – На самом деле мы пришли тебе за помощью. Нашего друга, - последовал кивок в сторону Радлова, - преследует некий тип. И мы ищем способ убрать его с хвоста.

- Всем что-то нужно от бедных евреев, - с показной печалью вздохнул Гена и поставил алхимический труд на место, - солдаты Яна Люксембургского искали у нас в синагоге золото, многие сотни глупцов – остатки голема, Гитлер с Гейдри-

хом хотели истребить любимых детей Святого до последнего. И сейчас являются разные типы не для того, - бормоча эту ерунду, он подошел к двери и через щелочку выглянул на улицу, - не для того, чтобы помочь ничтожному владельцу книжной лавки деньгами... Вай-вай, точно, мнется на углу хитрый товарищ с профилем внука Авраамова.

- Так он еврей? – изумился Иржи.

- Вас это так удивляет? – Гена сделал большие глаза. – Ох, глупость людская велика, точно небо. Пойдемте, умники. Так и быть, выведу я вас через заднюю дверь. Ей мои предки уходили от врагов еще во времена погромов императора Леопольда, провалиться ему в ад еще раз...

Продолжая рассказывать небылицы, хозяин лавки провел гостей за прилавок. Через низкую и узкую дверь они прошли в небольшую комнату. Семен чуть не споткнулся о глиняный кувшин высотой себе по пояс. С удивлением глянул на округлую печь, чья труба выходила в окно, на ряды стеклянных и металлических сосудов на полках.

Пахло тут резко и сильно, чем-то кислым и горелым.

- Осторожнее, не ударьтесь, - за второй дверью начинался коридор, тесный и темный, как мышьяная нора.

Радлов прошел его почти на ощупь, выставив вперед руку и мечтая только о том, чтобы не упасть. Впереди заскрипело, обозначилась испускающая свет щель, через миг превратилась в дверной проем.

- Бржехова улица, - сообщил Гена, отступая в сторону,

чтобы освободить путь. – Отсюда доблестные паны могут отправиться на все четыре стороны. Надеюсь, скромный иудей порадовал гостей?

Историки один за другим поднялись по лесенке и очутились на усаженной липами улочке. Стал ощутим запах нагретых на солнце камней, ветер принес раздраженный собачий лай.

- Не то слово! – воскликнул Купалов, пыхтя и отдуваясь.
– Ты нас просто спас! Мы перед тобой в долгу!

- Декую, - сказал Иржи.

- Не за что, - хозяин книжной лавки в упор глянул на Семена, - а ты можешь придти еще раз. Из любопытства или по необходимости, когда враги загонят тебя в ловушку. Тогда узнаешь, что не всякая смертельная опасность ведет к гибели...

- Э... благодарю. Но надеюсь, что до этого не дойдет... - Семен поежился под яростным взглядом темно-коричневых, словно из глины вылепленных глаз.

- Не надейся. До встречи, - Гена проскользнул обратно и захлопнул дверь. Та слилась с грязно-белой стеной так плотно, что остались только едва заметные щели.

- Странный он, - проговорил Чапек. – В одни моменты казалось, что несет ерунду, а потом и на самом деле верилось, что помнит Майринка, и что дом уцелел при перестройке гетто в конце девятнадцатого.

- Вот и я о том, но сейчас не до того, - сказал Купалов,

подозрительно оглядываясь. – Нам надо обратиться отсюда как можно быстрее. А ну пошли.

И он повел коллег на северо-запад, в сторону Дворжаковой набережной. По ней мимо Рудольфинума трое ученых вышли к площади Яна Палеха, зеленой, похожей на крошечный парк.

- Тутждемся трамвая и поедем наверх, - бросил директор института и испытующе поглядел на Семена. – Да, кто-то сильно заинтересовался архивом Михнова дворца и твоей персоной. Звонок и слежка – все это звенья одной цепи. Поэтому отправишься в Шаунберг завтра утром.

- Но я... - договорить Радлову не дали.

- Тихо, я не закончил! – одернул его Купалов, и седые брови сошлись к переносице. – На какое-то время выпадешь из поля зрения преследователей. А я пока напрямую безопасников и полицию. Уж сегодняшнего топтуна они точно найдут...

Подкатил трамвай – водруженная на колеса серебристая пуля размером с сарай, с нарочитым шипением открылись двери.

- Добро пожаловать на борт, - сказал Иржи. – Не грусти ты. Семен, все образуется.

- Э... не верится, - Радлову и в самом деле казалось, что невидимые враги следят за каждым его шагом. Что они получили сигнал даже с трамвайного трансактора, минуту назад снявшего с карточки плату за проезд. – Кажется мне, что

тут замешаны такие силы...

- Когда кажется – креститься надо, - вмешался Купалов, - это еще мой русский дед прекрасно знал.

За окнами промелькнула Влтава. Трамвай, на мгновение остановившись у метро «Малостранская», принялся взбираться к Градчанам. Справа остался парк Летна и обрыв с огромным метрономом над ним.

- Сейчас мы тебя проводим. До вечера сиди в номере, в Сеть не выходи, - сказал директор института, когда они вышли из трамвая около «Градчанской». – Кто знает, какие там ждут сюрпризы? Завтра утром за тобой заедут.

- Ладно, - Семен понурился.

Сидеть в четырех стенах и бездельничать не хотелось. Но с другой стороны, он хорошо понимал, что, выходя на улицу или в виртуальное пространство, подвергается реальной опасности.

Люди, решившие остановить исследования найденного архива, могут пойти на то, чтобы ликвидировать строптивного историка. А сделать это в середине двадцать первого века не так сложно. Достаточно подсадить к нему в компак разрушительную программу или нанести на одежду штамм убийственного вируса.

До гостиницы дошли без приключений. Навстречу попала только пожилая дама, выгуливавшая собачку размером с кулак, да парочка оживленно болтавших девиц лет эдак четырнадцати. Когда стал виден ресторан «На сламнику», у ко-

торого толпились лохматые юноши в драных майках, Радлов облегченно вздохнул.

- До завтра, - Купалов погрозил пальцем. – И чтобы был жив!

- Э... постараюсь, - Семен кивнул и вошел в «Красную розу».

13 мая 2035 года
Прага - Шаунберг

В сон ворвался монотонный воющий звук. Радлов не сразу догадался, что его вызывают, и не через компак, а по внутренней сети отеля. С трудом разлепил веки, сфокусировал взгляд.

- Прием, - голос спросонья оказался хриплым, но иск «Красной розы» опознал его. Круглый динамик в стене у кровати зашипел и породил сердитое восклицание Иржи:

- Эй, сколько можно спать? Давай, поднимайся!

- А сколько времени?

- Семь тридцать. Нам пора выезжать.

- В воскресенье будить меня так рано очень негуманно, - пробормотал Семен и звучно зевнул. – Уаааууу... Ладно, сейчас буду.

Динамик вновь зашипел и замолк. Радлов привычным движением потянулся к лежавшему на тумбочке у изголовья компаку, но поспешно отдернул руку. Пока есть возможность хакерской атаки, придется обойтись без прибора, в середине двадцать первого века столь же необходимого, как расческа.

Поспешно умывшись и покидав вещи в чемодан, Семен выбрался из номера. Сошел вниз, на минутку задержался около администратора, сообщил ему, что уедет на несколько дней. Когда вышел на улицу, то не смог сдержать удивления – Иржи ждал на противоположной стороне улицы, а рядом с ним стояла не скромная «Шкода-Нокиа», а шестиколесный «Пежо-Армада», синий, как грозовое небо, с серебряными росчерками молний вдоль бортов.

- Она принадлежит моему племяннику, - ухмыльнулся Чапек, довольный произведенным эффектом. – Он согласился нас сопровождать. Сам понимаешь, едем в места дикие, мало ли что.

Дверца со стороны водителя открылась, стал виден крепкий светловолосый парень в черной майке со светящимся крестом на груди.

- Привет, - произнес он по-английски. – Меня зовут Матей. Дядя сказал, что надо бы с вами съездить. А мне что? Совсем не жалко.

Он улыбнулся, и улыбка дивным образом преобразила лицо, сделала его из грубого и даже сурового каким-то одухотворенным.

- Э... привет, - отозвался Радлов, едва удерживаясь от желания улыбнуться в ответ. – Я – Семен.

- Вот и познакомились, - Матей потянулся, под майкой обозначились выпуклые мышцы. – Забирайся на заднее сиденье. Поедем с ветерком. Чего зря время терять?

Семен залез в машину, кинул на заднее сиденье чемодан. Чапек занял место рядом с племянником, и «Пежо-Армада» мягко сдвинулся с места.

- Поедем втроем? Не мало ли? – поинтересовался Семен, когда они миновали Летну и спустились к Малой Стране.

- Чем меньше народу знает, куда мы отправились, тем лучше, - ответил Иржи. – Все равно это только предварительная разведка. Я захватил кое-что из оборудования, но понятно, что изучить замок полностью мы не сможем. Осмотримся, заодно тебя припрячем на время.

- Вот как... Ну ладно, - и Семен замолчал.

Проехали Смихов, справа остался железнодорожный вокзал, слева – пивоваренный завод «Старопрамен», над которым висел, переливаясь янтарным светом, исполинский баннер – кружка с выливающейся из нее пеной. На другом берегу мелькнул Вышеград – башенки костела Петра и Павла, старые крепостные стены, опускающиеся прямо к реке скалистые обрывы цвета охры.

Матей, напевавший что-то себе под нос, ожил в тот момент, когда они выбрались из пределов города.

- Копать едем, а? – спросил он, повернувшись к Иржи и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Эх, люблю я это дело. Куда только не ездили. Вот, помню два года назад какие-то танки под Брно...

Старший Чапек повернулся к коллеге и, словно извиняясь, развел руками.

Причина этого выяснилась очень быстро. Матей оказался невероятно болтлив. Вскоре Семен узнал, что его новый знакомый много лет занимается боксом, а также принадлежит к движению «Христианская молодежь Праги».

- Наш капеллан всегда меня отпускает, - рассказывал парень, - когда дядя просит. Говорит - изучать прошлое – богоугодное занятие. А мне что? Я готов прокатиться, особенно если дел каких не наблюдается...

Машина летела по шоссе, прямому, точно луч света. По обеим сторонам от дороги тянулся ничем не примечательный пейзаж – поселки, перелески фермы, поля, толстые черно-белые коровы.

- Кстати, - сказал Иржи, когда в словесных излияниях племянника наступила пауза. – Я попытался найти что-нибудь про Шаунберг, фон Либенфельса и его оккультное общество. Влез в закрытые хранилища.

- И что? – Семен подался вперед.

- Ничего! Я знаю исторический сектор Сети на пять баллов, но не отыскал вообще ничего! Словно этой темой никто никогда не занимался! – Чапек выглядел обескураженным, даже длинный нос как-то обвис.

- Вот, помню, месяц назад били мы морды этим, вьетнамцам... - вклинился Матей, - как же, святое занятие, с благословения архиепископа. Ну, не били, - тут парень напрягся, вспоминая сложный оборот, - а несли свет истины заблудшим душам, во. Чтобы они, эти души сами на депортацию

согласились. И чего они к нам прикатили? Ведь их никто не звал? Приехали мы в эти самые Тржебоницы. Окраина Праги, жуткая дыра. Выходим из тачек...

Семен откинулся на сиденье, понимая, что не в силах слушать рассказы о подвигах одного из боевых христианских отрядов, каких за последние годы много стало по Европе. Под монотонную болтовню Матей и сам не заметил, как задремал. Проснулся оттого, что его потрясли за плечо.

- Приехали, - сказал Чапек. – Тут остановимся и перекусим.

- А где мы? – Радлов выглянул в окно. Машина стояла на стоянке в компании нескольких цветастых туристических автобусов, а солнце висело прямо в зените.

- Чешский Крумлов, - сообщил Матей. – Тут наши братья тоже есть. Только работы у них поменьше.

Семен вылез из «Пежо» и повертел головой, разминая затекшую шею. На солнце оказалось жарковато, пришлось включить вентиляцию костюма.

- Нам вон туда, - сказал Иржи, указывая в ту сторону, где виднелась остроконечная башня с флажком флюгера.

- Замок? – спросил Радлов.

- Один из крупнейших в Южной Чехии. Пойдем.

По подземному переходу миновали оживленную трассу. Прошли мимо рабочих, деловито устанавливавших столбы для такого же, как в Праге, силового поля. Через ворота, увенчанные красно-желтой башенкой с черепичной крышей,

вступили в сам город.

Тут башня с флюгером открылась во всей красе. Стало видно, что она состоит из нескольких ярусов, и что каждый украшен по-особому. Один был разрисован в желтый кирпич, другой – покрыт розовыми разводами, третий окружала галерея. А венчала все зеленая крыша, утыканная башенками поменьше.

- Ничего себе, - Семен повел взгляд дальше и понял, что башня – часть длинного, растянувшегося на несколько сот метров замка. Кое-где изящный, местами нарочито грубый, он уступами поднимался к лесистому холму.

- Это точно, - согласился Иржи. – Эту красоту строили и перестраивали не один век. Больше двух десятков строений, сад, театр, мост, конюшни, аптека, пивоварня, куча фресок и скульптур.

Вскоре обнаружился нависший над улицей соединительный ход, украшенный двумя гербами. За ним потянулись улочки, перенесенные словно из средневековья – крохотные, теснящиеся друг к другу домики, остроконечные крыши, узкие переулки.

Не хватало разве что сточных канав и прилегающего к ним запаха.

Попадались сувенирные магазины, продававшие игрушки, мечи из плохой стали, доспехи-новоделы и «Бехеровку» в ядовито-зеленых бутылках. Между ними прятались крохотные лавочки, торгующие травами и «натуральной» космети-

кой. Туристов в Крумлове было если и меньше, чем на Староместской площади в Праге, то ненамного.

По старинному деревянному мосту перешли Влтаву. Когда прошли меж украшающих его скульптур – распятого Христа и Яна Непомуцкого, Матей перекрестился и пробормотал нечто похожее на молитву. Сразу после моста повернули направо, и мимо здания культурного центра выбрались к крохотному полуострову, целиком занятому рестораном «Рожмберк».

Замок написал на другом берегу, огромный и серый. Блестели высокие окна, ниже бугрилась дикая скала, послужившая основанием всему зданию. Две части строения соединял невидимый с других ракурсов мост, украшенный статуями святых. Слышались плеск волн и утиное кряканье.

- Здесь и пообедаем, - сказал Иржи, поднимаясь на уставленную столиками террасу.

Подскочил официант, тощий, глазастый и вертлявый. Гостей усадили в углу террасы, прямо над рекой.

- Посмотрим, что у них есть, - Матей развернул меню с таким видом, будто собрался набить ему морду. – А то я, это, проголодался...

В результате он, как и Семен, заказал жареную на гриле форель, Иржи – тушеного карпа. Принесли пиво «Эггенберг» в высоких бокалах, украшенных сложным гербом из пяти частей.

- Э... знаете что, - заметил Радлов, разглядывая картинку,

где нашлось место и птицам и розам, колесу и якорю, - а я ведь почти сутки не был в Сети. Уж и не вспомню, когда такое последний раз случилось. У меня там наверняка куча сообщений висит, знакомые беспокоятся, что я исчез.

Погружение в виртуальность было настолько же привычным, как чистка зубов и посещение туалета. Многие годы Семен не мыслил себя без него. Когда оказался лишен доступа в Сеть, почувствовал самый настоящий физический дискомфорт. Зудели руки, одолевало желание вскочить и куда-то побежать.

- Хочешь зайти? – Чапек протянул свой компак.

- Хочу, но это... - Радлов смутился. – Через чужой как-то неловко. Я подожду, пока все не устроится...

Принесли форель с коричневой поджаристой корочкой, украшенную укропом и долькой лимона. Она оказалась настолько вкусной, что Семен оставил только кости и изрядно погрызенную голову.

- О, молодец, дружище, - с уважением хмыкнул Матей. – На вид хлюпик дохлый, а ешь, как настоящий пацан. Видит Христос, из тебя еще выйдет толк.

- Так вот, э... - Радлов замялся, не зная, поблагодарить за комплимент или обидеться.

- Пойдем, - спас коллегу от мучительного выбора Иржи. – Заглянем в ров с медведями и отправимся дальше. Нам еще ехать и ехать.

- Да, конечно, - Семен поднялся.

По узенькому мостику, идущему прямо от ресторана, перебрались на другой берег. Прошли под мостом со статуями, свернули направо и, пройдя вдоль замка, оказались у глубокого тенистого рва.

На его дне, около небольшого пруда с коричневой водой, лениво бродили меж валунов и бревен три бурых медведя.

- Хищники, - проговорил Матей с широкой улыбкой. – Мохнатые и здоровые, как я. Разве что не осененные светом истинной веры.

Толпившиеся у ограды туристы пялились вниз, вели съемку. Дети возбужденно пищали, взрослые одергивали их. Привычные ко всему звери не обращали внимания на гвалт наверху.

- Ну оттуда и воняет, - заметил Семен, уловив поднимающиеся из рва запахи. – Как из помойки...

Иржи поглядел на него с непонятым сочувствием.

Когда вернулись к машине, Радлова на жаре чуть снова не разморило. Но Матей включил музыку, так что спать в машине стало невозможно. Чешский Крумлов с башней замка остался позади, и извивающаяся, точно змея, дорога начала подниматься в горы, невысокие и лесистые.

- Шумава, - сказал Чапек. – За ними то, что раньше называлось Австрией.

Машина ползла по серпантину выше и выше, мелькали елки и сосны, в открытое окно проникал пахнувший хвоей воздух. Семен боролся с дремотой, вслушиваясь в вопли со-

листа какой-то христороковой группы. Пел тот нечто возвышенное о снисхождении в Ад.

Матей негромко подмурлыкивал и даже иногда попадал в такт.

После перевала подъем сменился спуском, стала видна уходящая на юг холмистая зеленая равнина. Вскоре попался первый городок – Фрейштадт. Разглядеть ничего не удалось, поскольку промчались через него на большой скорости. После Фрейштадта поселки начали встречаться чаще. Когда солнце ощутимо уползло к западу, пересекли Дунай у Линца.

Одна из самых могучих рек Европы выглядела тут довольно скромно.

- Немного осталось, - подбодрил Семена Иржи. – До Эфердинга сорок километров и там на север десяток.

Радлов уныло кивнул.

Когда стал виден Эфердинг, «Пежо-Армада», ревя мотором, свернул на разбитую грунтовую дорогу. Несмотря на компенсаторную систему, машину начало раскачивать, а пассажиров – трясти.

- Э... не думал я, что в Европе еще остались такие дороги, - сказал Семен, упираясь в потолок.

- Я тоже, - отозвался Матей и перешел на ручное управление.

Последние десять километров дались тяжелее, чем предыдущие триста девяносто. Когда впереди блеснула речная

гладь, дорога неожиданно уперлась в висящие на столбах ржавые ворота.

Табличка была украшена надписью на немецком.

- «Особая территория. Находится под охраной правительства Австрийской республики. Въезд строго запрещен!» – прочитал Иржи. – Похоже, что здесь никто не был со времен падения советского строя.

В стороны от ворот протянулись остатки забора – кривые столбы с обрывками колючей проволоки. Матеею не составило труда найти в нем дыру и въехать на особую территорию. Дорога после этого превратилась в набор ям и рытвин, а примерно через километр стал виден Шаунберг.

На месте ворот темнела неровная дыра. Покрытые трещинами и отверстиями стены невероятной толщины образовывали что-то вроде овала, а над ними поднималась башня, толстая и могучая, как старое дерево.

- Ух ты, ого! – воскликнул Матей. – Да его брали штурмом! Палили из пушек и бомбили! А вон там взрывали! – и он указал туда, где вместо одной из башен виднелась лишь груда развалин.

Он остановил машину. Затихло ворчание мотора, осела поднятая колесами пыль.

- Пять баллов, - сказал Иржи, первым выбираясь наружу. – Давно не видел столь мрачного строения. Но почему тут особая территория?

- Радиация или химическое заражение? – предположил

Семен.

- Не, она бы заметила, - Матей похлопал «Пежо» по боку.
- Там датчик, он пробы воздуха берет и эту, радиацию считает...

- Значит, тут есть, что скрывать. Или было, - поправился Чапек. - А сейчас самое время выбрать место для лагеря.

- Мы что, останемся здесь? Не поедем в гостиницу? - Радлов захлопал глазами.

- Нет, ни в коем случае, - Иржи покачал головой.

- Но как же... тут никаких удобств. Ни ванны. Ни телевизора. И что мы будем есть? Где спать?

Радлов чувствовал себя полностью сбитым с толку. Он, конечно, знал, что можно ночевать вне помещения, но никогда не думал, что сам попадет в такую ситуацию.

- Не переживай, - Матей распахнул багажник и принялся в нем копать. - У нас есть все, чтобы не пропасть. Палатка, спальные мешки, запасы еды. И вообще - тут свежий воздух и все такое.

- Но как же так... я не смогу, после дороги надо вымыться и это... посмотреть новости. Тут грязно!

- Ты же историк? - усмехнулся Чапек. - Должен знать, что наши предки долго могли не мыться, а жили и вовсе в жуткой антисанитарии. В пещерах, шалашах и хижинах, где не было телевизоров.

- Позвольте, но я... - Семен огляделся в тщетной попытке обнаружить рядом отель или хоть что-то пригодное для

жилья. Взгляду предстал замок, столь же уютный, как бак для мусора, поросшие кустарником холмы и северный берегу Дуная, низкий и лесистый. – А ты сам уже ночевал вот так?

- Приходилось. Слушай, а как ты избежал археологической практики? – Иржи поглядел на коллегу с подозрением. - Вот у нас всех вывозили на раскопки. Так три недели мерзли и мокли под дождем.

- Я как лучший на потоке остался на кафедре сортировать и описывать находки, - Радлов покраснел, впервые тот давний эпизод из студенческой жизни показался постыдным.

- Хитрый жук. Кроме того, смотри, зарегистрируйся ты в любой гостинице, информация об этом попадет в Сеть. И кто угодно сможет узнать, где ты находишься. А тут нет не то, что консолей входа, а даже камер слежения. Ты выпал из их поля зрения, исчез, просто растворился.

- Ну, хм... это, конечно, хорошо. Но как-то непривычно. Пока они разговаривали, Матей вытащил из багажника тючок размером с голову ребенка. Снял блестящий черный чехол и выложил на землю квадрат из светло-зеленого сертигласа. Нажал еле заметный сенсор и отошел в сторону. Квадрат зашипел, как злая гадюка и начал раздуваться.

Через пять минут он превратился в округлую симпатичную палатку с тентом и предбанником.

- Вот тут мы и поселимся, - Матей сделал приглашающий жест. – Вентиляция, система отпугивания мерзких тварей

вроде клещей или комаров. Места хватит человек на пять. Сейчас достану спальные мешки...

И он вновь зарылся в недра багажника.

Мешок в сложенном состоянии оказался похож на крошечную подушку. После надувания превратился в мягкий на ощупь «стручок» длиной в два метра, достаточно просторный, чтобы вместить двух Радловых. Семен засунул его в палатку, чемодан бросил рядом.

Матей успел развести костер из брикетированного бездымного топлива и принялся возиться с упаковками консервов. Иржи притащил от замка несколько камней, достаточно больших, чтобы на них можно было сидеть.

- Живем почти как люди, - Чапек отряхнул ладони. – Сейчас поедем и можно будет на боковую. Так, кстати, ты не думал о том, чтобы переодеться?

- Но у меня нет ничего, - пожал плечами Семен. – Я же не знал, что мы отправимся, э... «в поле».

- Сейчас мы эту проблему решим, - Иржи повернулся к племяннику. – Матей!

Из безразмерного багажника оказались извлечены старые шорты. За ними на свет явились потерявшие цвет и способность светиться кроссовки, а также майка, только чудом избежавшая мусорного утилизатора. С нее Радлову в лицо оскалился похожий на декана динозавр.

Шмотки оказались велики. Но если кроссовки автоматически затянулись вокруг тощих лодыжек, то шорты полоска-

лись, как парус на яхте, а майка обвисла до коленей, напоминая уродливый балахон.

- Э, ну как? – поинтересовался Семен, чуть ли не впервые в жизни испытывая смутное беспокойство по поводу собственного облика.

В обычной обстановке он не задумывался об одежде. Раз в полгода шел в кибер-ателье, проводил там несколько часов, и возвращался домой с комплектом одежды. Универсальные костюмы, деловые или домашние, не требовали глаженья и штопанья, а выглядели всегда безупречно.

Но зато через семь месяцев просто сгнивали, и приходилось идти за новыми.

- Честно говоря, тобой можно пугать детей, - Чапек не выдержал, приснул в кулак. – Но мы давно вышли из детского возраста, так что переживем.

- Фигня, - Матей, судя по всему, подбодрил. – Для Господа нашего главное – не как ты выглядишь, а что у тебя в душе. Так, еще десять минут, и еда будет готова. Обождите чуток.

Пока Радлов переодевался, солнце укатилось к горизонту, небо потемнело. Выступил из фиолетовой мглы полукруг растущей Луны. Севший на камень Семен поднял голову и обнаружил, что небо утыкано звездами.

Дома он редко смотрел вверх, разве что во время грозы, и тем более не обращал внимания на тусклые огонечки, еле пробивающиеся через городскую засветку. Но тут, вдали от жилья, звезды были другие. Яркие, крупные, они напомина-

ли о тех временах, когда человек не знал электрического света...

- Кушать подано, - голос Матея заставил вздрогнуть.

Семен опустил взгляд. Краем глаза заметил, что на вершине главной башни замка что-то сверкнуло. Пригляделся внимательнее, но не обнаружил ничего. Показалось, тень пошевелилась меж камней у ворот, но исчезла так быстро, что не успел понять, увидел на самом деле или почудилось.

- Ешь, а то остынет, - посоветовал Иржи, и Семен послушно взялся за пластиковую ложку, полез ей в высокую банку, украшенную надписью «Бобы с мясом» и рисунком – жирной улыбающейся свиньей.

То ли консервы и правда оказались неплохи, то ли Радлов за день в дороге проголодался. По крайней мере, банку он выскреб до дна и выпил три бутылки пива, закусив извлеченными из еще одной банки утопенцами.

- Сами дома мариновали, - с гордостью проговорил Матей, вытирая жирные пальцы о траву. – Ну что, спать что ли оправимся, помолясь? Хотя вам-то что, вы у нас к учению Христа равнодушны.

Крест на майке горел ярко, освещая лицо парня и делая его каким-то гротескным, превращая в маску из средневекового театра.

- Да, молитвы мы предоставим тебе, - кивнул Чапек. – А сами отправимся чистить зубы к Дунаю.

- Э, речной водой? – всполошился Семен. – А это можно?

- Сейчас узнаешь.

По довольно крутому откосу спустились к Дунаю. Радлов сунул зубную щетку в реку. Щетка яростно запищала и замигала, сигнализируя, что в воде много неопознанных микроорганизмов.

- Выключи диагностер, - посоветовал Иржи. – А то так и будет верещать, пока голова не заболит.

Семен спорить не стал, хотя щетка, насильственно лишенная половины функций, сделалась какой-то мертвой, чужой. Когда закончил чистить, слева, сверху по течению, донесся приглушенный шорох.

- Что такое? – страх стегнул будто плетью. Почудилось, что тьма вокруг оживает, тянет жадные щупальца.

- Мышка пробежала, хвостиком махнула, - спокойно ответил Чапек. – Не дергайся. Места тут дикие, и зайцы могут быть, и лисы, и еще какая живность.

Несмотря на убедительное объяснение, обратно Семен шагал, нервно озираясь по сторонам. Проскользнул внутрь, под свет крохотной лампочки. Торопливо забрался в спальный мешок, будто тот мог защитить от опасности.

- Ну что, спокойной ночи? – проговорил Матей, последним забираясь в палатку. – Пусть никто нас не съест до утра...

Он закрыл вход и выключил лампу. С шумным сопением влез в мешок и после небольшой паузы захрапел. Через несколько минут к нему присоединился начавший посвисты-

вать Иржи.

Радлову же не спалось. Палатка казалась душной и неудобной, хотелось выбраться наружу, но пугали таящиеся во мраке опасности. Под опущенными веками мельтешили цветные образы – виденные сегодня пейзажи, куски рукописи, над которой работал вчера, что-то вообще непонятное. Привыкший к постоянному информационному шторму мозг пытался раскачать сам себя.

Но потом выключился и он.

14 мая 2035 года

Шаунберг

Проснувшись, Семен попытался потянуться и с удивлением обнаружил, что не может раскинуть руки. В первый момент подумал, что его связали, но потом вспомнил, что лежит в мешке, и начавшаяся было паника отступила.

Судя по тусклому свету, пробивавшемуся через прозрачный сегмент в стенке, утро только началось. По соседству монотонно сопел Иржи, через открытый вход заползал свежий воздух, а снаружи доносились ритмичные звуки, сопровождаемые очень громким пыхтением.

Заинтересованный Семен выглянул из палатки.

Матей, оставшийся в одних трусах, черных, с тем же крестом на заднице, делал зарядку. Пот тек по животу, светлые волосы слиплись, а мускулы перекачивались под кожей.

- Ага, проснулся, - сказал парень, заметив, что за ним наблюдают. – Не хочешь размяться?

- А зачем?

- Ну, как... - в чистом взгляде появилось недоумение. – Надо держать себя в форме. Что за человек, если он, кроме компака, ничего поднять не может, а сгибается с трудом?

Человек должен быть сильным и ловким.

И Матей, плюхнувшись на живот, принялся отжиматься.

- Так было тысячу лет назад, - Семен натянул шорты, обулся и вылез из палатки. - Сейчас главное - ум. Ну и еще - знания.

- Да? - почти не запыхавшийся Матей вскочил. - Может оно и так. Пусть думают те, у кого голова большая. А мое дело простое - верить и заблудших овец в стадо Христово возвращать. Ну что, купаться-то идешь?

- Купаться? В Дунае? - не поверил Семен.

- Ага. Пойдем, хотя бы посмотришь.

Отказываться Семен не стал. Еще бы, когда такое увидишь - человек будет плавать не в специально отведенном для этого месте, а в природной воде. Они спустились к Дунаю, Матей разбежался и рыбкой плюхнулся в реку. Полетели брызги, несколько волн с шумом ударились о берег.

Вынырнул с плеском, как бегемот, и поплыл, рассекая серую гладь.

- Эх, была не была, - пробормотал Радлов, сам себе удивляясь.

Снял кроссовки, разделся и осторожно вошел в воду. Та оказалась холодной, по ногам и спине забегали мурашки. Преодолевая желание выскочить, Семен быстро сделал несколько шагов на глубину и присел. Когда окунулся с головой, перехватило дух. На мгновение почудилось, что попал в кипяток, сдавило грудь, а сердце замерло.

Вылетел на берег, как пробка из бутылки шампанского. Поначалу замерз сильнее, а потом стало тепло.

- Силен, - уважительно проговорил Матей, выбираясь на мелководье. – Не думал, что решишься.

- И ты делаешь это часто?

- А что мне? При любой возможности. Летом как только вырвемся куда, так сразу в воду, - Матей огляделся. – Так, ничего не забыли? Пойдем, а то дядя сейчас проснется. Если нас не найдет – шуму будет.

Но прогноз не сбился. Иржи вылез из палатки только к завтраку. Еще три пустых банки из-под консервов отлетели в сторону, чтобы превратиться в перегной, а Чапек полез в багажник, откуда вытащил большой черный баул.

- Снаряжение, - объявил Иржи. – Не с голыми же руками в замок лезть?

Баул оказался безжалостно распотрошен, и из его объемистого чрева появились: два археологических сканера «Аид», напоминавших миноискатель прошлого века, три портативных налобных камеры, две поясных сумки и набор разведывательных роботов «Аргус» в пластиковом контейнере.

- Для начала хватит, - проговорил Семен, затягивая около правого уха крепление одной из камер. – Пойдем втроем?

- Не, я тут останусь. За окрестностями приглядеть, да и вообще... - что имелось в виду, Матей уточнять не стал.

- Вот как? Ну ладно, - Семен включил сканер, поводит им из стороны в сторону, глядя на крошечный виртуальный

экранчик, выросший из черенка.

Прибор был в порядке, исправно заглядывал на двадцать метров под землю.

- Вперед? – сказал Иржи.

- На штурм, - кивнул Семен и повесил на плечо контейнер с роботами.

При свете дня Шаунберг выглядел не менее мрачно, чем вечером. Чернели его стены, оплавленные во многих местах, недобрыми глазами казались бойницы. Зубцы башен грозили рухнуть на любопытных, а из ворот тянуло неприятной кислой вонью, будто пожар закончился только вчера.

- Не по себе мне как-то, - признался Семен, - словно кто-то наблюдает за нами... духи погибших здесь...

- Духи фрицев давно горят в аду, если он существует, конечно, - Иржи нагнулся и подобрал ржавый цилиндрок. – Ага, гильза. От пистолета-пулемета Шпагина. Да их тут полно!

- Стреляли, - Радлов остановился и осторожно заглянул в протянувшийся вдоль стены ров.

Когда-то он был глубок и наполнялся водой. Но сейчас напоминал поросшую травой канаву. На дне лежали ржавые железные полосы, изогнутые, как змеи, и обрывки цепей – все, что осталось от подъемного моста.

Двое историков преодолели ров без труда.

В мощеном серыми каменными плитами дворе Шаунберга гильз обнаружилось куда больше – русских, немецких от

штурмовой винтовки StG-44. Зашли внутрь, стены надвинулись, нависли над головой. Стало видно, что главную башню окружают многочисленные пристройки, куда более низкие и лучше приспособленные для жилья.

- Ну что, пишем? – не дожидаясь ответа напарника, Семен включил камеру. Она поможет зафиксировать все, что увидит он сам, а позже заметить то, что ускользнуло от внимания в первый момент.

Во дворе не нашли ничего интересного. Зато сканеры показали, что под замком имеется несколько подземных этажей.

- Не слабо они тут покопались, - заметил Иржи, перекачивая данные в компак, - не один год рыли... Видишь, плотность материала не одинаковая? Там, внизу, есть и сталь, и дерево, и еще непонятно что.

- Найти бы еще вход, - Радлов почесал в затылке и завертел головой. – Судя по всему, он в донжоне.

- Входов может быть несколько, - Чапек повел сканером туда-сюда, – вон как запутано. Но основной должен быть там.

Главная башня Шаунберга встретила тишиной. Открылось большое полутемное помещение, а царивший в нем сладковатый запах напомнил почему-то о церкви. Тут оказалось неожиданно чисто, хотя на каменном полу за годы запустения должна была накопиться пыль.

- Странно, - пробормотал Семен, вглядываясь в расположенный у задней стены помост и в стоящий на нем камен-

ный куб.

Высеченный из гранита, высотой он был примерно в половину человеческого роста. Ровные грани блестели, словно их натерли подсолнечным маслом. Стены помещения, судя по торчащим из них ржавым крюкам, когда-то покрывали занавеси, а на полу темнели остатки сложного рисунка, сделанного черно-багровой краской или кровью. В задней стене, сбоку от куба, располагался дверной проем, за ним виднелись ступени идущей вверх лестницы.

- Церковь? – предположил Иржи. – Но только кому тут молились... или молятся до сих пор?

Голос его породил в углах странное шепчущее эхо - будто засмеялись сотни маленьких картавых существ.

- Запустим роботов? – Семен снял контейнер, поставил на пол и щелкнул замком. Крышка откинулась, открыв блок управления и полтора десятка лежавших рядом змееобразных существ, сделанных из коричневого коридола.

Блок ожил, над ним развернулся виртуальный экран. Повинуясь командам, «змеи» выпустили ножки и принялись шустро расползаться в стороны. Вооруженные камерами и способные забраться в самую узкую щель, они позволят заглянуть туда, куда человек попасть просто не может.

- Пусть работают. А мы пока поднимемся по лестнице, - сказал Чапек. – Посмотрим, что там такое.

Серые потрескавшиеся ступени привели их в занимающее второй этаж помещение. Оно было велико и захлавлено. На

полу валялись гнилые доски, железяки, украшенные руническими символами. У стен поднимались остатки шкафов и стеллажей, битое стекло хрустело под ногами.

- Похоже, что тут когда-то был склад, - Семен нагнулся, пытаясь разглядеть оставленные в пыли отпечатки обуви.

Судя по всему, они появились совсем недавно, и наследил тут довольно крупный мужчина. Следы вели за груды хлама, туда, где стояли два уцелевших шкафа из черного дерева.

- Кто-то нас опередил. Причем ненамного, - Иржи шагнул вперед, запнулся о какую-то деревяшку. Покачнулся, чтобы сохранить равновесие, вынужден был нагнуться, да так и замер в г-образной позе. - Ого, это еще что там?

- Э... Что-то увидел?

- Ага. Вон там, у стены.

Чтобы добраться до указанного места, пришлось перелезть через груды древнего хлама. При этом Радлов оцарапал правую лодыжку, а Чапек едва не упал еще раз – на «гостеприимно» торчавшие из пола железные штыри. Но оба, охваченные азартом, не обратили на мелкие неприятности внимания.

- Вот он, - проговорил Иржи, поднимая короткий кинжал, на рукоятке которого золотом был выгравирован знак - прямая линия с отходящей от нее веточкой, а на лезвии чернела надпись готическим шрифтом. - Что тут у нас написано? Ага... Твоя кровь - высшее, что ты имеешь.

- Занятно... - протянул Семен. - Мало напоминает на-

градное эсэсовское оружие. Похоже, что мы и правда нашли что-то.

В этот момент он забыл о неприятном звонке, о преследователе, даже об АСИ, о том, что недавно хотел отказаться от исследования и бежать из Праги. Замелькали очень приятные мысли – о том, что им и вправду удастся сделать реальный вклад в изучение прошлого...

- Или влезли во что-то, - вернул Радлова к реальности Чапек. – Ох уж эти нацистские тайны. Всегда они с каким-то неприятным душком, даже если ничего интересного и жуткого в них нет. Особенно погано, что у них есть поклонники в наше время, так же готовые проливать чужую кровь, как и их кумиры.

- Э... да? – Семен огляделся. Душевный подъем исчез, сменившись тревогой. Царившая вокруг полутьма стала выглядеть опасной, а царапина на ноге заныла, как больной зуб.

Иржи убрал кинжал в висевшую на поясе сумку, и двое историков двинулись обратно. Вернулись на лестницу, а по ней спустились в зал с кубом. Остановились у главной двери, и Радлов вынул из контейнера блок управления, чтобы узнать, чем занимаются расползшиеся по замку роботы.

- Так вот... - сказал он. – Через правое крыло можно подняться на верхушку донжона. Слазаем?

- Почему нет?

Вышли во двор, под жаркие лучи перевалившего зенит солнца. Отыскивали дверь, выглядевшую так, словно ее пове-

сили вчера. Пройдя через несколько темных, мрачных коридоров, оказались на винтовой лестнице. Загрохотали под ногами ступеньки, а двое историков запыхтели, как древние паровозы.

К моменту, когда вверху показалось квадратное отверстие люка, Семен так выдохся, что едва переставлял конечности.

- Ох, нет... - прохрипел он, выбираясь на небольшую, окруженную зубцами, площадку. – И как они сюда только забирались?

- Еще и в железе, - сипло отозвался Чапек. - В старые времена здесь, скорее всего, стоял стражник, глядел по сторонам...

С верхушки донжона Шаунберг был виден как на ладони – круг из стен, пеньки башен. Блестел под солнцем Дунай, гигантской дугой уходящий на восток. На берегу, у откоса в компании зеленой палатки стоял «Пежо-Армада», рядом с ним загорал Матей. Северный горизонт охватывали хребты Шумавы, на юге угадывались скрытые в тучах громады Альп.

- Никого, - покачал головой Иржи. – Если есть у этого замка сейчас хозяева, то они очень хорошо прячутся.

- Лучше бы их не было... - отозвался Семен, разглядывая черную свастику, образованную каменными блоками в полу площадки.

Люк на лестницу располагался четко в ее центре.

- Ой, звонок... - Чапек вздрогнул и ухватился за висевший на поясе компак. – Шеф, похоже.

Разговор продлился недолго. Через пару минут Иржи перестал отрешенно глядеть в пространство и бормотать что-то невнятное. Повернулся к Семену и сказал:

- Тебе привет. Полиция роет землю, но того, кто за нами следил, не нашла. Вообще не выяснила, кто это был.

- Э... очень здорово.

- Что касается исследований – переводят, но пока ничего нового не обнаружили, - Чапек развел руками. – Нам веле-но торчать тут до посинения или покраснения и вести себя тихо.

- Это несложно, - Семен помрачнел.

Полиция не нашла человека в цветастых кроссовках сразу. Это говорило, что он, скорее всего, имеет прикрытие, дающее возможность не бояться органов правопорядка – какую-либо спецслужбу. Значит еще кто-то, помимо АСИ, проявил интерес к архиву Михнова дворца.

Но кто? ЦРУ? Китайская разведка или спецслужбы латиноамериканских стран?

- Пойдем, - Иржи первым зашагал к люку. Они спустились по лестнице и вернулись во двор, где окунулись в идущее от разогретых камней тепло.

- Посмотрим, как там наши маленькие друзья, - Семен развернул виртуальный экран. – Так, большинство вернулись на место. Но один, смотри, отыскал вход в подземелья, и вовсе не в донжоне.

Спуск в расположенные под замком катакомбы нашелся

в левом крыле. Историки немного поплутали по коридорам, пока не вышли к глухому тупику. В глубокой нише, которой заканчивался проход, обнаружили старинные рыцарские доспехи с остроконечным шлемом и выпуклым нагрудником. Они стояли на покрытой пылью тумбе, а в руке держали длинный меч.

- Меч-то острый, словно точили, - Чапек дотронулся до лезвия, отдернул руку и детским жестом сунул палец в рот. – Колется, зараза.

- Да? Меня больше волнует, где наш роботизированный приятель нашел тут проход? – Семен поднял сканер, просвечивая поочередно стены, пол и потолок. – Так, вон там, около выбоины, лифт. Но как в него попасть?

Отступил в сторону, случайно зацепил выставленную вперед перчатку доспехов. В них что-то клацнуло, вверху заскрежетало, и одна из стен ниши ушла в сторону, обнажив узкий проход. Зайдя в него, историки увидели ажурные металлические дверцы старинного лифта.

- Так и хочется сказать – ты знал, ты знал, - Иржи почесал свой выдающийся нос.

- Такое ощущение, что я тут когда-то был. Видел все это, ходил по коридорам... - Радлов нахмурился.

Про синдром ложной памяти он знал и понимал, что он не к лицу серьезному ученому. Но поделать ничего не мог. Память упорно твердила, что в ней уже есть этот узкий проход и доспехи...

- Во сне разве что. Пойдем, посмотрим, работает эта штука или нет.

Дверцы распахнулись легко, без скрежета, будто петли смазывали недавно, а вот на нажатие кнопок лифт не отреагировал никак.

- Неудивительно, электричества-то нет почти девяносто лет, - Семен перевел взгляд на пульт. – Попробуем активировать камеру. Хотя бы через нее посмотрим, что там внизу.

Он переключил спустившегося вниз робота на ручное управление и инициировал передачу данных. Виртуальный монитор вздрогнул, а затем осветился, возникло черно-белое изображение: широкий коридор, валяющиеся на полу осколки стекла и гильзы; на потолке лампочки в решетках, покрытые слоем пыли; в стенах – открытые двери, а впереди, судя по всему, поворот.

- Пока ничего интересного, - резюмировал Чапек. – Глянем, что дальше?

Робот пополз вперед, огибая препятствия. Коридор повернул, путь преградила решетка из толстых железных прутьев. Стены около нее оказались изуродованы так, будто по ним стреляли из гранатомета. Примерно через двадцать метров стал виден завал. Потолок здесь когда-то попросту рухнул, и путь перекрыли толстенные бетонные блоки.

- Занятно, но это строили надолго, основательно, по-немецки, - повинуясь командам Семена, робот поерзал из стороны в сторону. – Надо бы попробовать отыскать проход.

- Займись, а я пока посмотрю, что там у нас с обедом, - Иржи полез в сумку. - А то есть хочется.

На то, чтобы пройти завал, Радлову потребовалось сорок пять минут. Когда робот протиснулся через дырочку, едва превышавшую размерами его тело, и шлепнулся на пол, Семен едва не завопил от радости.

- Есть! Я сделал это! - воскликнул он и вытер со лба честный трудовой пот.

- Пять баллов, а теперь поешь. Иначе свалишься, - и Чапек протянул коллеге бутерброд с колбасой.

Жевал Семен нетерпеливо, а великолепное чешское пиво, пусть даже баночное, глотал торопливо, словно мерзкое лекарство. Не терпелось вернуться к работе, увидеть, что там, в подземелье.

Отряхнув руки, вернулся к пульту. На экране вновь поползли назад стены, очень высокие для крошечного робота. Через несколько шагов коридор вновь повернул, и стал виден большой зал, чьи дальние углы терялись во мраке - слабая инфракрасная камера просто не могла в них заглянуть.

Так что точные размеры зала определить было трудно. Выделялся центральный проход, по сторонам от которого рядами стояли койки. Некоторые были перевернуты, там и сям валялись скелеты в истлевшей одежде.

- Госпиталь? Лаборатория? - предположил Иржи.

- Вот уж не знаю, - и Семен повел робота дальше, от тела к телу.

Эмблемы на форме были самые разные. Рядом лежали рядовые третьей танковой дивизии СС «Мертвая голова», военные врачи из «Гитлерюгенда», саперы из «Викинга» и даже кавалеристы из «Лютцова». Такое соседство выглядело тем более странным, что эти части вместе никогда не собирались.

Еще большее удивление вызвали помещения, обнаруженные прямо за первым залом. Во втором зале теснились каменные саркофаги, покрытые многочисленными царапинами. Третий выглядел вполне обычно, за исключением того, что вдоль стены располагались кушетки, словно принесенные из приемной психоаналитика.

Именно тут робот наткнулся на обыкновенную медицинскую ампулу, внутри которой что-то плескалось.

- Захватим? Как сувенир? – предложил Радлов.

- Как хочешь... - без энтузиазма протянул Чапек. – Что там может быть? Лекарство какое-нибудь.

Но Семен уже отдал команду. Робот выпустил крошечные манипуляторы и опустил ампулу в миниатюрный контейнер, расположенный в «хвосте» длинного тела. Затем пополз дальше.

Начавшийся в зале с кушетками коридор закончился еще одним завалом. Через него не пролез бы и муравей. Так что пришлось повернуть назад, обследовать боковые проходы, идущие от большого зала. Первый же из них привел в лабораторию, оборудованную по последнему слову медицинской

техники сороковых годов прошлого века. Рядом с ней обнаружили комнаты, похожие на больничные палаты и камеры одновременно, разгромленные, мрачные и мертвые.

За вторым открылся вход в систему низких сырых коридоров, напомнивших о застенках инквизиции.

- Нет уж, хватит, - твердо сказал Иржи в этот момент. - Мы сделали достаточно. Пора и отдохнуть.

- Э... - Семен в первый момент подумал было спорить, но затем осознал, что спину ломит, в животе пусто, а глаза от взглядывания в монитор чешутся. - Ладно, как хочешь.

Переключил робота на автоматический режим и задал программу возвращения. Когда бурый «червяк» выбрался через дырку у пола и замер, уткнувшись в кроссовку, поспешно наклонился и вытащил из контейнера трофей. Внутри ампулы бултыхнулась черная, похожая на кровь жидкость, где плавали золотистые крапинки.

- Лекарство? Что-то не верится... - хмыкнул Радлов и положил ампулу в сумку на поясе.

- Да хоть эликсир бессмертия, - проворчал Чапек.

Робот занял место в контейнере, и историки вернулись во двор, а затем и в донжон, где около куба ждали остальные «червяки». Семен с помощью Иржи уложил их на место и запустил программу обработки данных.

К утру будет готов виртуальный путеводитель по Шаунбергу, планы и схемы всех помещений.

- Это была славная охота, - Чапек потянулся и зевнул. - Я

бы сам за нее себе дал какую-нибудь премию...

- К сожалению, премии раздаешь не ты. А то бы я давно ходил в Нобелевских лауреатах по химии.

Перешучиваясь, они пересекли двор, рассеченный надвое тенью от стены. Выйдя за ворота, перебрались через ров и зашагали к палатке.

- Ага, чего нашли? – встретил их Матей, нацепивший белую майку с изображением Девы Марии и моргающей надписью «Европа смотрит на тебя!». – Мертвые наци не надо-едали?

- Нашли в основном кучу загадок, - сообщил Иржи, избавляясь от снаряжения. – Адохлые гансы преспокройно лежат себе в подземелье и никого не трогают. А ты как?

- Мне-то что будет? – парень усмехнулся и развел ручищами. – Позагорал, с друзьями поболтал. Ужинать будем?

- Спрашиваешь, - бросил Семен, успевший снять с головы камеру, с шеи – надоевший «Аргус», а с пояса – сумку. Когда закидывал ее в палатку, взгляд упал на лежавший около спального мешка компак.

До боли захотелось взять его в руки. Услышать знакомое пиканье включенного прибора. Окунуться в Сеть, вечно живую, реальную, несмотря на всю виртуальность, невероятно переменчивую и в то же время постоянную. Запястья охватил зуд, противиться которому не нашлось сил.

- Эй, ты чего? – встревожился Чапек, когда Радлов выбрался из палатки с компаком в руке.

- Э... я ненадолго. Только новости гляну... - просипел Семен, чувствуя себя мальчишкой, пойманным на лазании по порнографическим сайтам. – Посмотрю, кто звонил, кто писал.

- Чтобы спутники связи мгновенно запеленговали твоё местоположение? Думаешь, сложно взломать базу данных провайдера и выкачать информацию?

- Нет, но...

- Никаких «но»! – Иржи нахмурился. – Хочешь, чтобы опять начались звонки, а из Дуная высунулся перископ шпионской подводной лодки?

Охваченный гневом Семен раскрыл рот, желая сообщить, что он взрослый человек и сам может решать, что делать. Но неожиданно понял – войдя в Сеть, на самом деле подвергнет опасности не только себя, но и спутников.

- Давай его сюда, - много мягче проговорил Чапек. – Так будет лучше. Если и в самом деле хочешь посмотреть новости, возьми компак у Матея.

- Мне не жалко, ага, - бросил возившийся с костром парень.

- Нет уж, обойдусь, - гнев ушел так же быстро, как и появился. Семен протянул компак Иржи. – Смотри, не потеряй.

- Обижаешь, - и Чапек убрал «конфискованный» прибор в багажник.

Пока ужинали, натянуло туч. Солнце, выплюнув напоследок

док поток алого сияния, уползло за горизонт. Мир погрузился во мрак, на фоне серого неба остался торчать лишь донжон.

- Пойду, искупаюсь перед сном, - заявил Матей. – Кто со мной?

- Нет, - сказал Иржи, а Семен просто помотал головой.

- Как знаете.

Прозвучал и стих шорох шагов, затем донесся гулкий шлепок, будто в Дунае завелся кит. Чапек забрался в палатку, включил там свет, а Радлов остался сидеть у догорающего костра.

На шелест за спиной не обратил внимания. В следующий момент сильный удар обрушился на затылок, и сознание погасло, развалившись на сотни черных блистающих осколков...

15 мая 2035 года

Шаунберг и окрестности

Пробуждение выходило очень неприятным. Жутко болела голова, еще что-то было не в порядке с руками. Что именно – сообразить никак не удавалось, мысли путались, как нити в руках у неумелой швеи.

Когда сумел открыть глаза, стало еще хуже. Яркий свет вынудил зажмуриться, из глаз потекли слезы. Вторая попытка оказалась более успешной, и Семен заморгал, будучи не в силах понять, где очутился.

Он лежал на чем-то достаточно мягком, неподалеку пылал костер – настоящий, сложенный из дров. Искры улетали вверх, туда, где на фоне неба качались ветки. Пламя освещало небольшой участок поросшей травой земли, дальше простиралась непроглядная тьма.

Руки, как и ноги, были самым банальным образом связаны. Веревки впивались в запястья и лодыжки, саднила полученная еще в замке царапина. На затылке пульсировал большой синяк.

Когда мрак задвигался, из него выдвинулась человеческая фигура, Семен невольно вздрогнул.

- Кто вы такие? – сердито воскликнул он. – Как вы посмели похитить меня?

- Тихо, - сказал чужак, подходя ближе и усаживаясь прямо на землю. – Спрашивать буду я.

Незнакомец говорил на немецком как-то странно. Использовал архаичные обороты, что были в ходу сто лет назад. Осознав это, Радлов похолодел. На мгновение подумал, что перенесся в прошлое, в те времена, когда Австрия была частью Тысячелетнего Рейха. Но тут же отбросил глупую мысль.

Похитивший его человек был высок, атлетично сложен. В светлых волосах кое-где пробивалась седина, а на безупречно правильном лице темнели первые морщины. Синие, будто лед глаза смотрели без враждебности, с презрительным интересом.

Спортивный костюм сидел на нем не очень хорошо, куда лучше подошла бы военная форма.

- Кто ты? – спросил чужак.

- Э... вы даже не знаете, кого... - Семен осекся. – Я – историк.

- Да? – во взгляде незнакомца появилось недоумение. – Я тебя точно нигде раньше не видел?

- Я из Нижнего Новгорода. Если вы бывали там...

- Нет. Чего ты искал в Шаунберге?

- Как чего? Новых знаний о прошлом! – горячо сказал Радлов. – Это замок никогда не изучали, а ведь он был, по-

хоже, одним из последних убе...

- Понял, - на равнодушном лице ничего не дрогнуло. – Знай же, историк, что прошлое куда более живо, чем тебе кажется. Дам один совет – уезжайте. Мы никого не хотим убивать, но то, что для нас свято, будем защищать.

- Свято? Эти развалины? – Семен похолодел. – Зачем они нужны? Что в них такого?

Ответа он не получил.

За спиной чужака стало заметно движение, в круге света появились двое молодых парней.

- Надо убить его! – сказал один из них, бритый наголо. – Он разболтает всем о нас! Труп спрячем и закопаем! Никто не узнает!

- Не горячись, - старший даже не повернул головы. – Если убить, тут вскоре будет не продохнуть от полицейских. Оно нам надо?

- Н-не н-нужно меня у-убивать... - промямлил Семен, чувствуя, как зубы начинают стучать друг о друга.

- Вижу, ты понял, - холодные, замороженные глаза остановились на лице Радлова. – Уезжайте. Тогда останетесь в живых.

И пожилой незнакомец, что весь разговор сохранял полную неподвижность, встал одним гибким движением.

- Снотворное, - бросил он.

Один из молодых подручных исчез во мраке. Когда вернулся, в руке его блеснул похожий на пистолет иньектор. Се-

мен вздрогнул, когда холодный ствол прижали к его предплечью. Последовал легкий укол и препарат пошел в кровь. Мысли окончательно спутались, накатила вялость.

Самое странное – Радлов не уснул до конца. То ли доза оказалась рассчитана неверно, то ли похитители использовали бракованное снотворное. Веки опустились, мускулы обмякли, но способность осознавать происходящее сохранилась.

- Взяли его и понесли, - голос пожилого донесся приглушенно, будто из-за неплотно прикрытой двери.

Семен ощутил, как его подхватили и поволокли куда-то. Он попытался открыть глаза, чтобы увидеть, где они идут, но не смог.

Долгое время его трясло и качало, доносились шаги и напряженное сопение. Сознание то уплывало, то возвращалось вновь, стянутые веревками ноги болели все сильнее.

Потом твердое ударило в спину. Почувствовал холодное прикосновение к рукам. По тому, что кистях закололо, понял, что они свободны.

- Может, прирежем? – сказал один из тащивших Радлова молодых людей.

- Нет, ты что? – отозвался второй. – Курт узнает и тогда нам придется худо. Оставим его тут.

И они ушли. Дурман не перестал действовать, поэтому Семен продолжил лежать, как бревно. Лишь когда под веки проникло сияние рассвета, а утренний морозец начал пощи-

пывать тело, он смог пошевелиться. Кривясь от усилившейся боли в затылке, сел и огляделся.

Радлов находился в узком, поросшем кустарником овраге. Дно его понижалось туда, где через заросли блестела вода. С той стороны доносилось тихое лopotание бьющихся о берег волн. Утро едва начиналось, палевые облака плыли по серому небу.

- Вот так... ой, - встать смог не сразу, поначалу ослабевшие конечности отказались подчиняться.

Когда утвердился на дрожащих ногах, побрел в сторону воды – пить хотелось невероятно. Продрался через заросли, оставив на ветках несколько клочков одежды. Опустился к реке, даже не подумав о том, что жидкость в ней может содержать опасные бактерии.

Вспомнил об этом только после нескольких глотков, на мгновение остановился... и продолжил пить дальше.

- Уф, хорошо, - пробормотал Семен. – Теперь осталось выяснить, где я.

Оглядевшись, он полез вверх по довольно крутому откосу. Взобрался на него и едва не завопил от радости – на востоке, там, где из облаков пробивались розовые лучи солнца, торчала над холмами башня Шаунберга. Похитители вернули Радлова почти на место, не донесли до лагеря на пару километров.

Пройти их на пустой желудок, с ноющей головой и подгибающимися ногами оказалось не так просто. Один раз на

Семена накатила такая слабость, что он едва не свалился. Обогнул замок с юга, увидел зеленое пятно палатки, а рядом с ней – темно-синий «Пежо-Армада».

- Вот он! – донесся радостный вопль Матея.

Тут Радлов остановился, а появившийся из-за машины Чапек и его племянник бросились навстречу.

- Господь услышал мои молитвы! – заявил Матей и от избытка чувств так хлопнул Семена по плечу, что тот едва не упал.

- Вряд ли стоит благодарить только его, - усомнился Иржи, и красные от недосыпа глаза его сердито блеснули. – А ну рассказывай, бродяга, где ты был?

- Э... сначала бы поесть и поспать, - получилось, как в сказке.

- Может, еще и в баньке попариться? – хмыкнул Чапек. – Завтраком накормим, а спать будешь только после того, как все расскажешь.

Семен доковылял до костра, где получил банку консервов. Опустошив ее, он заговорил. Рассказ оказался короток и не особенно информативен.

- Клянусь могилой Геродота, странная история, - заметил Иржи. – Тот тип утверждал, что Шаунберг для них святое место? Но для кого он может быть таковым? Для наследников строителей замка?

- Скорее для неонацистов, - сказал Радлов. – Они-то и побывали в Шаунберге до нас. Вот только откуда узнали, что

это был центр фашистского сопротивления в сорок пятом? И ради чего, находящегося в замке, можно пойти на убийство? Или там укрыты сокровища НСДАП?

- Не важно. В любом случае мы едем в Ефердинг, в полицию, чтобы сообщить о попытке похищения. Матей, сворачивай палатку.

- А как же поспать... - заикнулся было Семен, но под суровым взглядом коллеги осекся. – В полицию, так в полицию.

Иржи приволок из машины аптечку, извлек портативный диагностер. Прижал его к руке коллеги.

- Так, что тут у нас? Некоторое утомление, наличие в крови снотворного. Жить, судя по всему, будешь. Сейчас вколем тебе легкий стимулятор, добавим витаминов, станешь как новенький.

После медицинских процедур они вытащили вещи из палатки, и Матей за несколько минут сложил ее. Потом Чапек осмотрел Радлова с ног до головы и велел умыться и переодеться в приличный костюм.

- Особо торопиться некуда, – сказал он. – Вряд ли полицейский участок откроется раньше восьми.

Двигатель «Пежо-Армады» заработал в семь пятьдесят восемь. Машина, неспешно развернувшись, покатила на юг. На месте стоянки осталось несколько брикетов бездымного топлива и не успевшая сгнить до конца банка из-под консервов.

Вскоре показался Эфердинг – скопище красных черепич-

ных крыш, торчащий в самом центре шпиль церкви. Выбравшись на асфальтированную дорогу, Матей чуть добавил скорости. Они миновали заправку «Шелл-Нафта» и въехали на главную улицу города.

Гулявшие по ней голуби принялись лениво разлетаться из-под колес. Несколько аборигенов, спешивших по своим делам, проводили большую машину полными удивления взглядами. Один покачал головой и сделал такое лицо, будто увидел розового слона.

Полицейский участок обнаружился на центральной площади, между церковью и гостиницей «Голубой Дунай».

- Пойдем вдвоем, - сказал Иржи решительно. – Ты, Матей, останешься.

- Как скажешь, - вздохнул тот с разочарованием.

Семен выбрался из «Пежо», оглядел площадь, квадратную, засаженную тополями, с каким-то памятником посередине, и зашагал за Чапек. Они взошли на крыльцо, звякнул старомодный колокольчик над дверью.

Пожилой полицейский, сидевший за стойкой дежурного, отвел взгляд от монитора.

- Да? – спросил он лениво.

- Мы хотели бы заявить о попытке похищения, - проговорил Чапек.

- Да ну? – изумился полицейский.

Выглядел он сонным, как медведь в феврале. Гладкое круглое лицо не выражало ничего, кроме скуки, а взгляд был

точно у снулой рыбины.

Занимавший единственную комнату участок хорошо подходил хозяину. Пара стульев составляла его убранство. За стойкой виднелся шкаф для одежды, сейф и камера в углу, более напоминающая клетку. Не пользовались ей, судя по всему, лет двадцать.

- Именно так, - кивнул Иржи. – Вот его, - он ткнул пальцем в Семена, - вчера вечером пытались похитить.

- Ага, - полицейский огладил подбородок, глянул на посетителей скептически. – Где и как это случилось?

- Э... мы историки, осматривали замок Шаунберг. Вчера вечером... - и Радлов повторил утренний рассказ.

Страж порядка слушал равнодушно, разве что хмыкал время от времени, глаза его оставались столь же невыразительными.

- Да, странная история, - проговорил он, когда Семен закончил. – Историки, говорите? Тогда понятно. Кто еще может придумать такой изощренный бред. Чтобы в Эфердинге, где кража – событие, похитили человека? Да такого быть не может.

- Позвольте! Как так – не может? – Радлов оторопело заморгал. – Как бред? Вы что, не верите нам?

- Неа, - полицейский зевнул.

- Почему? – вмешался Иржи. – Зачем нам придумывать?

- Откуда я знаю? – страж порядка пожал плечами. – Это вас надо спросить. Так что идите отсюда и не мешайте рабо-

тать.

И он демонстративно уставился в монитор. Семен почувствовал, что немеет от удивления – с таким проявлением равнодушия он никогда не сталкивался. Чапек гневно всхрапнул и заговорил, четко произнося каждое слово:

- Я так понимаю, что вы отказываетесь принять у нас заявление? Боюсь, что в этом случае мы будем вынуждены обратиться к вашему начальству в Линце.

- Ага. Как бы не так, - полицейский хмыкнул. – Учтите, что у начальства могут появиться вопросы, как вы оказались у замка Шаунберг, на особой территории, куда без специального разрешения въезд запрещен. Или у вас есть такое разрешение? Сомневаюсь. Так что проваливайте, пока я не обвинил вас в нарушении статуса охраняемой зоны. Вопросы есть?

- Пожалуй, что нет, - сказал Иржи немного растерянно. – Счастливо оставаться.

- И вам не хворать.

Чапек развернулся и вытолкал впавшего в ступор Семена на крыльцо. Ожил тот лишь на улице.

- Э... как так? То есть он, что, не будет никого искать? Но он же обязан...

- ...арестовать нас за то, что мы сунулись к Шаунбергу, - закончил фразу Иржи. – Этот гад прав, с формальной точки зрения, конечно. А так – ему просто неохота возиться. Но поделаться с этим ничего нельзя.

И он выругался по-чешски, длинно и витиевато, так что Радлов ничего не понял.

- Ну как? – стоявший у машины Матей обернулся.

- Да никак, - махнул рукой Чапек. – Никого местная полиция ловить не будет. Разве что нас.

- Это не по-христиански, - парень нахмурился, - может быть, тут есть наши братья? Надо бы отыскать их и попросить о помощи.

- Не спеши, - вступил Семен. – Пойдем, для начала выпьем кофе и пораскинем мозгами. Вон там, как мне кажется, кофейня, - он указал на противоположную сторону площади, где за блестящими витринами виднелись укрытые скатертями столики, а вывеска в виде чашки нависала над дверью. – А не то я сейчас усну...

- Дельная мысль, - кивнул Иржи. – Вот только она закрыта пока. Открываются такие заведения не раньше девяти.

Остаток времени потратили на то, чтобы заправить машину и поставить ее на стоянку. Потом вернулись к площади и пересекли ее под суровым взглядом дворника, возившего по брусчатке моющую машину, похожую на большой синий стакан. Вывеска, уловив приближение людей, засветилась, над чашкой начал подниматься белесый пар.

- Чувствую себя в этом городишке как в другом времени, - заметил Матей, открывая дверь. – Никаких информационных бомб, прямой рекламы.

- И точно. Тихо, спокойно, - кивнул Семен.

Кофейня словно явилась из середины прошлого века – деревянные стулья с ажурными спинками, стены украшены фотографиями в рамочках, под потолком – лампа накаливания в темно-синем абажуре. Навстречу поспешила седовласая фрау в кружевном переднике цвета альпийских снегов.

- Проходите, господа, - зашебетала она, мило улыбаясь. – Что вам угодно?

- Кофе, - сказал Чапек.

- И поесть чего-нибудь, - добавил Матей. – А то что-то я проголодался от волнений этих.

Уселись за угловой столик. Семен принялся разглядывать фотографии – мужчин в старинных костюмах, городские праздники. Украшавший кофейню человек позаботился, чтобы на каждой имелась дата. Фотохронику в Эфердинге начали вести со времен Австро-Венгерской империи.

- Надо бы позвонить шефу, порадовать, - Иржи отцепил от пояса компак, положил на стол.

Пока он разговаривал, вернулась фрау. Принесла три больших коричневых чашки и три добрые порции яблочного штруделя с взбитыми сливками.

- Кушайте на здоровье, - сказала она, ласково улыбнувшись.

- Спасибо, - проговорил Семен, чувствуя, как от одного запаха только что сваренного кофе возвращается бодрость.

- Шеф ругался жутко, - сообщил Иржи, - велел ждать. Обещал выяснить, что это за особая зона и где брать разре-

шение на ее посещение. Эй, да вы уже лопаετε! А почему без меня?

- Пфрияфного аффефита, - промычал Матей сквозь набитый рот.

Свежий штрудель просто таял во рту, а кофе мало походил на ту бурду, что Семен иногда покупал в кафе университета.

- Очень здорово, - сказал он, покончив со своей порцией.
- Что будем делать дальше?

- Можно тут посидеть, а чуть попозже заказать обед, - отозвался Чапек. - Наверняка у них есть настоящая еда. Заберемся в Сеть, попробуем найти там что-нибудь о кинжале, что мы вчера нашли.

- Ну а я пойду, погуляю, - заявил Матей, - в церковь схожу, опять же. Вернусь через пару часиков.

- Смотри только, без глупостей, - и Иржи погрозил племяннику пальцем.

- А я что? Буду тих, как нелегальный эмигрант.

Матей поднялся и ушел. Двое историков заказали еще по чашке кофе и нырнули в Сеть. Система визуального поиска, заглотив фотографию кинжала, обшарила банки данных по всему миру и сообщила, что ни о чем подобном не знает. Зато удалось опознать символ на рукоятке.

- Руна Каун, - прочитал Семен, - смелость, уверенность. Шестая в арманическом рунном ряду.

- Из творчества Гвидо фон Листа, - кивнул Чапек. - Дре-

во Мира, но в том числе и древо генеалогическое. Чистота крови. Отсюда и надпись. Одно странно – как он так хорошо сохранился? Ни малейшего следа ржавчины.

Раздавшийся прямо над ухом хриплый кашель заставил Семена вздрогнуть. Повернув голову, он обнаружил, что рядом стоит и ухмыляется розовощекий дед в зеленом френче.

- Прощения просим за беспокойство, - дребезжащим фальцетом протянул он. – Только новые люди у нас редкость. Позвольте побеседовать с вами, господа хорошие. Если не мешаю, конечно.

И светлые глаза, похожие на стальные шарики, хитро блеснули.

- Присаживайтесь, - Радлов подумал, что старик может что-либо знать о Шаунберге, и показал на свободный стул. – Меня зовут Семен, а моего друга – Иржи. Мы... туристы.

- Я – Михель, - дед повернулся и гаркнул. – Эй, Рудольф, иди сюда. Это друг мой, он с нами посидит.

Чапек только вздохнул.

Второй старик оказался плечист и бородат, как Дед Мороз. Он приволок с собой бокал пива, а усевшись, хрипло прокашлялся:

- Добрххххый деньххррр...

- Э... добрый, - отозвался Семен. – Что тут у вас в округе можно посмотреть. Мы вообще проездом, но на денек хотим задержаться.

- Ну... - Михель поскреб лысину, гладкую, точно яйцо. –

Дунай вот есть, пещеры всякие, да этот еще, замок.

- Что за замок? – поинтересовался Иржи, понявший, что за разговор затеял Радлов.

- Шаунберг. На самом берегу Дуная стоит. Если вы с востока приехали, то поворот на него проезжали. У заправки.

- На грунтовку?

- Точно. В хорошую погоду по ней проехать можно, да и после дождя не так сложно.

- И чем он интересен? Обычная средневековая развалина, наверное, - Семен изобразил равнодушие.

- Вот уж нет! – обидчиво сказал Михель, а его молчаливый приятель сурово пошевелил кустистыми бровями. – Еще при императорах он был самым большим во всей Верхней Австрии. А уж что мой дед про него рассказывал... - тут старик громко покряхтел. – Промочить бы горло-то. А то на сухую рассказывать не хочется.

Чапек поднял руку, подошла фрау в переднике, и вскоре на столе появилось четыре бокала пива.

- Уфф, хорошо, - причмокнул Михель и вытер с усов нависшую пену. – Значит, так. Дед мой, вечная ему память, застал времена фашистов и большую войну. Так вот по его словам, в Шаунберге тогда обитали какие-то странные типы, вроде колдунов, только нацистских. Чем они там занимались – непонятно, местные старались на пушечный выстрел не подходить. В те времена около замка еще лес рос, густой, древний. В сорок пятом, когда пришли американцы, обита-

тели Шаунберга затаились. Но примерно через месяц оттуда полезли дикие полчища эсэсовцев...

- Полчища? – хмыкнул Иржи. – Они что, в подвале прятались, как тараканы или крысы?

- А мне почему знать, хе-хе? Может, они...

- Не придумывает он, - густым басом перебил Рудольф. – Моя бабка то же самое говорила – повылезли неведомо откуда.

- Именно! – поддакнул Михель. – Американцев вышибли, но против русских не устояли. Те Шаунберг взяли штурмом и установили социализм, пусть ему в могиле икнется. И выставили охрану вокруг замка, объявили особой зоной, куда доступ запрещен. А значит, что-то там было такое, чего понять не могли. Когда в девяносто первом солдат убрали, мальчишки наши туда лазили, много чего интересного видели.

- Колдуны, значит? – Иржи почесал нос. – А не морочите ли вы нам головы, отцы?

- Как можно? – фыркнул Михель, а Рудольф возмущенно затряс бородищей. – Но если желаете, можем и поморочить. Уж лет десять, как в Шаунберге появились привидения. Такие черные, шустрые, в эсэсовской форме...

- Привидения? – это прозвучало куда более эмоционально, чем хотел бы Семен.

- Ага, - старики, к счастью, ничего не заметили. – Пытались за ними следить, да без толку. Исчезают, проклятые...

- Привет честной компании, - сказал появившийся в кофейне Матей. – Гляжу, на пиво перешли?

- Отчего же не перейти? – Михель поднял бокал, точно салютуя, и опустошил его. – Ну, мы пойдем, пожалуй. Всего хорошего. Если останетесь, вечером заходите в пивную «Три рака», что на Леонштрассе. Там вполне серьезное общество собирается. Поговорим о жизни.

- Счаххстливо, - прохрипел Рудольф и поднялся.

- Как погулял? – спросил Чапек, когда старики отошли.

- Нормально. В церкви побывал, - парень сел на освободившееся место. – Поговорил с отцом Бернардом. Тот пару легенд про Шаунберг рассказал – что там немцы типа золото делали, и что в замке призраки живут...

- При них мы слышали, - заметил Семен. – И не они ли меня вчера похитили?

- Все привидения мира не заставят меня отказаться от обеда, - решительно заявил Иржи. – А то помру с голоду, - и он выразительно клацнул зубами. – Эй, пани, где вы там?

Заказали жаркое с кислой капустой. Едва успели приступить к еде, как компак Чапека разразилась негодующей трелью.

- Купалов, - с досадой проговорил Иржи, откладывая вилку. – Посмотрим, чего скажет.

- Вряд ли что-нибудь хорошее, - заметил Семен.

К собственному огорчению, он не ошибся. Директор института Второй Мировой Войны сообщил, что по поводу

Шаунберга и особой зоны узнать ничего не сумел. Выдав такую новость, он приказал сегодня же возвращаться в Прагу.

- Вот как, - несколько растерянно сказал Чапек. – Без нас работа стоит, оказывается. А полицейские не сумели отыскать ни того, кто звонил, ни того, кто топал за нами через полгорода...

- Занятно, но это меня больше не пугает, - сказав так, Семен не соврал. Страх, изгнанный охотничьим азартом, предвкушением раскрытия большой тайны, ослабел. Не исчез совсем, но спрятался достаточно глубоко, чтобы не напоминать о себе постоянно. – И я готов вернуться...

Радлов понимал, что АСИ не оставит его в покое, что «доброжелатели», пугавшие его в Праге, вряд ли просто шутили; что «призраки» Шаунберга приложат все силы, чтобы остаться неузнанными. Но он не собирался отступить. Старый замок и архив таили секрет, настолько важный, что ради него люди готовы убивать почти через век после окончания мировой войны.

И раскрыть его, сделать частью общечеловеческого знания – долг ученого.

- Уважаю. Мужчина, - Матей похлопал Семена по плечу. – Если чего, обращайся ко мне. Мы с парнями подыдем и во славу Христа набьем рожу кому угодно. Нас даже полиция опасается.

- Э... благодарю.

Покончив с жарким, они расплатились. Вышли на пло-

щадь, под неяркие лучи ползущего меж облаков солнца. Когда проходили мимо полицейского участка, оттуда выбрался давешний страж порядка, толстозадый, словно боров, и заковылял в сторону кофейни.

Историки проводили его неприязненными взглядами.

- Давай хоть время в дороге проведем с пользой, - предложил Иржи, когда дошли до автостоянки. – Доставай контейнер. Посмотрим, чего тамошний компак наворотил.

- Точно, - после ночного похищения Семен совсем забыл про проведенную в Шаунберге съемку.

Историки устроились на заднем сидении, «Пежо-Армада» покатила на восток, прочь от Эфердинга. Развернулся виртуальный экран над пультом управления, и Радлов вывел на него обработанное изображение.

Они вновь оказались в брошенном замке. Одну за другой посетили комнаты, те, где раньше не были. Заглянули в некоторые подвалы, осмотрели помещения, расположенные в башнях стены. Изучили подробный трехмерный план Шаунберга и реконструкцию – как замок выглядел до штурма.

- Да тут, судя по количеству жилых комнат, обитала прорва народу, - проговорил Радлов. – И занимались они чем-то очень странным. То ли медицинскими исследованиями, то ли изготовлением оружия.

- А может, и тем и другим вместе? Пытались сделать из человека оружие, - высказал предположение Чапек. – Сейчас для этого используют импланты и экзомускулы, девяно-

сто лет назад применяли нечто иное. Тогда понятно, почему русские объявили Шаунберг закрытой зоной. Не хотели делиться секретом. Надо покопаться в Сети...

Автомобиль мчался через горы, огибал по объездной дороге Чешский Крумлов, а они все рыскали по сайтам. Результаты были, честно говоря, скромными – инструкция австрийского министерства внутренних дел еще советских времен относительно статуса «особой территории Шаунберг» и отчет экспедиции сорок восьмого года, открытый для доступа семь лет назад.

Судя по нему, профессора Рейнерта из Венского университета и его коллег из СССР интересовало глубокое прошлое замка.

- Что-то мы никаких следов раскопок не видели, - проборотал Иржи. – Или за столько лет они исчезли?

- Скорее всего, их просто не было, а экспедиция служила прикрытием для военных, - Семен свернул виртуальный экран. – Ну а те обшарили замок в поисках того, что мы, судя по всему, почти нашли...

- Обшарили плохо. В подземелья не полезли. Хотя тогда сканеров не было, а свидетелей могло не остаться. Или...

Тут в разговор неожиданно вмешался Матей. Повернув голову, он сказал с мрачной миной:

- Только что в новостях передали – на Страконице огромная авария. Эскод отказал, так что разгребать будут до утра. Придется объезжать через Бероун, а это крюк в пятьдесят

километров.

С тех пор, как движение на дорогах Европы отдали под контроль исков, аварии стали редкостью. Но если Электронная Служба Контроля Дорожного Движения, в просторечии именуемая эскод, подвергалась хакерской атаке или просто начинала сбоить, последствия оказывались ужасными. Многокилометровые пробки или гигантские крушения, где сталкивались десятки потерявших ориентацию машин, возникали внезапно, а рассасывались долго.

- Объедем, что же делать, - покачал головой Иржи. – Заодно выпьем тамошнего пива. В Бероуне до сих пор сохранилась частная пивоварня.

Свернули с автомагистрали, идущей от столицы Средневропейской провинции прямо на юг. Потянулась холмистая, покрытая лесами местность. Одна за другой стали попадаться биофабрики, похожие на серебристые, усевшиеся на землю дирижабли.

Внутри каждого ДНК бактерий вырабатывал нужные человечеству продукты – белки, антитела или куда более сложные вещи – дерево, кожу или кораллы. На таких же фабриках производилась треть продуктов питания в Евросоюзе.

Когда пятнадцать лет назад появилась технология «молекулярного умножения», многие жители Земли встретили ее в штыки. Отказались есть выращенное «в пробирке», «неправильное» мясо.

Но постепенно привыкли.

До небольшого городка, лежащего к юго-западу от Праги, добрались к вечеру. Мелькнул в свете фар щит с фигурой вставшего на задние лапы медведя и надписью «Вегон», и «Пежо-Армада» принялся петлять по узким улочкам.

- К вокзалу? – поинтересовался Матей.

- Туда, - кивнул Иржи.

Они проехали мимо конусообразного здания вокзала, вокруг которого, словно ночные мотыльки у лампы, порхали огоньки баннеров. Взорвавшаяся в десяти метрах рекламная бомба заставила стекла машины на мгновение потемнеть.

- Вернулись к цивилизации, - вздохнул Семен, вспоминая тихий вечер на берегу Дуная.

- Ничего, ненадолго, - Иржи потянулся и зевнул. – Пивоварня «Бероунский медведь» находится на самых ее задворках.

Матей свернул в узкий проулок между двумя заборами и остановился у широко распахнутых ворот.

- Э... мы заблудились? – Радлов огляделся, пытаясь обнаружить вывеску или чего-то в этом роде.

Примерно в километре на юг осталось здание вокзала, западнее виднелись пути, на востоке над центром города полыхало зарево. Но вокруг было темно и мрачно, словно в погребке.

- Нет, - усмехнулся Матей. – Это заведение для своих. Чужой сюда дорогу вряд ли найдет.

Выйдя из машины, Семен ощутил сильный запах ржаво-

го железа. Вслед за Иржи прошел через ворота и оказался на огромной свалке, освещенной одним-единственным фонарем.

За ним виднелось здание с остроконечной крышей, похожее на мастерскую, а остальное пространство внутри забора занимали старые автомобили. «Шкоды», «Пежо», «БМВ» и «Фольксвагены» остались тут ржаветь с тех времен, когда списанные в утиль машины еще не умели по команде сгнивать, за несколько дней превращаясь в компост.

По гнутым листам железа ползали блики, битые стекла поблескивали из полутьмы, как подслеповатые глаза. Казалось, что некогда роскошные тачки глядят на породивших их людей с ненавистью. Радлов поежился, ощущая жалость и неловкость при виде такого количества мертвых механизмов.

- Ну как? Пять баллов? – спросил Иржи с довольной усмешкой.

- И тут пивоварня?

- Точно. Вон там, - и Матей указал на здание за фонарем.

И они пошли по оставшейся между ржавыми корпусами тропинке шириной в метр. Миновали грузовик, чей радиатор щерился металлическими зубами, прошли два джипа, вмявшихся друг в друга. Обогнули экскаватор с вскинутым лезвием, похожий на мамонта, и оказались у самой обыкновенной двери.

Лампочка над ней горела тепло и ровно, на вывеске тот

же медведь держал в лапах кружку с пивом.

- Прошу, - и Иржи первым шагнул внутрь.

Зал «Бероунского медведя» оказался оформлен в том же свалочном стиле – столы и стулья из небрежно сваренных кусков железа, прикрепленные к потолку старые пишущие машинки и детские велосипеды. Неприятное впечатление, что сидишь внутри громадного мусорного бака, ослабело только после второй кружки нефilterованного кислого пива. А, выпив третью, Семен пришел в хорошее расположение духа.

Когда поел, захотелось спать. До машины добрался, немилосердно зевая, и просто упал на сиденье.

- Ничего, еще немного, - подбодрил его Чапек. – Вскоре после полуночи будем в Праге.

Вырулив на пустынную автотрассу, Матей добавил скорости. Замелькали, уносясь назад, фонари. Мир на обочинах слился в плохо различимую темную массу, зашумел раздираемый бампером воздух.

Не прошло и получаса, как показались окраины Праги.

- А вот и Тржебоницы, где мы дело Христа отстаивали, - заявил Матей, когда миновали большую транспортную развязку.

- Ага, - только сонно кивнул Семен.

Оставили позади Зличин – район супермаркетов и самого большого в Европе рынка антикварной техники. По пустынным из-за позднего часа улицам добрались до Градчан.

- Приятно было познакомиться, - сказал Матей, стоило машине остановиться у «Красной розы». Он повернулся и протянул Семену прямоугольник серого пластика со сверкающим крестом на одной стороне. – Вот моя визитка. Если проблемы, звони. Поможем без вопросов.

- Не вздумай, - с притворной строгостью пригрозил Иржи, - а не то христианские бойцы ради тебя кого-нибудь убьют. На, кстати, держи компак. Но мой совет – лучше пока им не пользуйся.

- Если кого-нибудь, то не жалко. До встречи, - Радлов взял визитку, прихватил вещи и вылез из машины. Прохладный вечерний воздух немного взбодрил и позволил не уснуть по пути до номера.

Оказавшись внутри, нашел силы принять ванну, после чего бухнулся в постель.

6.1

16 мая 2035 года

Прага

Услышав объявление о том, что рейс из России приземлился, усатый мужчина в строгом черном костюме, стоявший в самом центре зала ожидания, неспешно зашагал к выходу из зоны контроля. Тут прислонился к стене и застыл, почти слившись с ней, аккуратный и неприметный.

Зашевелился, лишь когда под аркой сканера прошел невысокий, стриженный под ежик человек. Офицер у информационной панели дернулся было, но тут же замер, лицо его отразило испуг.

- Пан Роберт? – ожидавший у стены сделал шаг вперед.

- Пан Вацлав? – вопросом ответил коротко стриженный.

Двое мужчин остановились друг напротив друга. Внимательный наблюдатель заметил бы, как они похожи. Не внешностью, а повадками и манерой поведения, точно две обученные собаки.

- Добро пожаловать в Прагу. Прошу за мной, - тот, кого называли Вацлавом, повернулся и зашагал к лестнице, ведущей в главный зал аэропорта. Роберт последовал за ним.

Они не обменялись ни единым словом до того момента,

пока не оказались внутри большого черного «Бентли».

- Машина защищена от прослушивания? – поинтересовался Роберт, расположившийся на заднем сидении.

- Согласно высшей категории, - устроившийся рядом с шофером Вацлав что-то сказал, и автомобиль сдвинулся с места. – На сто процентов замкнутая информационная система.

- Тогда доложите обстановку. Я читал ваш отчет, полковник, но боюсь, что в нем отражены не все детали.

- Похвастаться нечем, - Вацлав Раух, начальник пражского отделения АСИ пожал плечами. – Объект «Карлик-Нос» на предложение о сотрудничестве ответил отказом, «Санта-Клаус» пригрозил, что донесет в Европарламент. Попытки взлома Ригеровского института оказались безуспешны, хотя пока мы не пустили в ход все мощности.

- А что за история насчет «Сказочника»? – темные глаза Роберта мрачно блеснули.

- Он с «Карликом-Носом» и его племянником, не найдя их в разработке, отправился к Шаунбергу. А вчера стал жертвой странного похищения. Подробности нам неизвестны, но похитители вернули «Сказочника» почти тут же.

- Да, удивительно... Что еще?

- Как я сообщал, в игру вступил «Моссад». Их человек в открытую ходил за «Санта-Клаусом», «Носом» и «Сказочником». Да и звонок с угрозами – тоже, скорее всего, их рук дело.

- «Моссад», спецслужба несуществующей страны? Им-то что здесь надо? – с досадой пробурчал Роберт.

Двадцатого августа две тысячи двадцатого года полтора десятка ракет с ядерными боеголовками, выпущенных с территории арабских стран, превратили Израиль в оплавленную радиоактивную пустыню. Как и после римского разгрома, уцелела диаспора, разбросанная по миру. И, как ни удивительно, выжил «Моссад», вобравший в себя остатки военной разведки «Аман».

Полтора десятилетия киллеры из этой могущественной спецслужбы методично уничтожали всех, кто имел хоть какое-то отношение к нападению. А деньги добывали самыми разными способами, не чураясь порой откровенного криминала.

Но интерес «Моссада» к архиву Михнова дворца не выглядел понятным. Разве что евреи обладали информацией, не имевшейся в распоряжении АСИ. От подобной мысли полковника Роберта Ашугова охватывала злость.

- Ладно, все ясно, - сказал он, приглаживая волосы на макушке. – Квартиру и машину вы мне приготовили?

- Так точно.

- Отлично. Готовьтесь к хакерскому штурму Ригеровского института, а заодно и к реальному. Завтра я попробую на них надавить. Если ничего не выйдет, придется атаковать. За «Моссадом» следить, но не мешать ни в коем случае. Да, к утру подготовьте мне отчет по Шаунбергу. Все, что у нас

есть. Вопросы?

- Нет. Будет исполнено, - в голосе Рауха прозвучал легкий намек на недовольство.

- Вот и славно.

Ашугов расслабился и принялся глядеть в окно.

Черный «Бентли» скользил по улицам ночной Праги мягко и бесшумно, точно кит по глубинам моря.

16 мая 2035 года
Прага - Мельник

Иржи, ожидавший Семена у машины, выглядел на редкость не выспавшимся. Глаза были красными, под ними темнели мешки, а лицо казалось помятым, как простыня после бессонной ночи.

- Привет, - сказал Чапек без обычной бодрости. – Ты-то, я смотрю, свеж и бодр?

- А ты нет? Почему?

- А... - чех махнул рукой. – Пока меня не было, бактерии в холодильнике взбесились. Что-то с ними случилось, так что они полкухни оккупировали. Пока звонил в сервис, пока они приехали... - и он выразительно зевнул.

- Да, бывает, - Радлов сочувственно покачал головой.

Бактерии, что позволяли сохранять продукты свежими сколько угодно долго, отличались непредсказуемым нравом. Порой они выходили из-под контроля и расползались по стенам. Но все же прибор с ними был лучше, чем стальной, пожирающий электроэнергию монстр-холодильник прежних времен.

- Да, шеф велел явиться к нему сразу же, как приедем, -

сообщил Иржи, когда позади осталась станция метро «Градчанская».

- Интересно, зачем?

- Подожди немного, узнаешь, - и Чапек вновь зевнул, с тягучим, душевным завыванием.

Они доехали до института, оставили «Шкоду» на обычном месте и миновали стеклянные двери. Но за проходной Иржи повернул не налево, как обычно, а направо, к ярко освещенному коридору. Тот привел к лестнице, а она закончилась большой дверью, по-старомодному обитой красной кожей.

«Директор» - гласила посеребренная табличка.

- Вот он, престол Господень, - хмыкнул Чапек и потянул за круглую блестящую ручку. Дверь открылась, и двое историков оказались в узкой, напоминавшей шкаф приемной. Висевший под потолком орг-компьютер, именуемый обычно киберсекретарем, опознал гостей и распахнул дверь, ведущую непосредственно в кабинет.

- Явились, нарушители спокойствия! – донесся оттуда баритон Купалова. – А ну встать передо мной, как лист перед травой!

Директор, мрачный и красный, обнаружился за большим столом из черного дерева.

- Садитесь, бродяги, буду вас распекать, - предложил Купалов.

Кабинет не был особенно велик, стол делил его на две ча-

сти. За спиной хозяина высился шкаф из темного тевлара, дверцы его матово поблескивали. В углу на тумбе располагался кухонный синтезатор «Сигма», круглый и ярко-красный. На подоконнике стоял горшочек с растением, похожим на алоэ. Мясистые стебли покачивались, словно щупальца.

- А за что нас распекать? – удивился Иржи, опустившись на один из стоявших у стола стульев.

- За то, что влезли в историю, - ответил директор. – Ты, Радлов, дал каким-то типам себя похитить да еще на особой территории, статус которой не изменили только потому, что о ней забыли лет сорок назад. А я...

Договорить он не успел. Дверь кабинета распахнулась, и через порог шагнул невысокий, очень широкоплечий мужчина в безупречном костюме, с тонкой папкой в руках. В черных коротких волосах блеснула седина.

- Утро доброе, господа, - сказал он по-английски. По кабинету пополз запах мяты.

Семен нервно сглотнул, почувствовал, как по спине побежал холодок.

- А вы кто? – буркнул Купалов без особого дружелюбия.

- Полковник Ашугов, Агентство Специальной Информации, - представился незванный гость. – Стул можете не предлагать, я ненадолго.

- Почему-то меня это не огорчает, - директор института нахмурился. – Чем обязаны?

- Нас интересует проект, в данный момент проводимый

вашим институтом, - полковник не обратил на шпильку внимания. – Тот, что связан с архивом Михнова дворца. Имеются основания полагать, что...

- Я все это уже слышал, - грубо перебил Купалов. – Мне звонил ваш капитан, не помню его фамилии. Просил, чтобы я делился информацией. Я отказал тогда, не вижу причин соглашаться и сейчас.

- Боюсь, вы не до конца осознаете ситуацию, - глаза Ашугова сверкнули, в хриплом голосе появилась ярость. – Если вы не захотите сотрудничать, мы будем вынуждены пойти на крайние меры. Жизненно важно защитить информацию, что попала к вам.

- Для этого нет необходимости вникать в ее содержание, не так ли? – заметил Иржи.

Полковник немного помолчал, переводя взгляд с одного историка на другого. Семен с трудом отогнал желание спрятаться под столом.

- Вы сами отказались от сотрудничества с АСИ, - проговорил Ашугков. – Боюсь, что вам еще не раз придется пожалеть об этом. Всего наилучшего, - и, развернувшись, он стремительно вышел из кабинета.

Дверь захлопнулась.

- Ходят, как к себе домой, а? – прорычал директор института. – Слишком много власти забрали себе эти короли виртуального шпионажа, чтобы им провалиться сквозь землю. Так, о чем мы говорили? Ага, вспомнил... Разрешение на

работу в Шаунберге получить непросто, но за пару недель я это сделаю. Пока придется ограничиться архивом. Но, - глаза Купалова хитро блеснули, - вы ведь что-то нашли?

- Вот, - Иржи выложил на стол кинжал и блок памяти, похожий на электронную метку, только большую. – Оpoznать эту штуковину не получилось, ну а на блоке то, что удалось заснять.

- Отлично! Великолепно! Замечательно! – директор заулыбался и чуть ли не закудахтал, как наседка над яйцами. – Очень разумно, что ты не стал пересылать данные через Сеть! Кстати, я отдал приказ отключить все системы передачи данных в лаборатории два. А нахождение там с работающим компаком запрещено.

- Это почему? – поинтересовался Чапек.

- Чтобы АСИ не сунуло свои электронные щупальца в нашу работу. Мощностей внутри лаборатории хватит для анализа. А после того, как мы закончим и выложим информацию в общий доступ, нам сам черт будет не брат! – и Купалов выразительно стукнул кулаком по столу.

- Хотя в чем-то вы окажетесь со мной на равных, - Семен ехидно глянул на Иржи, - а то я привык обходиться без компака. Да, - он повернулся к Купалову, - полиция выяснила, кто звонил?

- Нет... даже того, кто следил за нами, опознать не удалось, - директор института стал серьезным. – Да, я понимаю, что ты находишься в ситуации стресса. Тебе угрожали, а в

Шаунберге еще и похищали. АСИ висит над нами Дамокловым мечом. Если примешь решение отойти от исследования, я тебя пойму...

- Нет, - сказал Радлов твердо. - Я не боюсь. Нет, конечно, боюсь, - поправился он. - Но это не имеет значения. - Я должен узнать, что тут за тайна. Если отступлюсь сейчас, то жалеть буду всю жизнь и никогда себе этого не прощу.

- Смотри, - Купалов огладил бороду. - Ладно, в институте тебя не достанут. А вот в гостинице с легкостью. Надо будет что-нибудь придумать. Но это мое дело. А вы идите - работа ждать не будет.

Семен и Чапек вышли в коридор и зашагали в сторону лаборатории номер два.

- Кто бы мог подумать, что до такого дойдем? - сокрушенно проговорил Иржи, отключая компак. - Я всегда полагал, что историк - мирная и спокойная профессия. Копайся себе в прошлом. Эххх...

Дверь лаборатории некоторое время помедлила, прежде чем открыться перед Радловым. Проходивший мимо нее ассистент-итальянец обернулся, лицо его на миг отразило испуг.

- А, это вы... - сказал он. - А то нас тут застращали новыми мерами безопасности...

- Думать надо не о них, а о деле, - сурово проговорил Иржи. - А ну показывайте, чего вы тут натворили?

Войдя в лабораторию, Семен обратил внимание, что окна

снаружи закрывает пленка защитного поля, а большая часть дополнительного оборудования отключена. Но все это вылетело из головы, стоило Радлову целиком погрузиться в работу.

Закончив с нудными списками погибших, он перешел к ящику номер два. В нем сразу же наткнулся на кое-что интересное – пространный отчет, зашифрованный целиком, от первого до последнего слова. То, что это именно отчет, выяснилось благодаря сопроводительному письму.

Подписано оно было просто «Фридрих», а отправлено в Вайшенфельд, небольшой городок, где весной тысяча девятьсот сорок пятого года находился Вольфрам Зиверс, имперский руководитель «Аненербе».

Шифр, к счастью, оказался знакомым – его использовало общество «Туле» еще в двадцатых годах прошлого века. Семен запустил дешифровальную программу, а сам принялся за другие документы. Успел просмотреть с полдюжины протоколов вскрытий, составленных лично Августом Хиртом, когда компак-переводчик издал короткий звонок, сообщая об окончании работы.

- Занятно, занятно... - пробормотал Радлов, водя пальцами по виртуальной клавиатуре. – Что тут у нас?

И он углубился в чтение.

Отчет подводил итоги занявшим почти год опытам с неким веществом. В тексте его называли «сывороткой». Будучи введена людям, она вызывала довольно странные изме-

нения организма, и чаще всего приводила к смерти. Но если подопытный имел «высокую долю арийской крови», он выживал. Изменившийся организм становился много более сильным, быстрым и ловким, чем раньше.

Подопытный превращался в «сверхчеловека».

Первый раз встретив это слово, Семен недоуменно заморгал и подумал, что читает очередную нацистскую сказку, вроде «Мифа двадцатого века» Розенберга или бредней профессора Гербигера о Вечном Льде. Но, углубившись в четко и ясно составленный отчет, с дрожью осознал, что все серьезно. Что к марту сорок пятого года обитателям замка Шаунберг неведомым образом удалось воплотить в реальность черную мечту Третьего Рейха.

Фридрих Хильшер, Карл-Мария Виллигут, Август Хирт и их соратники создали сверхчеловека.

- Невероятно, - прошептал Семен, вытирая со лба выступивший пот. – Но как? Что это была за сыворотка?

Ответа на этот вопрос не нашел, зато обнаружил невероятно подробные таблицы, посвященные тому, как влияют на процесс трансформации примеси «инородной крови».

- Смертность сто процентов в том случае, если примесь еврейской более десяти процентов; угорской и славянской более двадцати; романской и кельтской более двадцати пяти, балтской – тридцати; с тюркской опытов не проводилось, поскольку достать ее носителей в Дахау не было возможности, - значилось в выводах. – Но это ведь невероятно, этого

просто не может быть...

Судя по тому, что применение сыворотки не было поставлено на поток, точно так же посчитал в сорок пятом и Зи-верс. А Хильшер и остальные не успокоились и уже после поражения нацистской Германии устроили восстание. С малыми силами «сверхлюдей» чуть не захватили всю Австрию.

Становилось понятно, почему в источниках так мало информации о Зальцбургской операции, отчего Шаунберг был объявлен закрытой территорией, и что именно искал там профессор Райнерт.

Рецепт сыворотки.

Тот, что наверняка содержится в одном из документов архива Михнова дворца.

- О боги... - пробормотал Семен, оглядывая заваленные бумагами столы и чувствуя себя сидящим на ядерной бомбе.

Сами того не желая, историки из Ригеровского института оказались на пороге тайны, за которую продадут душу главы силовых ведомств земного шара. Стали лакомой добычей для АСИ, ЦРУ, террористов всех мастей и вообще всех, алчущих могущества и власти.

Возникла мысль, что надо уничтожить архив полностью, распылить на молекулы, стереть информацию и сжечь бумаги. Чтобы от опасного знания не осталось ничего. Но против этого восстало естество ученого, привыкшего делать новое знания доступным для всех.

Радлов потер щеки, вздохнул глубоко, собираясь с мыс-

лями. Решил, что сначала разберется с методикой нацистов до конца, а затем будет думать, что с ней делать.

- Но как они определяли, у кого арийская кровь, у кого нет? – пробормотал он, и тут вспомнилось, как в первый день работы читал что-то о приборе, названном «блуттер», от немецкого «blut» -кровь. – А ну-ка, ну-ка...

Нужный документ нашелся быстро – краткое описание, дополненное методикой использования. Стало ясно содержание таблиц, заполненных по результатам опытов в сорок четвертом году.

Восемь цифр представляли процентную долю разных видов крови. А она, по мнению профессора Хильшера, могла в жилах современного европейца быть арийской, балтской, романской, кельтской, славянской, угорской, тюркской и еврейской. Хозяева замка Шаунберг экспериментировали с узниками концлагеря Дахау, пытаясь выяснить, каким образом сыворотка действует на людей разного происхождения.

И их исследования дали неожиданной с точки зрения науки результат.

- Невероятно, - Семен почесал в затылке. – Но должно где-то быть подробное описание блуттера.

Благодаря имевшимся в методике отсылкам к другим документам поиски оказались недолгими. Завершились они в ящике номер пять, в одной из папок, чье содержание еще не было переведено. Радлов принес ее к своему рабочему месту, уложил поверх отчета об использовании сыворотки.

- Эй, маньяк, пошли обедать? – чуть ли не в ухо сказал подошедший Иржи.

- Э... почему маньяк? – недовольно поинтересовался Радлов.

- А потому, что я тебя уже третий раз окликаю, - ухмыльнулся чех. – А ты продолжаешь работать, как ни в чем не бывало. Пойдем, а не то в «Воле» всю картофельную похлебку съедят.

- Ну, пойдем, - Семен поднялся, задумавшись над тем, стоит что-либо говорить коллеге или лучше пока подождать.

Они поднялись наверх, миновали проходную. На улице попали под мелкий, очень неприятный дождик. Шедший впереди Иржи угодил под него первым, недовольно поежился. Повернул голову, открыл рот, собираясь что-то сказать, но только удивленно хмыкнул. Светлые глаза его изумленно округлились.

- Что? – поинтересовался Радлов, выныривая из размышлений.

- Это я тебя должен спросить – что это такое, - и Чапек ткнул пальцем в сторону правой руки Семена.

Тот поднял ее и обнаружил, что сжимает в ней две кожаных папки с торчащими из них бумажными листами.

- Э... так вот, ну... случайно прихватил с собой. Ты понимаешь, так бывает, - забормотал Радлов потерянно. – Тут материалы по блуттеру и по сыворотке. По той, из-за которой...

- Случайно? Это похоже на правду. Но вот почему система безопасности тебя выпустила? Ведь тамошний сканер должен был поймать тебя на выносе секретных материалов.

- Вот уж не знаю, - Семен растерялся окончательно. – Вернемся?

- Ладно уж, чего там. Пойдем. Только поверни так, чтобы дождем не мочило. Не хватало еще их испортить.

Радлов перевернул папки корешками вверх, и они зашагали дальше, к Лоретанской площади. В «Черном воле» из-за плохой погоды оказалось безлюдно, столы в дальнем зале пустовали. Семен и Чапек устроились за тем из них, что располагался под гербом панов из Рожемберка, заказали пива, утопенцев и похлебки.

- Знаешь, чего я сегодня отыскал? – проговорил Радлов, когда им принесли по кружке темного.

- Даже слышать об этом не хочу, - Иржи выставил перед лицом ладони, будто защищаясь. – Ты точно маньяк, только неправильный. Помешан на работе, а не на женщинах, как надо бы.

- Почему надо?

- Интересоваться противоположным полом естественно для мужчины, - Чапек улыbnулся. – Вот я развелся два года назад, и пока больше семьи заводить не хочу. Но это не значит, что я грущу в одиночестве. Нынешняя моя подруга - биолог, работает в Пражском зоопарке. И мы с ней очень даже неплохо уживаемся. А у тебя что?

- Ну, как тебе сказать... нечем похвастаться, - Семен вынул из подставки салфетку и принялся мять ее в руках. – Последняя интрижка случилась год назад. Но девушка не выдержала, когда я предложил...

- Она не выдержала потому, что ты маньяк!

Принесли похлебку. Радлов схватил ложку, радуясь, что можно отвлечься от неприятного разговора. Картофельная полевка, как все чешские супы, оказалась, на русский взгляд, жидкой и малосъедобной.

- Да, уж это не борщ, - заметил Семен, когда миска показала дно. – И даже не щи.

- Это жуткое блюдо, куда кладут много капусты? Брр! – Иржи изобразил величайшее отвращение. – Нашел, чем хвастать. Ладно бы пельменями или ухой. А то – шстчами.

Последнее слово он нарочито исковеркал и проказливо улыбнулся.

- Будь я и вправду маньяк, ты бы тут и остался, - покачал головой Радлов, прихлебывая пиво.

Они расплатились и без спешки зашагали назад. Когда прошли мимо Страховского монастыря, Чапек неожиданно хлопнул себя по лбу.

- Вот я балда! – воскликнул он. – Совсем забыл, что за пределами лаборатории компак можно включить. Так и хожу с выключенным.

- А я думал – из солидарности со мной.

- Как бы не так, размечтался.

С Длобачева повернули к институту, и тут Семен ощутил, что глаза лезут на лоб, а сердце начинает биться чаще.

На стоянке было тесно от черно-белых полицейских машин, над самой крышей висел того же цвета вертолет. По ведущей к дверям лестнице бегали люди в форме, а ветер доносил полные тревоги голоса.

- Что тут происходит? – нахмурился Иржи.

- Вряд ли что-то хорошее...

Стоило им вступить на нижнюю ступеньку лестницы, как один из полицейских ринулся наперерез, вскинул руку. Залопотал что-то по-чешски, сверкнула на фуражке большая кокарда. Чапек ответил, лицо его помрачнело, в ладони появилось удостоверение сотрудника института.

Полицейский кивнул и отступил в сторону.

- Что такое? – спросил Радлов.

- На нашу лабораторию напали, - монотонным, мертвым голосом ответил Иржи. – Через Сеть отключили систему безопасности всего института, почему тебя и выпустили с папкой. А потом отряд громил прямо через окна ворвался внутрь и похитил все, что там было.

Земля под ногами Семен покачнулась.

- Все? – собственный вопрос услышал с трудом.

- Ящики с документами, - Чапек подхватил коллегу за локоть. – Внутренняя система безопасности лаборатории сработала благодаря тому, что была отсоединена от Сети. Электронные носители информации оказались уничтожены.

- Переводы... э, пропали? – это прозвучало жалобно, как одинокий птичий крик в пустом осеннем лесу.

- Но зато не достались налетчикам, - Иржи сохранял невозмутимость, но видно было, что она дается ему нелегко. – Надо дойти до лаборатории. Там узнаем подробности.

Внутри института полицейских оказалось еще больше, чем снаружи. Система безопасности работала, но двоих историков пропустили только после личного осмотра. Папки в руке Семена не вызвали интереса лишь благодаря тому, что стражи порядка не знали, что это такое.

- Тут стало как-толюдно, - заметил Радлов, вслед за Иржи пробираясь по ведущему к лифту коридору.

Через каждые несколько шагов кто-нибудь попадался навстречу. Чаще всего это были сотрудники СБ института, иногда – полицейские. Глядели те и другие одинаково – сердито и беспомощно.

- То ли еще будет, - пробурчал Чапек.

Лаборатория изменилась очень сильно. Два окна просто исчезли. На их месте появились неровные дыры. Столы опустели, ящики, папки и компаки точно провалились сквозь землю. Зато на полу появились многочисленные осколки, куски строительного пластика, обломки мебели и арматуры.

Залетевшие в пролом капли дождя блестели на одном из столов.

- А, вот и они!?! – ринулся навстречу Купалов. – Где бродите, черт вас возьми!?! Почему не на связи?!

- Но вы же сами приказали... - попытался возразить Семен, но его не услышали.

- В этом мире творится непонятно что! – продолжил бучевать директор, встрепанный и злой, с всклокоченными волосами и бородой. – Какие-то типы совершают невероятную глупость! Грабят институт! Входят в него легко, словно нож в тесто! При этом у них необычно хорошая хакерская поддержка!

В лаборатории тоже были полицейские, но они выглядели куда более спокойными и деловитыми, чем остальные. Трое с помощью каких-то приборов, напоминавших грибы на длинных ножках, изучали выбитые окна. Еще один допрашивал сидевшего на стуле ассистента-итальянца с перевязанной головой.

- Тихо, шеф, тихо, - сказал Иржи, - чего теперь орать? Материалы не спасешь? Лучше расскажи нам, что тут случилось?

- Что значит – чего орать? – Купалов раздулся, будто готовый лопнуть воздушный шар, но ожидаемой вспышки не последовало. – А, проклятье, я сам виноват. После визита того типа должен был кое-что сделать. Нанять дополнительную охрану, что ли. Короче говоря, через три минуты после вашего ухода из лаборатории институт атаковали через Сеть. На высшем уровне, так, что никто ничего не заметил, а сигнализация, системы опознавания и все остальные отключились. Еще через пять минут выбили окна с помощью ваку-

умных гранат. Внутри ворвались десятеро здоровенных парней с оружием, - он кивнул в сторону ассистента. – Анджело досталось по черепу. А когда он очнулся, в лаборатории было пусто, как в голове наутро после попойки. Интересно, на что они рассчитывали? – директор вновь начал закипать. - Ведь соседние здания просто утыканы камерами? Должны остаться записи...

С пояса Купалова донесся пронзительный взвизг, точно коту наступили на хвост.

- Да!?! – гаркнул директор, шлепнув по сенсору на боку компака. – Что? Уже нашли? Немедленно выезжаем.

- Что такое? – полюбопытствовал Семен.

- Звонил возглавивший погоню майор. В Даблицком лесу нашли похитителей, - отозвался директор. – Поедете со мной, посмотрим на вандалов, что чуть не лишили нас бесценных материалов.

Радлов подумал было возразить, сказать, что не видит необходимости мотаться по городу. Но посмотрел в бешеное лицо Купалова и возражения проглотил. А Чапек, куда лучше знавший шефа, просто сказал:

- Конечно.

- Отлично, - и директор института зашагал к двери с видом осадного тарана, готового выбить самые крепкие ворота.

На крыльце их встретил молодой, рыжий, точно костер, полицейский. Проводил к машине – вытянутой черно-белой «Шкоде». Открылись двери, Купалов устроился рядом

с водителем, а Иржи и Семен втиснулись на заднее сиденье. Взвыла сирена, колеса слегка взвизгнули, зацепившись за асфальт, и автомобиль понесся по Кеплеровой улице.

Мелькнул и пропал Град, в один миг пролетела забитая машинами улица Милади Хоракове. Справа остался Холешовицкий вокзал, дорога с моста над Влтавой привела к очень широкой магистрали. С нее свернули в районе со смешным для русского слуха названием Кобылицы, а через десять минут оказались на опушке самого настоящего леса.

Тут дорога превращалась в грунтовую и уходила в густые заросли. Ветви старых деревьев нависали над ней, создавая что-то вроде коридора. Под колесами хлюпали глубокие лужи. Автомобиль мягко покачивался на кочках, словно паролит на волнах.

- Спасибо, - бросил Купалов, когда они остановились на большой поляне, окруженной коричневыми стволами дубов. – Выходим, парни.

Выбравшись наружу, Семен ощутил мощный запах желудей, сырой древесины и листвы. Он показался неприятным, в носу зачесалось. Сырая трава промочила ботинки на первом же шаге.

На поляне стояли еще две машины, одна полицейской раскраски, другая обычная, а между ними и вокруг ходили стражи порядка в форме и в гражданской одежде.

- Опа! - воскликнул Радлов, увидев тела.

Молодые, крепкие мужчины, одетые одинаково – в доро-

гие темные костюмы, лежали около самого большого из дубов. Белые, застывшие лица выражали ярость и страх, иные были изуродованы пулями. Успевшая свернуться кровь в тусклом свете пасмурного дня выглядела черной.

- А, вы приехали, - к Купалову подошел невысокий полицейский с торчащими, словно ручки кувшина, ушами и острым взглядом. - Вот они, попавшие в объективы камер. И мертвы, мертвее некуда.

Зная, что среди историков есть иностранец, страж порядка говорил по-английски.

- А материалы?! - возбужденно поинтересовался директор института. - Ящики, папки, бумаги?

- Ничего, - покачал головой полицейский. - Это всего лишь исполнители. А заказчик вместо того, чтобы отдать деньги, просто расстрелял их. Судя по тому, что каждый получил контрольный выстрел в сердце, действовал он по заранее намеченному плану. Потом забрал то, что было украдено из института, и удалился, не оставив следов.

- Заказчик? - Семен второй раз за день почувствовал, как качается под ногами земля. - Исполнители? Не оставляя следов? Но ведь так не бывает...

- Бывает, и еще как, уж поверьте мне, - страж порядка поглядел на Радлова с сочувствием. - Убийц было, судя по всему, несколько. Их наверняка ждала машина, где-то неподалеку, где нет камер слежения. И честно говоря, я сомневаюсь, что мы их найдем.

- А эти? – Иржи указал в сторону трупов. – Может быть, если опознать их, то удастся выйти и на заказчика.

- Уже опознали. Мелкие уголовники из саталицкой группировки. Работали по найму.

- Черт! Черт! Черт! – выругался Купалов. – Майор, постарайтесь найти мерзавцев, что организовали все это. Они похитили исторические материалы невероятной ценности!

- Это-то и странно, - взгляд полицейского стал подозрительным. – Кому могут быть настолько нужны какие-то древние бумаги, что он устроит нападение на институт в центре Праги? Безумному коллекционеру? Не верю. Скорее всего, тут замешаны некие очень серьезные силы. Но что их заинтересовало в старом архиве?

- Этого я вам не могу сказать, - ответил директор. – По крайней мере, сейчас. Мы сами до конца не успели разобраться с тем, что нашли.

Семен почувствовал, как зажатые в руке папки начинают жечь ладонь. С трудом удержался от совершенно детского желания спрятать их за спину.

- Да? Ну ладно, - майор недоверчиво улыбнулся. – Тогда мы продолжим осмотр. Если что-нибудь найдем, обязательно сообщим.

- Да, конечно, - кивнул Купалов и повернулся к подчиненным. – Ну что, коллеги, поехали отсюда?

- Э... давайте отойдем, - сказал Семен. – Поговорим там, где нас не смогут услышать. Я должен кое-что сказать.

- И что же? – директор скептически хмыкнул. – Ну ладно, раз уж ты настаиваешь...

Они отошли в сторону от суетившихся полицейских. Остановились у одного из дубов, окруженного густыми зарослями орешника.

- Ну? – требовательно спросил Купалов.

- Э... так получилось, что я сегодня прихватил с собой вот это. Случайно... - и Радлов поднял руку с папками.

- Случайно?! – на крик обернулись несколько полицейских, и директор института сбавил тон. – Это что, часть архива?

- Да. И как мне кажется, наиболее важная, - и Семен коротко рассказал о том, что узнал за сегодняшний день.

- Сверхлюди. Сыворотка. Арийская кровь. Блуттер, - Иржи задумчиво почесал нос. – Я бы посчитал все это сказками. Но те, кто сегодня напал на лабораторию, думают иначе. Скорее всего, они искали именно рецепт вещества, девяносто лет назад применявшегося в замке Шаунберг. Да только откуда они вообще узнали, что оно существует?

- Все ли архивы нацистов достались ученым? – Купалов прокашлялся. – Наверняка, кое-что перепало и спецслужбам, причем то, чем они не захотели делиться. Проклятье, еще этого мне не хватало. Просто невероятно – отвергнутые даже Рейхом безумцы свершили такое...

- Я и сам был поражен, - вздохнул Семен. – Сначала не поверил собственным глазам. Но потом...

- За нападением может стоять кто угодно, - занятый собственными мыслями директор его не услышал. – Даже то же самое АСИ. Поэтому обращаться к ним за помощью смысла не имеет. Что же мы будем делать? – взгляд серых, как осенние облака, глаз, остановился на Радлове. – Для начала нужно спрятать тебя и вот эти документы. Потом ты должен все до конца перевести и выложить в общий доступ... Или уничтожить? Ладно, потом решим. В любом случае, тебе нельзя появляться в гостинице, да и в институте тоже.

- Так куда же мне деваться?

- Хм... - Купалов подергал себя за бороду. – Для начала отправим тебя и Иржи в Мельник. Это такой городок к северу от Праги. Там у моей сестры имеется небольшой пансион. Она до завтра приютит вас без всякой оплаты.

- У пани Ганны? – уточнил Иржи.

- Да, у нее. Звонить нельзя, сам понимаешь, но она должна тебя помнить. Сошлешься на меня, если что. А за сутки я найду убежище понадежнее. Вещи из «Красной розы», - тут директор вновь посмотрел на Семена, - тебе привезут, не беспокойся. Кроме того, копия отработанных материалов имеется у меня в кабинете. Все, что необходимо для работы, вы получите.

- Это, конечно, здорово. Но как мы доберемся до Мельника? – поинтересовался Чапек. – На вокзалах – камеры, моя машина, да и ваша тоже – под наблюдением. Если брать такси, придется звонить и платить.

- О, наше такси будет бесплатным. Ждите тут, - Купалов ухмыльнулся и, развернувшись, вразвалку зашагал к полицейским.

- Он сошел с ума, - пробормотал Радлов.

- Вовсе нет, - Чапек помотал головой. – Наш шеф мыслит на пять баллов, особенно когда пахнет жареным. Сейчас он уговорит стражей порядка отвезти нас куда надо. А уж за их машинами вряд ли кто следит.

Переговоры директора Ригеровского института и майора продлились недолго. В первый момент офицер полиции скорчил удивленную мину, но через десять минут вяло кивнул.

Купалов повернулся и махнул рукой.

- Вот видишь, - сказал Иржи.

- Давайте быстрее! – прикрикнул Купалов. – Вон в ту машину! Рейс уходит через пять минут! Ну-ка, бегом!

- Надеюсь, что это и в самом деле нужно, - уныло пробормотал майор, когда Чапек и Радлов прошли мимо него.

- Конечно, - уверенно кивнул директор. – Счастливого пути, коллеги. Надеюсь, что вы хорошо поработаете, а в тот день, когда мы увидимся, вы будете настоящими звездами исторической науки.

- До встречи, - кивнул Семен, забираясь на заднее сиденье полицейской «Шкоды».

- Наследаноу, - поднял руку Иржи.

Хлопнули, опускаясь, дверцы. Водитель, молодой еще па-

рень, повернул руль, и машина принялась неспешно разворачиваться. Радлов оглянулся на Купалова, что-то объяснявшего полицейским, и сердце неожиданно дернулось. Возникло ощущение, что прошлая жизнь, спокойная и размеренная, осталась позади, и вернуть ее не получится. Четко осознал, что он, простой ученый, стал беглецом, предметом охоты, и что вылезти из этой истории живым и здоровым будет очень непросто...

- Эх, жизнь моя жестянка, - вспомнилась песенка из старого мультика, - да ну ее в болото...

Даблицкий лес остался позади, потянулись застроенные особняками окраины Праги. Замелькали красные черепичные крыши. Минут через пять проехали окружную дорогу, и водитель включил радио. Салон наполнился бормотанием ди-джея и ревом псевдорока.

К тому моменту, когда впереди показался городишко Мельник, Семен едва не оглох.

- Где вас посадить? – поинтересовался водитель, сделав музыку чуть тише.

- Где-нибудь в центре, - отозвался Иржи.

Молодой пражский полицейский оказался в Мельнике первый раз, так что дорогу нашли не сразу, немного попетляли. Остановились на узенькой улочке у туристического информационного центра.

Чуть дальше она выводила на площадь, окруженную старинными зданиями, а влево уходила еще одна улочка. Све-

тились яркие вывески расположенных на ней пивных.

- Спасибо, - кивнул Чапек. – Всего наилучшего.

- Спасибо, - поддержал его Радлов.

Они вылезли из машины. «Шкода» мигнула фарами и, не разворачиваясь, покатила обратно.

- Ты уверен, что нас тут не найдут? – Семен ткнул пальцем в сторону висевшей над дверью информационного центра камеры.

- Чтобы найти, нужно знать, где искать, - хмыкнул Иржи.

– А для того, чтобы просмотреть изображение со всех камер Чехии, не хватит сил даже у АСИ с его огромными ресурсами. Так что успокойся.

- Э... ну ладно.

- Так, надо вспомнить, где этот пансион. Я там был один раз, на юбилее шефа... Ага, нам сюда, - и Чапек повернул на улицу, идущую прочь от площади. Но буквально через пяток шагов остановился. – Может, зайдем, подлечим нервы?

И он указал на дверь винарни.

- Почему бы и нет? – кивнул Радлов. – Я слышал, что местные вина известны по всей Европе.

- Причем многие сотни лет.

Они вошли, окунулись в кислый запах вина. Молодая женщина за стойкой встретила гостей улыбкой, сказала что-то. Два пожилых чеха, сидевших за одним из столиков, посмотрели в сторону чужаков неодобрительно, но тут же отвели взгляды.

- Пойду, закажу, – сказал Иржи, - а ты садись.

Семен устроился за угловым столиком и огляделся.

Из левой от входа стены выпирала огромная декоративная бочка, торчал блестящий краник. Стену напротив украшала большая фреска – замок над опускающимися по склону виноградниками. Над стойкой высывались три винных пипы, блестели расставленные по полкам бутылки.

- Вот, - подошел Иржи с двумя округлыми бокалами на тонких ножках. – Для начала попробуем красного...

Вино оказалось терпким, с каким-то особенным, очень приятным привкусом. Оно быстро ударило в голову. Там зашумело, и Радлов ощутил, как напряжение уходит из сведенных мышц, как отступает страх.

- Занятно, - сказал он. – Как это вино называется?

- Какая разница? Его все равно можно купить только здесь, в Мельнике. Попробуем белое?

- Само собой.

Золотистое, с искоркой вино понравилось Семену несколько меньше. От третьего бокала он отказался.

- Как знаешь, - сказал Чапек. – В крайнем случае, можно будет еще и завтра заглянуть. А теперь пошли...

Они вышли из винарни, и попали под вновь начавшийся дождь. Под мерное шуршание падавших на землю капель прошли улицу до конца. Свернули направо, к заведению под зеленой овальной вывеской пива «Старе Брно».

- У пяти веселых монахов, - прочитал Радлов. – Нам точно

сюда?

- Конечно, - Иржи взялся за ручку двери. – Три года назад, когда Купалову стукнуло шестьдесят, мы тут славно погуляли. Вон у того забора я, помню, как... хм, неважно.

За Чапеком перешагнув порог, Семен оказался в вытянутом, уставленном деревянными столами зале. С портрета, повешенного прямо напротив входа, на него с язвительной ухмылкой глянул толстый тип в лиловой сутане. Судя по всему, один из пяти веселых монахов.

- Добри ден, - поздоровалась возникшая за стойкой девушка.

- Добри ден, - отозвался Иржи и затараторил что-то почешски. Семен уловил, как несколько раз повторилось словосочетание «Пани Ганна».

На лице девушки отразилось изумление. Она тряхнула каштановыми волосами и ушла в дверь за стойкой. Быстро вернулась в компании солидной дамы в темном платье с белыми оборками.

Чапек заговорил вновь. Дородная, седовласая хозяйка пансиона, чье лицо пусть немного, но напоминало физиономию директора Ригеровского института, принялась слушать.

- Добрже, - сказала она, когда Чапек замолк, и перешла на английский. – Вижу, что вы голодны. Поужинайте, а мы пока приготовим комнату. Само собой, за счет заведения.

Она сказала что-то девушке с каштановыми волосами, и величаво, точно королева, удалилась.

- Вот такая она, пани Ганна, - прговорил Иржи. – Ей куда больше, чем брату, к лицу командовать людьми. Удивлена, конечно, нашим появлением, но ни на секунду не задумалась, помогать или нет.

- Э... а где у них тут можно помыть руки? – поинтересовался Радлов, беспомощно оглядываясь.

- Вон там, - и Чапек указал на неприметную дверь в дальнем конце зала.

В туалете Семена встретил очередной сюрприз – развешенные по стенам портреты коммунистических вождей. Он узнал Сталина, Мао Цзэдуна, Ульянова-Ленина, Климента Готвальда.

Когда вернулся к столу, там стояли кружки со светлым пивом и тарелки с острыми колбасками.

- Барон Тренк, - сказал Иржи, указывая на пиво. – За пределами Брно встречается так же редко, как тигр в Европе.

Пиво и в самом деле оказалось замечательным, но не привыкший к спиртному Семен после двух кружек отяжелел. С трудом проглотил колбаски, а уж карпа, тушеного в пиве, доедал через силу, не желая обижать хозяйку.

- Уф, наелся... - отодвинул от себя тарелку, глянул на Чапека, одолевшего свою порцию немного раньше.

- Вот и славно, - тот потер руки. – Где там пани Ганна? Хозяйка пансиона подошла к столу несколькими минутами позже, словно ждала, когда о ней вспомнят.

- Прощу за мной, - сказала она.

Через дверь, у которой висел портрет второго монаха, более худого, но с большой кружкой, прошли на узкую и скрипучую лестницу. Поднялись на второй этаж и оказались в коридоре, чьи стены были обиты тонкими рейками.

Лампы на потолке силились разогнать царивший здесь полумрак, но без особого успеха. В стенах виднелись двери, тяжелые, старинные, на полу лежал темно-багровый, точно окровавленный ковер.

- Вот ваш номер, - пани Ганна остановилась у двери, на которой блестела цифра семь.

- Э... спасибо, - проговорил Семен, чувствуя, что готов задремать прямо тут, в коридоре, на ковре...

Веки тянуло вниз так, словно к каждому был привязан груз.

Почти ничего не соображая, он вслед за Иржи прошел в номер. Аккуратно положил папки на тумбочку и свалился на кровать, застеленную серо-коричневым покрывалом.

- Эй, ты бы хоть разделся, - голос Чапека донесся приглушенно.

- Да, сейчас...

На то, чтобы стащить ботинки и избавиться от костюма, затратил все силы, без остатка. В полном изнеможении заполз под одеяло. Услышал, как забубнил включенный Чапеком телевизор, после чего отрубился.

17 мая 2035 года

Мельник - Кршивоклат

Ощущение было такое, что в голове поселился упорный и трудолюбивый дятел.

Некоторое время Семен полежал, надеясь, что все пройдет само собой. Но потом вынужден был открыть глаза. Яркий свет омыл зрачки, боль в затылке в первый момент усилилась, а потом начала слабеть.

- Проснулся? – донесся голос Иржи. – А то я собирался тебя будить.

- Сколько времени? - он попытался повернуть голову.

- Девять пятнадцать. Пора вставать.

- Да? А почему у меня так болит голова?

- С похмелья, должно быть, - Чапек рассмеялся. – Мешать пиво с вином не всегда хорошо.

С усилием Семен перевел себя в сидячее положение.

Номер, который вчера не хватило сил осмотреть, по контрасту с коридором или пивной на первом этаже выглядел очень светлым. Поблескивали белые стены, желтые шторы закрывали окно. Пробивавшийся через него свет говорил, что на улице властвует солнечное утро.

- Иди, прими контрастный душ. Станет легче, - посоветовал Иржи. – Ну а если и это не поможет, то применим старое, еще дедовское средство.

- Какое?

- Похмелимся.

Душ Семен принимал долго и со вкусом. Ледяная вода сменялась кипятком, по телу бежали волны дрожи, выбивая из мускулов слабость, а из головы тяжелый, почти железный туман.

Ликвидировать его до конца не удалось, но из ванной Радлов вышел куда более бодрым.

- Ты выглядишь лучше, - заметил Иржи, уже полностью одетый. – Готов поесть?

- Э... да.

- Значит все в порядке.

Семен оделся, и они спустились вниз в кафе. Девушка за стойкой, та же самая, только с белыми волосами, улыбнулась и начала подавать, не дожидаясь заказа. Гости хозяйки пансиона получили по яичнице с ветчиной, по тарелке мюслей с молоком и по чашке кофе.

На первую ложку желудок отреагировал недовольным бурчанием, но затем успокоился.

- Так вот... - проговорил Радлов, допив кофе. – Неплохо было бы сейчас поработать. Ты как?

- Я – против, – поспешно отозвался Иржи. – У нас нет ни оборудования, ни справочных материалов. Поэтому лучше

погуляем. Посмотрим город, пока солнце светит. А то когда еще сюда попадешь?

Возражать Семен не стал, хотя подумал, что вряд ли получит удовольствие от бессмысленного хождения.

Они вышли на улицу. Свернули за угол, и поднявшееся над крышами светило ударило в глаза.

- Впору поверить, что лето скоро, - Радлов поднял руку, прикрывая лицо.

- Всего две недели осталось, - кивнул Иржи, и повел коллегу в сторону, противоположную той, откуда они пришли вчера.

Миновали здание, украшенное памятной доской с вывеской «Старая гимназия». Прошли бюст на столбе, изображающий деятеля, основавшего эту самую гимназию, и оказались на высоком откосе.

Он немного напоминал волжский в Нижнем, вот только река внизу была куда скромнее Оки или Волги, а склон занимали еще не покрывшиеся листьями плети винограда. Из клубившегося внизу тумана выступали кроны деревьев, похожие на кудрявые головы, видно было место слияния двух рек. А чуть выше по течению в одну из них впадала третья, самая маленькая.

- Влтава, Лаба и еще что-то, - сообщил Чапек. – Эх, красота...

- Да уж. Это те самые виноградники, что мы видели на стене в винарне? А замок где?

- Вон в той стороне, - Иржи махнул рукой на огромный собор, увенчанный часовой башней, - еще доберемся до него. Но для начала заглянем в этот костел. С обзорной площадки великолепный вид.

Подошли к собору. Проникли в низкую дверь. На лестнице Чапек согнулся, чтобы не врезаться головой в потолок. Когда каменные ступени закончились и начались деревянные, он распрямился, зато запыхавшийся Семен вынужден был остановиться, чтобы перевести дух.

Перебираясь с одного отрезка лестницы на другой, двое историков обогнули колокол размером с автомобиль. Оставили внизу несколько его меньших собратьев, и когда ноги Радлова начали дрожать, а сердце – захлебываться, вступили на обзорную площадку.

Несколько минут он приходил в себя, и только потом смог оценить открывшиеся взгляду красоты.

Место слияния трех рек отсюда было видно куда лучше. Справа блестели под солнцем красные крыши замка, центральный двор казался пятном из серой брусчатки. На восток тянулись городские улочки, на окраине поднимались дома современной застройки.

- И ради этого ты меня сюда тащил? – поинтересовался Семен. – Благодарю, но я думал, что здесь что-то особенное...

- А что не так? Все туристы сюда залезают, - Иржи немного смутился.

- Я не турист, вот в чем дело.

- Если не нравится высота, пойдем, заберемся под землю.

Спуск с башни дался много легче подъема, правда к его окончанию у Радлова начала кружиться голова. Перестала, когда выбрался на улицу, где было много теплее, чем за толстыми каменными стенами.

Двое историков зашагали вдоль стены собора, огибая его по часовой стрелке. Прошли главный вход, запертый на замок. Иржи переговорил со скучавшей у очередной двери бабушкой в темном платье, и они вступили внутрь, на лестницу, ведущую на этот раз вниз.

В небольшом помещении царил лютый, свирепый холод, заглянувший откуда-нибудь из зимней Сибири и возжелавший остаться. А вдоль стен громадными валами лежали человеческие кости – берцовые, реберные. Кое-где торчали черепа, серые и гладкие, точно мячи.

- Мельницкая костница, - проговорил Чапек, нервно поводя плечами. – Она меньше, чем та, что у Кутной Горы, да и известна куда меньше. Но если там я чувствую себя спокойно, то тут мне не по себе.

Дневной свет пробивался через окно у потолка, в углах горели лампы, но все равно создавалось впечатление, что вокруг тьма. Черепа в массе костей лежали не просто так, с одной стороны они образовывали исполинское сердце, с другой – складывались в надпись на латыни «Смерть правит миром».

- Да уж, жутко, - Семен с трепетом услышал, как зашуршало эхо. - А еще – холодно. Пока не замерзли...

- ...нужно отсюда уйти и выпить по стаканчику вина, - закончил фразу Чапек. - Целиком с тобой согласен.

Наверху Радлов с наслаждением подставил лицо солнечным лучам. Замерзшие руки начали отогреваться, а сумрачное впечатление, оставшееся от визита в костницу, понемногу рассеиваться.

Через сводчатый проход вошли в пределы замка. Пересекли двор, где туристы откуда-то из южной Европы слушали гида.

- Нам сюда, - и Иржи первым шагнул под алую вывеску с надписью «Винный погребок «Лобковиц».

В просторном зале с низким сводчатым потолком они провели несколько часов. В меню обнаружилось не меньше дюжины разновидностей местного вина. Попробовали все, начиная от молочно-белого и заканчивая черным и горьковатым, как кофе, с привкусом перезрелой сливы.

К концу дегустации Семен обнаружил, что соображает вроде неплохо, но на ногах держится не совсем твердо.

- Пять баллов, - заплетающимся языком сообщил Иржи подошедшему официанту, и завел с ним разговор на чешском.

Судя по мрачному лицу сотрудника погребка, речь зашла о чем-то не самом приятном. Отвечал он резко и отрывисто, без малейших признаков дружелюбия, в один момент даже

сжал кулаки. Но закончилось все, к удивлению Радлова, спокойно. Их даже проводили до выхода.

- Позволь узнать, о чем вы беседовали? – поинтересовался Семен, когда историки вышли за пределы замка.

- О том, что сейчас мы платить не будем.

- Да?

- Нельзя было светить мою кредитную карточку, - сообщил Иржи. – Но я договорился, что платеж будет отсрочен на неделю.

- Каким образом?

- Не важно.

Они прошли мимо еще одной группы только подходивших к собору туристов, и вернулись к пансиону. Сразу бросился в глаза большой темно-зеленый вездеход «Хонда-Мартин», стоявший у самого входа.

- Хорошая машина, - заметил Чапек. – Вот поднакоплю денег и куплю такую же, только поновее. А номера, смотри, пражские.

Девушка за стойкой что-то затараторила, едва увидев постояльцев. А сидевший за одним из столов крепкий молодой человек с короткими темными волосами поднялся и сказал:

- Добрый день, господа. Именно вас я и жду.

- Нас? – недоверчиво поинтересовался Чапек, а Семен принялся озираться. От мысли, что их все-таки нашли, по спине побежал холодок, словно в костнице.

- Да, я из курьерского агентства «Вальдштейн». Сегодня

утром был получен заказ на то, чтобы забрать двоих постояльцев пансиона «У пяти веселых монахов», живущих тут со вчерашнего дня. А потом доставить их и вещи в Раковник.

- Вещи? – словно эхо, откликнулся Радлов.

- Именно так, - кивнул молодой человек. – Заказ оформил в девять утра пан Мирослав Глум, а вещи я получил час назад на Вацлаваке от очень высокого лысого мужчины с родинкой на щеке.

- Ага, все в порядке, - кивнул Иржи. – Мы едем с вами. Только заглянем на минутку в номер.

- Тогда я жду в машине. Она стоит у входа, - и молодой человек вышел.

- Кто такой этот Глум? И кто отдавал вещи? – спросил Семен, когда они вступили на лестницу.

- Мирослав – сосед Купалова по дому и старый его приятель. А твои шмотки из «Красной розы» забрал еще кто-то из знакомых нашего шефа. Тот сделал все, чтобы нас не выследили. Одно непонятно – почему Раковник? Что мы забыли в этом крохотном городишке?

В номер зашли на несколько мгновений. Радлов взял лежавшие на тумбочке папки, и историки двинулись обратно. Внизу, в кафе, столкнулись с хозяйкой.

- Уезжаете? – осведомилась пани Ганна.

- Так точно, - почти по-военному отрапортовал Чапек. – Спасибо, что не дали нам пропасть.

- Ладно уж, - на властном лице хозяйки появилась улыбка.

ка. – Братишка знает, что я всегда помогу ему в проказах. Сам на седьмой десяток перевалил, а все балуется, словно малыш. Удачи вам.

- Благодарю. И вам тоже, - и Семен за Иржи вышел из пансиона.

Двигатель «Хонды» заработал, разом поднялись обе задние дверцы, изогнутые, точно крылья летучей мыши.

- Садитесь, - крикнул изнутри курьер. – Багаж там, на сидении.

Чапек занял место слева, Семен – справа. Взял в руки чемодан из серого тевлара, тот самый, что оставил в гостинице. Помимо вещей, внутри обнаружился блок памяти и белый конверт. Развернув его, Радлов вытащил листок бумаги, исписанный красивым, аккуратным почерком.

- Ого, записка, - сказал Иржи. – Похоже, от шефа. Он из поколения, еще не забывшего, что такое – писать от руки. Ну-ка, прочти.

«Привет, коллеги! – гласило послание. – Надеюсь, что к тому времени, когда сия эпистола дойдет до вас, вы будете еще живы. Ха-ха! Я позаботился, чтобы АСИ и прочие не нашли даже ваших следов. Курьер отвезет вас в Раковник. Там отправляйтесь к ратуше и ждите. За вами приедут. В блоке памяти – материалы по архиву Михнова дворца. В том месте, где вы окажетесь к вечеру, будут все условия, чтобы плодотворно поработать. До скорой встречи!».

Вместо подписи стояла одна-единственная буква «К».

- Теперь я спокоен, - заявил Чапек, откидываясь на спинку сиденья. – Шефу доверяю на сто с лишним процентов.

- Э, ну-ну, - только и сказал Семен.

«Хонда» меж тем выехала за пределы Мельника. Мелькнул на горизонте откос с торчавшей над ним башней собора, и пропал из виду. Потянулась узкая дорога, заросшие лесом обочины.

- Сколько нам ехать? – поинтересовался Радлов.

- Восемьдесят километров, - отозвался курьер, прибавляя скорости. – Это мигом, заскучать не успеете.

Судя по всему, их осознанно везли обходным путем. Дорога петляла меж покрытых ельниками и сосняками холмов. Встречные машины – в основном тяжелые грузовики, с рокотом проносились мимо. Иржи дремал, Семен глядел в окно.

Раковник показался через сорок минут. Сначала на западе стала видна гора с поднимавшейся над ней коммуникационной вышкой. Затем открылось прилепившееся к подножию горы селение.

- Где вас высадить? – спросил курьер.

- Э... где-нибудь не на окраине, - ответил Радлов и толкнул Чапека в плечо.

- Что? Где? – тот открыл мутные глаза и принялся с кряхтением потягиваться.

- Приехали.

Из «Хонды» выбрались у небольшого кафе, вывеска ко-

торого сообщала, что тут можно отведать пиво «Клаштер». Курьер махнул рукой. Автомобиль развернулся и укатил обратно.

- Ну что, где тут ратуша? – огляделся Семен.

- Должна быть в центре города. Хотя я тут первый раз, так что ориентируюсь не лучше тебя. Так, минутку, - Иржи повернулся к проходившему мимо горожанину в свитере с чешским гербом и о чем-то его спросил. Обитатель Раковника улыбнулся и показал куда-то себе за спину. – Декую. Все ясно, нам вон туда. Как гласит русская пословица – язык до хрена доведет...

- В смысле? – Радлов несколько опешил.

- Ну, ведь у вас едят говяжий язык с хреном? Вот я и говорю...

Ратушу, построенную в виде кривого цилиндра с множеством дырок – окон, нашли быстро. Только рядом с ней не обнаружилось никого, кто держал бы табличку с надписью «Чапек и Радлов».

- Что будем делать? – Семен повертел головой.

- Ждать, - Иржи пожал плечами. – Надеюсь, что тот, кто явится за нами, знает меня.

Не успел Радлов ответить, как у тротуара затормозила машина – старый джип цвета осенней грязи. Из него выглянула рыжеволосая женщина с резкими чертами лица, и почти сердито скомандовала:

- А ну по коням! Нечего тут торчать, словно комарам на

плеши!

- Э, что? – Иржи не поверил собственным ушам. – Вы за нами?

- Конечно, - женщина смерила его презрительным взглядом. – Ты тупее, чем я думала. А ну залезайте...

Изнутри джип выглядел так, будто в нем чаще перевозили грузы, чем пассажиров. Дверцы и даже потолок покрывали царапины, на сиденьях чернели пятна неизвестного происхождения. Над панелью управления болтался мохнатый медведь размером с кулак, пахло в салоне сырым мясом.

- Я – Яна Грубе, - представилась женщина, разворачивая машину так лихо, что Радлов едва не стукнулся головой о стекло. – Ты, длинный, Иржи, а ты, тощий – Семен. Верно?

- Еще бы, - отозвался Чапек. – Куда мы хоть едем?

- В Кршивоклат. Пан Купалов попросил укрыть вас на недельку, ну а я не смогла отказать.

- Кршивоклат? Что это? – спросил Радлов.

- Замок-музей, - ответила Яна. – А я там вот уже восемь лет директор, - она повернулась к пассажирам и улыбнулась.

Семен подумал, что их спутница для начальника выглядит слишком молодой и красивой. Вряд ли пани Грубе заменяла четвертый десяток, а если сделала это, то без ущерба для внешности.

Она казалась стройной, точно восемнадцатилетняя спортсменка. Черты лица были правильными, кожа – гладкой, а рыжие волосы блестели, как медная проволока. Тем-

ные глаза смотрели дерзко, на тонких губах застыла усмешка.

- Что уставился? – интерес Радлова к зеркалу заднего вида не остался незамеченным. – Или я понравилась?

- Э... хм... - Семен не почувствовал обычного смущения, просто немного растерялся от не свойственной женщинам прямоты собеседницы. – В общем, да.

- Будем считать, что это был комплимент.

Иржи выразительно хмыкнул, но промолчал.

Джип выехал за пределы Раковника и довольно быстро свернул с широкой трассы на узкую дорогу. Под колесами стали попадаться выбоины, порой большие, как воронки от снарядов. Машину начало качать и подбрасывать.

- Пристегнитесь, - велела Яна. – Места у нас дикие, а хорошая трасса, по которой возят туристов, идет со стороны Бероуна. Об этой же вспомнят лет через десять, и то лишь в том случае, если тут кто-то угробится.

Дорога, извилистая, как мысль интригана, петляла по узкому ущелью. Ее изгибы повторяла бурная речушка шириной едва в пару метров. По сторонам вздымались обрывистые холмы, раскачивались под ветром растущие на их вершках деревья, блестела мокрая глина на склонах.

В вышине плыли белые, как взбитые сливки, облака.

- Помню, был я в Кршивоклате, - заметил Чапек. – Давно, правда. Лет эдак десять назад. Там какая-то конференция проводилась и меня, тогда еще аспиранта, на нее отправили.

- Странно, - Яна глянула на него с сомнением. – У нас редко уделяют внимание недавнему прошлому. Все больше средним векам.

- Что было, то было. Мой доклад назывался – «Движение Сопротивления в Чехии и его экономические аспекты». Брр, ужас...

Джип с ревом вписался в поворот, справа мелькнула довольно глубокая пропасть. Но Семен испугаться не успел. Внимание привлёк открывшийся впереди холм и башня на его вершине – толстая и белая, с красной конической крышей.

Рядом с ней виднелись другие, более низкие, а основание строения укрывала густая зелень.

- Вот он. Прибыли, - в голосе Яны появились теплые нотки. – Для начала заедем в магазин. Надо купить еды и зубную щетку для эксперта по Сопротивлению. Какую предпочитаете?

- «Рефлекс», - ответил Иржи с улыбкой. – Если можно, то еще бритву какую-нибудь, а то мы были вынуждены удрать из Праги несколько поспешно. А бритым я выгляжу лучше.

- Ты себе льстишь.

Через несколько минут проехали указатель с надписью «Кршивоклат» и очутились в поселке, вытянутом вдоль единственной улицы. Миновали железнодорожную станцию размером с сарай, оставили позади мост над рекой, и Яна затормозила у обычного жилого дома, над которым горел си-

ним баннер «Супермаркет».

- Я быстро, - сказала она.

- Знойная женщина, - проговорил Иржи, когда хозяйка джипа захлопнула за собой дверцу.

- Это точно, - вздохнул Семен, глядя, как Яна идет к дверям магазина.

Двигалась она легко и быстро, а уж ягодицы под обтягивающими джинсами были как два туго накачанных мяча.

Просидели в машине не больше пяти минут. Яна вынесла из магазина два пакета, большой и маленький. Первый запихнула в багажник, второй швырнула Чапеку на колени.

- Потом разберешься, что внутри, - сказала она, усаживаясь на место. – Вроде бы ничего не забыла.

Яна развернулась, гневно бибикнув на выбравшийся из-за поворота трактор. Тот послушно остановился и пропустил джип. Хозяйка замка проехала с полсотни метров в обратном направлении, а затем свернула на уходящую резко вверх дорогу. Через два крутых поворота Кршивоклат открылся во всей красе – серая зубчатая стена, и над ней нагромождение башен.

- Вот мы и дома, - Яна проехала мимо пристроенного к стене здания и остановила машину у квадратной башни, в которой темнел сводчатый проезд. – Добро пожаловать, бесценные гости.

Семен вылез из машины, уловил запах камня, ощутил прикосновение ветра, тут, на вершине холма, особенно силь-

ного. Иржи выбрался из джипа, кряхтя, как древний старик.

- Пойдем, покажу свои владения, - предложила Яна, вытаскивая из багажника мешки и сумки. – Туристический сезон открылся с первого числа, но гостей пока маловато. Оно, честно говоря, и к лучшему.

Вошли в проезд, достаточно широкий, чтобы проехала машина. Семен засмотрелся на высокие своды, украшенные крестовыми арками. Но не успел разглядеть как следует. Проезд закончился, они оказались в длинном треугольном дворе, со всех сторон окруженном стенами разной высоты.

Тут росли деревья – раскидистые старые платаны с серой морщинистой корой. Под сенью одного виднелся чугунный бассейн, рядом с ним торчала остроконечная стела. Под стеной напротив въезда располагалось небольшое кафе – блестела витрина, над столиками желтели зонтики с надписью «Гамбринус». Справа от него начиналась лестница, ведущая в сувенирную лавку.

В самом дальнем углу, у подножия квадратной серой башни, располагался сарай, какой обычно возводят рабочие на стройках. Около него стояли несколько лопат и лежали носилки.

- Это Нижний двор, - сообщила Яна. – Налево от вас, - она показала в сторону мрачного здания, - бывшее гетманство, что-то вроде сельской администрации. Там я вас и поселю. Дальше бургграфство, в нем музей пыточных принадлежностей. Еще дальше - Гудерка. Это вон та башня. За ней боль-

верк, бывший вассальный дом.

- А это что? – Чапек указал направо, где возвышалась сложенная из белого камня стена, а в ней темнел еще один проезд, закрытый металлической решеткой.

- Верхний двор и Королевский дворец. Ну а за ними – Высокая башня, та самая, какую так любят туристы и фотографы.

- Э... их можно понять, - заметил Семен.

- Коллекции музея покажу потом, если захотите, - Яна поздоровалась с вышедшим из здания гетманства пожилым мужчиной. – Там десятки охотничьих ружей, патронташей, пороховниц и прочей требухи. Картины, скульптуры. Ну и библиотека Фюрстенбергов, само собой.

- Набор стандартный. Как в любом другом чешском замке, - Иржи покачал головой.

- Возможно, - Яна нахмурилась. – Ждите тут, я на минутку загляну к себе, а затем вас провожу.

Стремительным шагом она подошла к проходу в Верхний двор. Забрэнчали ключи, решетка с лязгом отошла. Яна закрыла ее с другой стороны, погрозила пальцем и исчезла.

- А мне вот интересно, откуда именно свалился и разбил себе голову Эдвард Келли? – и Чапек задумчиво почесал нос.

- Это какой? Знаменитый алхимик и фальшивомонетчик?

- Он самый. Погиб во время попытки к бегству. А в Крши-воклат его засадил император Рудольф после того, как Келли в очередной раз не смог доказать, что умеет превращать

свинец в золото.

Через главный въезд во двор вошли двое туристов – высокий плотный мужчина с фотоаппаратом в руке и светловолосая девушка. Завидев кафе, мужчина устремился в его сторону. Но девушка поймала спутника за локоть и потащила в ту сторону, где рядом с сараем виделась лестница, ведущая на стену.

Когда проходили мимо, Семен уловил, что говорят по-русски.

Решетка вновь задрезжалась, из-за нее появилась Яна, уже без сумки и пакетов в руках.

- Не заскучили? – поинтересовалась она, откидывая со лба прядь рыжих волос.

- Э... нет, - без особой уверенности проговорил Семен.

- Ну и отлично, - душевное состояние незваных гостей мало интересовало хозяйку замка. – Идите за мной. Покажу вам комнаты. Иногда к нам приезжают исследователи из разных стран. Те, кто занимается историей охоты, архитектуры или гуситскими войнами. Ясное дело, что в поселке хватает гостиниц, но иногда селим кое-кого прямо в замке...

В здание гетманства они проникли через деревянную и жутко скрипучую дверь. Повернули налево, на узкую и очень крутую лестницу.

- На первом этаже администрация замка и лаборатории, - поднимаясь, Яна продолжала рассказывать. – А на втором мы оборудовали что-то вроде мини-отеля. На ужин сегодня

я приглашаю к себе, потом будете питаться в кафе. Я скажу, чтобы вас кормили бесплатно.

- Благодарю, - ответил Семен, с трудом переползая с одной высокой ступеньки на другую.

- Не стоит, - она махнула рукой. – Ага, пришли...

С помощью лестницы они словно перенеслись века эдак из шестнадцатого в двадцать первый. На втором этаже обнаружился коридор, чьи стены были обклеены яркими обоями.

Дверь привела в большой номер на одного человека.

Тут имелась даже гостиная с диваном и деревянным столом, а также крохотная кухня с глыбой бактериального холодильника в углу. Из окна открывался вид на заросший лесом склон ущелья. Внизу можно было разглядеть ведущую в замок дорогу, а ниже – крыши поселка.

- Это для вас, пан Семен, - Яна повела рукой. – А в следующем, точно таком же, мы поселим пана Иржи.

- Э... позвольте, - только и смог промямлить Радлов. – Но это слишком роскошно!

- Ничего, привыкнете. Хотя в южном крыле верхнего замка есть тюрьма времен ранних Ягеллонов. Могу переселить вас туда.

- Но чем мы обязаны такому? Ведь можно было разместить нас и проще, - вмешался Чапек.

- Считайте, что вы мне понравились. Особенно ваш приятель, - и Яна подмигнула опешившему Семену. – Ладно, пойдемте, открою и вторую комнату. У нас все по старинке,

ключами. Без всяких новомодных систем опознавания...

Она вывела ухмылявшегося Иржи в коридор. Радлов остался в комнате наедине с собственным удивлением.

Случаи, когда женщины признавались в том, что он им симпатичен, случались в жизни историка из Нижнего Новгорода крайне редко. Если честно, то один раз, еще на первом курсе университета. Кроме того, он не ждал такого от директора замка-музея. И поэтому в данный момент Семен пребывал в состоянии легкого ошеломления.

На несколько минут он просто-напросто впал в ступор. Потом встряхнул головой, бросил чемодан на диван и отправился в душ.

Что бы ни случилось, мыться все равно надо.

8.1

17 мая 2035 года

Прага

- Что значит, не можете найти? – спросил Ашугов настолько холодно, что у стоявшего перед ним майора Леопольда, начальника информационного департамента отделения АСИ в Праге, затряслись колени.

- Ну... хм... - произнес он, - у обоих никаких информационных следов со вчерашнего дня. Объекты «Сказочник» и «Карлик-Нос» исчезли после нападения на Институт Второй Мировой. А последний раз мы их фиксировали на камерах около самого института, где они садились в машину «Санта-Клауса». Оттуда отправились в Даблицкий лес. «Санта-Клаус» вернулся в институт один. И все...

- Что за ерунда? – Ашугов с трудом взял себя в руки. – Их что, убили там и зарыли рядом с громилами?

- Потихе, коллега, - сказал полковник Раух, начальник пражского отделения, в кабинете у которого они и сидели.

Формально он был равен гостю по чину, но хорошо знал, что тот обладает связями в директорате АСИ, расположенном в Мадриде. Слышал, что Ашугов находится в кругу особо доверенных персон самого директора, Зигмунда фон

Фальке, видел документы, по которым визитер из России получал чрезвычайные полномочия. Поэтому старался на него не давить и по возможности помогать.

Но сейчас унижали его подчиненного, и Раух не смог промолчать.

- Потихе? – Ашугов метнул на начальника пражского отделения злобный взгляд. – Мы упускаем то, ради чего я и прилетел сюда, и я должен вести себя потихе? Эти два парня утащили с собой самую ценную часть архива, поставили под угрозу операцию, - он вновь поглядел на майора. – Значит, так. С сего момента все аналитические ресурсы вы бросаете на поиск «Карлика-Носа» и «Сказочника». Через несколько часов я добуду приказ о переподчинении мне информационных департаментов в Брно и Вене.

- Но мы даже не знаем, с чего начать? – развел руками Леопольд.

- О, это проще простого, - Ашугов пригладил волосы. – Они либо ушли из Даблицкого леса пешком, либо их увезли. В первом случае вам необходимо отсмотреть данные с камер, расположенных на дорогах вокруг леса. Во втором... взломайте базы пражской полиции и узнайте, какими путями разъезжались патрульные машины. Маршрутные листы никто ведь не отменял? И вообще, почему я должен за вас думать...

- Я понял... да, - дрожащим голосом ответил майор, привыкший выполнять пусть даже сложные, но более-менее

стандартные задачи. – Разрешите приступить?

- Разрешаю, - кивнул Ашугов. – Так на чем мы остановились, коллега?

- Я объявил вам шах.

- Славно, славно...

Леопольд бочком выбрался из кабинета, а полковники склонились над старинной шахматной доской. Белые на ней изображали армию имперского полководца Вальдштейна, черные – шведского короля Густава-Адольфа, в семнадцатом веке слегка пограбившего Прагу.

18 мая 2035 года

Кршивоклат

Разбудило Семена шевеление в его собственном животе – верный признак, что вчерашний ужин удался.

Спорить с этим не стал бы даже завзятый обжора. Яна постаралась, приготовив несколько отменных блюд из дичи. А к нему предложила гостям хорошее французское вино. Радлов попробовал паштет из гусиной печени, заливное из бобрового хвоста и косулий бок с черносливом. Вчера, орудуя ножом и вилкой, Семен победил в сражении с собственным организмом.

И сейчас тот собрался взять реванш.

- О, нет... - сползти с кровати стоило некоторого труда, но зато в туалет помчался очень резво.

Вышел оттуда посвежевшим и полегчавшим. Только успел одеться, как в дверь постучали.

- Эй, ты проснулся? – донесся из коридора голос Чапека.

- Да, - Радлов открыл дверь. – Заходи.

- Лучше пойдем, позавтракаем, - Иржи внимательнееглянул на лицо коллеги. – Или хотя бы выпьем по чашке кофе.

- Вряд ли я на это способен, - слабым голосом сообщил

Семен.

Он оделся, и историки спустились во двор. Мимо чуждого бассейна-фонтана прошли в сторону кафе. Внутри их поприветствовала барменша – солидных габаритов дама, благодаря светлым кудрявым волосам похожая на болонку.

Через пять минут Радлов получил большую чашку кофе, а Чапек – бокал пива и тарелку с горячими бутербродами.

- Ну что, какой план на день? – поинтересовался чех, расправившись с первым из них.

- Работать, работать и работать. Компак у нас один на двоих, - вчера Яна выдала гостям «Яхоо», изготовленный чуть ли не пять лет назад, но вполне работоспособный, - так что перебирайся ко мне. Глянем, что Купалов прислал, и попробуем разобраться до конца с документами в спасенных мной папках...

- Спасенных, - проворчал Иржи. – Украденных, если честно признаться. Но сам план – пять баллов. Погоди только, дожую...

От бутербродов остались крошки и запах расплавленного сыра. Чашка и бокал опустели. Двое историков поднялись из-за стола и зашагали обратно к зданию гетманства. У двери комнаты Семен немного помедлил, по привычке выискивая сканер блока опознавания.

Только затем полез в карман, за металлическим ключом. Запущенный «Яхоо» загрузился с мучительной неторопливостью, виртуальный экран показался тусклым. Когда же в

специальный паз вставили блок памяти, «мозги» крохотного приборчика и вовсе на какое-то время впали в ступор.

- Давай же! – Иржи нетерпеливо хлопнул по корпусу цветка красного дерева. – Ага, вот, пошло. Здесь словарь, а вот материалы, над которыми я трудился... Эх, ассистентов не хватает.

- Придется обходиться без них, - заключил Радлов, и работа закипела.

Для начала скопировали всю информацию в память компака и закрыли ее паролем. Затем Семен еще раз просмотрел документы, обработанные вчера, и убедился, что нигде не ошибся. Иржи в то же самое время разобрал остальные бумаги из спасенных папок.

- Вот, смотри, - проговорил он, шурша пожелтевшими листками. – Подробная инструкция по изготовлению блуттера.

- Да? Дай посмотреть.

Инструкция была написана с маниакальной немецкой дошностью и занимала четыре страницы. Начиналась она с перечисления необходимых для создания прибора материалов, а заканчивалась правилами эксплуатации готового изделия.

- Занятно, - проговорил Радлов. – Построить его не так уж и трудно. Давай-ка переведем ее.

- Только не говори, что ты хочешь создать пару экземпляров и проверить чистоту крови у себя и у меня, - Чапек скеп-

тически поднял одну бровь.

- Почему бы и нет?

С переводом провозились несколько часов. Простого словаря не хватило, пришлось войти в Сеть и подгрузить технический. В этот момент Семена атаковало искушение заглянуть в собственный почтовый ящик, проверить, что творится на форумах и вообще в мире.

Но он справился с собой на удивление быстро.

- Готово, - проговорил Иржи, когда работа оказалась завершена. – Что у нас на очереди?

- Вот это, - Радлов открыл вторую папку. – Что-то вроде краткого курса расоведения для нацистских врачей. Чепуха, конечно, но переводить придется. Для полноты картины, так сказать.

Последующий час провели по горло в бредовых расистских теориях. Увлеклись и не заметили, как дверь номера открылась и внутрь шагнула Яна.

- Что, заработались? – от прозвучавшего над самым ухом вопроса Семен вздрогнул.

- Так вот... да, - сказал он.

- Тогда не буду мешать, - в голосе женщины прозвучала досада.

- Ты нам не мешаешь, - галантно возразил Чапек. – Чем вообще обязаны?

- Хотела пригласить вас на охоту. Нам выдали лицензию на медведя. Отправляемся через час.

- Я бы съездил... - сказал Семен, чувствуя, что от долгого сидения в неудобной позе ноет спина.

- Почему бы и нет? – пожал плечами Иржи. – А то у меня в голове все спуталось. Арийцы, динарская раса, альпийская, метисы, пагаты, базиаты, черепной и лицевой индексы, шкала цвета волос...

- Отлично, - Яна окинула историков взглядом и закусила губу. – Только одна проблема, в такой одежде в лесу делать нечего.

- Э... но у нас больше ничего нет.

- Тебе, Семен, я кое-чего подберу. Из вещей бывшего мужа. А для тебя... придется искать. Ладно, сворачивайте свой исследовательский центр. Время дорого.

Радлов сохранил результаты и выключил компак, Чапек аккуратно сложил в папку документы. Когда вышли во двор, выяснилось, что ясное с утра небо затянули сизые тучи, а ветер из бодрящего стал холодным.

Вслед за Яной миновали решетку. В Верхнем дворе свернули направо, в сторону белой четырехугольной башни, где на верхнем этаже располагалась квартира директора.

- Ждите тут, - велела хозяйка Кршивоклата, когда они вошли в гостиную, где ужинали вчера.

На стенах тут висели шкуры – две лисьи, кабанья и волчья. Меж них диковинкой казался громадный телевизор последней модели. Угол занимал шкаф, забитый книгами. Они теснились за стеклом, как пассажиры автобуса в час пик, бле-

стели корешки.

- Вот это подойдет, - вернулась Яна очень быстро, принесла заляпанные грязью сапоги и сверток чего-то темно-зеленого. – Томаш был примерно твоего роста...

- А что с ним случилось? – любопытствовал Семен, изучая штаны и куртку из плотной непромокаемой ткани.

- Погиб три года назад. Ружье отказало. Кабан не оставил ему шансов.

- Э... Мне очень жаль...

- Ерунда, - вопреки словам, лицо женщины на миг померцало, обозначились крохотные морщинки у глаз. – Я отомстила. Следующей же зимой отыскала того кабана и убила. И никто из егерей не посмел обвинить меня в браконьерстве. Так, ты переодевайся. А для тебя... - она оценивающе посмотрела на Иржи. – Пан Йозеф, наш бухгалтер, последний год не ходит на охоту, ревматизм одолел, а вот снаряжение у него осталось... Я мигом.

Хлопнув дверью, Яна вышла.

Чувствуя себя крайне неловко, Семен снял костюм. Надел штаны, засунул руки в рукава. Те сами затянулись вокруг запястий, а талия чуть подседа под габариты нового владельца.

- Неплохо, - заявил Иржи, когда Радлов застегнул куртку и нацепил легкие, на удивление теплые сапоги. – Только вот берета с перышком не хватает.

- Да? Ты так думаешь?

- Шучу-шучу. И так хорошо...

Очередь Семена посмеяться наступила, когда Яна принесла еще один комплект охотничьей одежды. Судя по нему, пан Йозеф, бухгалтер, был мужчиной не только высоким, а еще крайне толстым. Куртка его болталась на пражском историке, как мешок на швабре, а штаны больше напоминали запорожские шаровары.

- Если медведь тебя увидит – от смеха помрет, - покачал головой Радлов. – И ружей не надо. Да, кстати, а они нам положены?

- У тебя что, есть удостоверение охотника? – вопросом ответила Яна. – Вы отправляетесь со мной в качестве зрителей. Верно?

Спорить с ней стал бы только самоубийца.

Оба получили по старой бейсболке с профилем Кршивоклата над козырьком, и Яна вывела мужчин за пределы замка.

- Садитесь, - велела она, подводя их к ждавшему у стены джипу. – Нам еще до места сбора доехать надо.

В этот раз Семен пристегнулся, не дожидаясь напоминания. И довольно быстро порадовался сам за себя. Выехав за околицу поселка, Яна вырулила на грунтовую дорогу и добавила скорости. Деревья замелькали по сторонам, точно их уносила нечистая сила, под днищем загрохотало.

Затормозила хозяйка Кршивоклата так резко, что Иржи едва не расквасил нос о переднее сиденье.

- Вот он, дуб Пршемысла, - заявила она. – Говорят, что

ему больше восьмисот лет. Враки, конечно.

Дорога уходила дальше в заросли, а вправо от нее располагалась покрытая густой травой поляна. В беспорядке стояло несколько машин, сплошь вездеходы, а над ними поднималась крона исполинского дерева. Ветви толщиной с торс мужчины скрипели на ветру.

- Может, и не враки, - заметил Семен, судорожно сглатывая.

- Да какая разница. В любом случае вылезайте. Наши собрались, ждать больше некого, - и Яна первой выбралась из джипа.

Чапек и Радлов последовали ее примеру.

- О, привет, - из-за ближайшей машины вышел невысокий плотный мужик в болотных сапогах и жилетке цвета хаки поверх охотничьей куртки. - Ха, кто это с тобой?

- Мои гости, - отозвалась Яна. - Познакомься, Ганс, это Иржи и Семен. Они приехали издалека.

- Как и я, - ухмыльнулся обладатель болотных сапог. - Из самого Дрездена. У нас сейчас крупного зверя не найдешь...

Новичков представили еще нескольким охотникам, сплошь мрачным и небритым. Семен честно попытался запомнить, кого из них как зовут, но не смог - слишком похоже они выглядели. Зато его очень впечатлило ружье, что Яна вынула из багажника - длинное, блестящее, с блоком целеуказания над казенной частью.

- «Зауэр» последней модели, - похвасталась хозяйка Кр-

шивоклата. – Бьет без промаха, электронная система балансировки и опознания цели. Выстрелить в человека из него невозможно. Хочешь поддержать?

- Э... не знаю, - до сего дня оружие Радлов видел только на картинках. – А можно?

- Конечно. Все равно оно настроено на меня, и выстрелить ты не сумеешь.

Семен взял ружье осторожно, как ядовитую гадину. Ощущил, какое оно легкое, как несложно поднести его к плечу и прицелиться. И замер, пытаясь осознать, что за странное чувство охватило сердце. На мгновение показалось, что он стал выше ростом, значительно сильнее. Непонятно откуда появилось желание глянуть в лицо врагу, продемонстрировать ему, что...

Яна хихикнула, возвращая Радлова с небес на землю.

- Все вы, мужики, одинаковые, - сказала она, отбирая ружье. – Как оружие в руке – тут же возникают петушинные замашки, плечи расправляются, во взгляде появляется готовность к драке.

- Э... ну да, благодарю, - промямлил Семен.

- Не за что. Если захочешь, как-нибудь сниму блокировку и научу стрелять.

- Яна! Пошли-пошли! - донесся голос Ганса. – Опаздывать нехорошо даже к медведю.

- Так, вы оба – держитесь около меня, - хозяйка Кршивоклата стала серьезной. Охотники выстроились цепочкой

и зашагали в лес. Чапек и Радлов попали в серединку, между Яной и одним из хмурых чехов, то ли Вацлавом, то ли Владиславом.

Охота оказалась делом утомительным. Сначала долго карабкались по лесистому склону, потом зашагали вниз. В этот момент пошел дождь, в лесу стало холодно и сыро. Никто не обратил на это внимания, так что заворчавший Иржи быстро замолк. Еще через полчаса небольшая колонна остановилась.

После короткого совещания ружья со спин переключали в руки.

- Медведь близко? – шепотом осведомился Семен.

- Точно. Ты чуть не встал в его какашки, - отозвалась Яна, снимая оружие с предохранителя. – А сейчас тихо!

Семен в изумлении уставился на вонючую лепешку, а охотники стали расходиться, обхватывая с боков что-то видимое только им. Яна и ее гости продвинулись на несколько шагов и засели за большим выворотнем.

- Вон он... - хозяйка Кршивоклата осторожно показала вперед, где меж деревьев заметно было нечто бурое. – Здоровый какой. Если побежит на нас, тогда придется несладко, а так все должно быть...

Договорить она не успела. Слева в чаще хлопнуло, еще раз. Прозвучал обиженный рев, что-то затрещало, будто столкнулись два дерева. Рык, полный боли, послышался еще раз, и все стихло.

- Готово, - сказала Яна.

- И это все? Ради этого мы били ноги по лесу? – недоверчиво спросил Иржи. – Я-то думал...

- Что мы ринемся на зверя с ножами и заколем его, верно? – она хмыкнула. – Нет уж, спасибо.

Вблизи медведь оказался на диво огромен – двухметровая туша, оскаленная пасть со здоровенными клыками. Охотники деловито обмерили его, даже взвесили с помощью неконтактных весов, сфотографировали. А потом засверкали ножи, затрещала вспоротая шкура, и воздух наполнился запахом свежей крови.

Семен сначала подумал, что позорным образом упадет в обморок. Но ничего, выдержал. Зверя деловито освежевали, разрезали на куски и рассовали по мешкам с лямками.

- Держи, это тебе, - сообщила Яна, протягивая один из них Радлову. – Повесишь на спину и понесешь...

В первый момент груз показался не очень тяжелым. Мнение по этому поводу Семен переменял где-то через час. До джипа добрел, сипя и еле держась на ногах.

- Славно поохотились. Очень неплохо... - бормотала Яна, запихивая медвежье мясо в багажник. – А ну забирайтесь, поедем отогреться и отмыться. Эй, Ганс, Владислав, счастливо!

Обратно доехали с рекордной скоростью. Не успел Семен задремать, как машина затормозила у въезда в замок. Пришлось занести добычу к Яне, забрать собственный костюм и

тащиться обратно через два двора...

Немного пришел в себя только под душем. Отмывшись, вернулся в комнату и полез в чемодан за чистым бельем. Когда вынимал его, зацепил и вытащил наружу небольшую поясную сумку. Она свалилась на пол, внутри негромко брякнуло.

- Позвольте? – Радлов замер, пытаясь вспомнить, откуда у него взялась эта вещь. Из России он ничего подобного не привозил. Нагнувшись, расстегнул застежку и вынул медицинскую ампулу.

Внутри плескалась черная жидкость, в ней сверкали золотистые крапинки.

- Э... так вот. Это мы нашли в Шаунберге... в подземелье, где стояли койки, очень много коек. Как я мог забыть? Так что это такое?

Догадка ударила с силой вакуумного молота. Семен даже покачнулся.

У него в руке, скорее всего, была сыворотка. Изготовленное девяносто лет назад вещество, способное превратить человека в сверхчеловека. Одна из последних, если вообще не единственная уцелевшая порция. Объект вожделения АСИ, вещь невероятной ценности.

Рука задрожала. Радлов облизал пересохшие губы, аккуратно положил ампулу на стол и, как был, голым, уселся на диван.

- И что мне с ней делать? – разобраться в заполнившем

голову фейерверке мыслей смог только через несколько минут. – Уничтожить, чтобы никто не попытался ее применить? Или...

За десятилетия, проведенные в темном подземелье, сыворотка наверняка пришла в негодность. Вряд ли она окажется столь же эффективной, как в сорок пятом. А значит, ее можно сохранить, но только так, чтобы никто больше не узнал, что имеется у историка из Нижнего Новгорода.

Семен встал, аккуратно оделся, а после этого спрятал ампулу в один из внутренних кармашков чемодана.

- Утро вечера мудренее, - сказал он, - потом решу, что с ней делать. Главное, чтобы Иржи не вспомнил...

И, словно в ответ на его слова, из-за стены, из номера Чапека прозвучал дикий крик:

- Нееет! Не может быть!

Не задумавшись ни на секунду, Радлов бросился к двери. Выскочил в коридор. У Иржи, к счастью, оказалось не заперто. Ворвавшись внутрь, застал коллегу замершим у телевизора.

Лицо чеха было белым, губы тряслись.

- Что такое? Что случилось? – Семен поспешно оглядел комнату, но ничего опасного вроде ядовитой змеи не обнаружил.

- Вот... - Чапек поднял руку. – Смотри. Сейчас запущу повтор.

Информационная бомба лопнула под натиском программ

безопасности телесети, разлетелась радужными клочьями. Ее место на экране заняла ухоженная физиономия диктора канала Евроньюс, зазвучал холодный голос:

- Сегодня, в шесть часов тридцать минут по среднеевропейскому времени, в собственной квартире в Праге был найден мертвым заслуженный деятель науки, доктор истории, - Семен почувствовал, как покрывается гусиной кожей, - директор Института Второй Мировой Войны Радослав Купалов. Причиной гибели выдающегося ученого стал, скорее всего, неизвестный вирус, через изменение параметров экрана вызывающий спазм сосудов головного мозга. Хотя врачи не исключают и естественного инсульта...

- Нет, этого не может быть, - прошептал Радлов, шаря руками в воздухе, точно в поисках опоры. – Он умер? Случайный вирус? Инсульт? Нет, я просто не в силах поверить в это...

Купалов, несмотря на шестьдесят три года, выглядел бодрым и энергичным. Ему могли позавидовать многие из молодых. Глава Ригеровского института не имел серьезных заболеваний и мог спокойно дожить до ста.

Если бы не вирус, атаковавший через компак...

- И я сначала решил, что послышалось, а потом... - в голосе Иржи беспомощность почти затмила безнадежность.

Диктор с экрана исчез, начали показывать квартиру Купалова, просторную, хорошо обставленную. Промелькнула и исчезла заплаканная молодая женщина, слегка похожая на

директора, и в кадр попал озабоченный врач.

- Смерть могла наступить как от воздействия психорезо-нансного вируса на мозг, так и от естественных причин, - сообщил он. - Насколько нам известно, пан Купалов последние дни сильно нервничал. Нападение на его институт, исчезновение двух сотрудников - все это могло...

- Он про нас говорит, что ли? - заморгал Чапек. - Это значит, всем известно, что мы исчезли?

- Думаешь, в наше время можно скрыть что-нибудь от СМИ? - Семен потер щеку. - Ты скажи спасибо, что вокруг Кршивоклата не бегают журналисты с камерами, не суют нос во все дыры.

Врач с экрана пропал, пронеслась заставка телеканала и началась рекламная пауза, посвященная новому штамму медицинских бактерий.

- Вообще я думаю, что Купалова убили, - проговорил Радлов, борясь с желанием треснуть по чему-нибудь кулаком или закричать погромче, чтобы заглушить душевную боль. - Те, кто напал на лабораторию...

Из памяти всплыло бесстрастное лицо Ашугова, его хриплый голос: «если мы сочтем нужным, то вынуждены будем уничтожить источники потенциально опасной информации...».

- АСИ? - Чапек сел на диван, но тут же вскочил, принялся ходить из угла в угол. - О да, они могут создать какой угодно вирус, имеют возможность обойти или взломать экраны без-

опасности... Но это значит, что они попытаются убить и нас!

- Не кричи, - попросил Семен. – Да, скорее всего, так. Но пока мы тут, нас не так лег...

- Что делать? Что же делать? – обычно спокойный и уверенный в себе, Иржи вмиг утратил выдержку. В глазах его появилось затравленное выражение, движения стали суетливыми. – Бежать?

- Куда? – Радлов повернулся к коллеге, ухватил его плечи и хорошенько встряхнул. – А ну хватит паниковать! Это проще всего – дать эмоциям овладеть собой! Мне тоже противно, горько и страшно! А ну сядь!

Чапек вытаращил глаза, точно увидел говорящую лошадь, но послушно опустил на диван.

- Ладно, я постараюсь взять себя в руки... - сказал он дрожащим голосом. – Надо выйти на Матея, у него друзья по всей Европе. Он поможет выехать в Швейцарию, а оттуда мы сумеем...

Из-за неплотно прикрытой двери в коридор донесся приглушенный шум. Семен присел, готовясь отпрыгнуть при малейшей опасности. И облегченно вздохнул, когда в номер зашла Яна.

- А, вы уже знаете? – проговорила она безжизненно, поднимая руку с бутылкой коньяка «Мартель» и делая глоток прямо из горлышка.

Выглядела хозяйка Кршивоклата не сильной амазонкой, способной одолеть кабана или медведя, а скорее беспомощ-

ной девочкой. Глаза ее мокро блестели, под ними лежали тени, и даже рыжие волосы казались тусклыми.

- Да, знаем... - Семен кивнул, отгоняя желание сделать шаг вперед, обнять женщину, утешить, погладить по голове.

- Выпьем, чтобы ему земля была пухом. Где тут у вас стаканы? Или можно прямо так... - она махнула рукой, немного коньяка выплеснулось на ковер. - Я ведь училась у него... эх, как давно это было...

- Э... наверное, ты должна знать, - Радлов постарался, чтобы голос его звучал твердо. - Так вот... Мы предполагаем, что Купалова убили. Конечно, мы не можем быть уверены, но, скорее всего это так.

Яна подняла голову, горе исчезло с ее лица, во взгляде возникла подозрительность.

- Убили? - спросила она и неожиданно улыбнулась, яростно и совсем не весело. - Это как-то связано с вашим появлением у меня? Верно? А ну рассказывайте, в чем тут дело, или, клянусь всеми башнями Кршивоклата, я вышвырну вас в окно!

Семен бросил взгляд на Иржи, ожидая, что тот поможет отбиться от разгневанной фурии, но чех смущенно потупился.

- Рассказывай! - Яна сделала еще глоток и нахмурилась, так что черные брови сошлись к переносице.

- Э... не могу, - Радлов сам удивился собственной твердости. - Иначе ты тоже окажешься под ударом. Я...

- А сейчас я не под ударом? – темные глаза метнули молнии. – Я прячу вас у себя! Рискую не только местом, но и башкой! А они тут в молчанку играют?!

Вспышка закончилась так же внезапно, как и началась. Яна пошатнулась, беспомощно махнула рукой и опустилась на диван рядом с Чапеком.

- Эх, что-то плохо мне, - пробормотала она. – Неси стаканы, русский. Уж ты-то должен любить выпивку...

Семен поглядел на нее и решил не спорить. В тумбочке нашел три широких стакана, поставил на стол. Яна наклонила бутылку, и коричневая жидкость, булькая, потекла из горлышка.

- Пусть земля будет ему пухом, - сказал Иржи, обхватывая длинными пальцами один из стаканов. – Он был моим учителем... начальником, другом... он был... - и чех, будучи не в силах сдержать чувства, отвернулся.

- Пусть будет, - Семен понюхал коньяк, несколько мгновений собирался с духом, а затем глотнул. Язык и небо обожгло, что-то едкое и жгучее провалилось в горло. На мгновение перехватило дыхание, но затем в животе стало тепло.

- Ну так что, вас тоже попытаются укокошить? – смысл произнесенного Яной вопроса не сразу дошел до сознания, а когда дошел, то мигом выбил из головы весь хмель.

- Скорее всего, да, - ответил Радлов. – Как только узнают, что мы тут.

- А если обратиться в полицию?

- Вряд ли они сумеют помочь, - печально улыбнулся Чапек.

- Ну а я? – Яна заглянула Радлову прямо в глаза. – Смогу что-нибудь для вас сделать? До того, как вы попытаетесь удрать еще куда-нибудь? Ведь попытаетесь, понятное дело. Тут отсиживаться глупо...

Семен задумался. Что они втроем смогут противопоставить Агентству? Как вообще избавиться от интереса Ашугова и его соратников? Бежать туда, где власть АСИ не так велика? В Китай, Америку или в Африку. Историки на Черном Континенте всегда пригодятся – на жаркое.

А может быть, стоит ликвидировать то, из-за чего все началось? Уничтожить записи из Михнова архива, разбить ампулу. Ага, и выстрелить себе в висок из охотничьего ружья, чтобы мозги, содержащие ценную информацию, разбрызгало по стенам и потолку.

В этом случае АСИ гарантированно потеряет к ним интерес.

- У нас нет возможности им противостоять. Единственный шанс – бегство, - сказал Иржи. – Нужно позвонить моему племяннику.

- Думаешь, он еще не под колпаком? – Радлов повернулся к Яне. – Слушай, у вас в замке должна быть какая-нибудь мастерская.

- Есть, - отозвалась та несколько недоуменно. – Но зачем она? Хочешь построить самолет и улететь?

Чапек выпучил глаза, когда Семен сходил в свою комнату и вернулся с чертежом блуттера.

- Ха! – воскликнул чех. – Зачем тебе эта штука? Думаешь напугать ей тех, кто за нами гоняется?

- Потом объясню, - Радлов разложил чертеж на столе. – Это можно изготовить?

- Давай, посмотрим, - Яна отхлебнула коньяка из бутылки и потерла лоб указательным пальцем. – Дерево, кожа, металл... все это должно быть. Мастерская предназначена для реставрации всяких древностей. А вот с кристаллами может быть проблема. Горный хрусталь имеется в виду? Я правильно поняла?

- Да, он. Наверное, можно применить искусственные алмазы. Их реально купить где-нибудь в Раковнике или Бероуне?

Искусственные алмазы после открытий начала двадцатых годов стали дешевы, почти как уголь.

- Скорее, в Праге. Туда отсюда на машине полтора часа в один конец. Я могу сгонять завтра утром, если ты составишь список необходимых вещей.

- Э... легко, - Семен взял протянутый ему компакт, типично женский, похожий на веер «Самсунг». Отыскал ежедневник и принялся заполнять страничку на завтра. – Буковая доска... дубленая кожа... алюминий...

- Сами вы вряд ли держали в руках инструменты, - Яна еще раз наполнила стаканы. – Придется побеспокоить пана

Петра, нашего мастера. А сейчас выпьем за то, чтобы мечты сбывались...

Радлов только отхлебнул, а вот Иржи выпил все до последней капли.

- Эх, какой человек был... - пробормотал он, с мрачным прищуром глядя перед собой, - и твой список его не вернет! - Чапек ткнул пальцем в сторону Семена, - ничего не вернет... Эх, наливай!

Третий стакан проглотил залпом, даже не поморщился. Некоторое время посидел, осоловело моргая, а затем как-то разом осел. Веки закрылись, из приоткрывшегося рта донеслось равномерное похрапывание.

- Готов, - резюмировала Яна. - А твой список как?

- Тоже готов.

- Отлично, давай его сюда. И... может быть, пойдём к тебе? А то что-то мне так одиноко сегодня...

Сердце Радлова замерло, а потом застучало вдвое чаще. В лицо словно плеснули кипятком.

- Конечно, - сказал он, - мне тоже, честно говоря, немного не по себе...

19 мая 2035 года

Кршивоклат

Когда Семен проснулся, Яны рядом не было. Осталась только бутылка, пустая на две трети, да неприятный звон в голове – будто там заблудилась крохотная мушка. При воспоминании о том, что случилось ночью, испытал неловкость. С одной стороны, она сама предложила, а с другой – он не отказался и, значит, воспользовался тем, что женщина была пьяна и расстроена...

Морщась, Радлов поднялся и прошел в ванную, а когда вернулся, то обнаружил в номере Иржи Чапека.

- Как башка трещит, - пожаловался тот. – И с похмелья, и от горя... Так и хочется снова напиться, чтобы забыть...

- Потом голова станет болеть еще больше, - Семен потянулся было включить телевизор, но подумал, что там могут показывать новости, и от своего намерения отказался. – Ты в состоянии завтракать?

- Наверное, - Иржи охнул, схватился за живот. – Да, слушай... мне вчера показалось или ты в самом деле затеял сделать блуттер?

- Да.

- Но зачем?

- Вот, - Радлов вынул из шкафа чемодан, открыл его. Блеснула в дневном свете ампула, колыхнулись в черной жидкости золотистые крапинки. – Помнишь, мы нашли это под Шаунбергом?

- Это что? Ты думаешь... сыворотка? – лицо Чапека отразило почти суеверный ужас. – Да, вполне вероятно... И что? Собираешься проверить, арийская у тебя кровь или нет, а потом ввести эту штуку себе?

- На самом деле я еще не решил. Но это один из вариантов, что поможет нам выжить.

- Каким образом? Даже стань ты сверхчеловеком, что это изменит? – Иржи в волнении замахал руками.

- Хотя бы смогу отбиться от тех громил, что придут нас убивать, - Семен убрал ампулу обратно.

- Ты сошел с ума! Сила и быстрота были важны в средние века, а сейчас АСИ убьет тебя через Сеть, как Купалова!

- Она может попробовать это сделать. Но у меня есть выход – Сетью не пользоваться. Да, я привык к ней, но обойдусь как-нибудь. Повторить участь шефа мне не хочется, - говоря, он надевал костюм. – Что, пошли завтракать?

- погоди! – Чапек загородил выход. – Ты подумал, что могло произойти с сывороткой за годы под землей? Она имела шансы изменить состав, потерять силу или превратиться в яд! Она может запросто убить тебя.

- Это возможно. Но я хотя бы умру по собственной воле.

Да, если моя идея тебе не очень нравится, предложи свою, - Радлов устало вздохнул. - Только не заводи песню о бегстве – его оставим на крайний случай.

И он решительно зашагал к двери. Вместе вышли из номера, молча спустились во двор. Здесь обнаружили настоящее столпотворение. У въезда в Верхний двор змеилась длинная очередь, по Нижнему бегали дети, со стен доносились возбужденные крики.

- Совсем забыл, что сегодня суббота, - Чапек хлопнул себя по лбу. – Надеюсь, что места в кафе будут...

Свободный столик отыскивали с трудом, в самом углу, у стойки. Иржи взял кружку пива и горячие сосиски, а Семен – кофе и круассаны.

- Неужели тебя эта дурацкая идея про сверхлюдей в голову ударила? – проворчал под нос Чапек, когда заказ принесли. – Для диких нацистов она была актуальна. Но ведь для них телефон и ракеты были высшими достижениями прогресса. А сейчас, после третьей информационной революции, особые способности отдельной личности не стоят ничего.

- Э... совершенно верно, - Радлов прожевал круассан и принялся за второй, - но только если личность включена в глобальную информационную сеть, находится под контролем, прозрачна на сто процентов.

- Извини, но вне Сети существуют лишь дикари в джунглях да эскимосы в снегах. Все остальные просто запутаны в ней. Через кредитки, электронные метки, компаки, про-

чую требуху, без которой мы жить не можем. Любой имеет возможность влезть в базу данных твоего холодильника и узнать, что ты ешь на завтрак, или взломать базу поликлиники и украсть твою медицинскую карту...

- Трудно спорить, да я и не буду. Но если ты хочешь выжить, придется на какое-то время научиться существовать без Сети. Мы начали делать это несколько дней назад, отключив компаки, - Семен с сожалением поглядел на тарелку, где более ничего не осталось. - Так что в любом случае я сделаю то, что задумал. Если решимости хватит... - последние слова произнес едва слышно, чуть ли не шепотом.

- А, вот вы где! А я всюду ищу, - донесся от входа звучный голос Яны.

Она протиснулась через болтающую, жующую толпу, остановилась у столика и нетерпеливо осведомилась:

- Ну что, пошли?

- Куда? - нахмурился Иржи.

- В мастерскую, - хозяйка Кршивоклата посмотрела на пражского историка как на идиота. - Я с утра прокатилась до столицы, купила все, что вы просили. Одно не могу понять, для чего в списке значился медицинский иньектор?

- Э... он нужен, - проговорил Семен, чувствуя, как под недоуменным женским взглядом уши готовы заалеть, а предательская краска поползти по лицу. - Для введения кое-каких модификаторов...

Вранье родилось со скрипом, но Яна поверила или, по

крайней мере, сделала вид, что поверила.

- Идем, - сказала она. – Сегодня у пана Петра сокращенный рабочий день. Постараемся использовать его полностью. Да, и захвати чертежи. Без них, сам понимаешь, ничего не выйдет.

Они вышли из кафе, забрали из джипа несколько тяжелых ящиков. Семен сбегал в номер, захватил материалы по блуттеру, и Яна повела их в сторону здания бургграфства.

- Нас будут пытаться? – поинтересовался Чапек. – Тут же, вроде, музей этих... как их, пыточных принадлежностей...

- Точно. А в цокольном этаже – мастерская.

На старой облупившейся двери, скромно примостившейся на северо-западном торце, обнаружился новенький замок. Яна приложила указательный палец к сектору опознавания, набрала код. Заскрипели петли, открылась круто уходящая в полумрак лестница, пахнуло холодом и мышами.

Внизу прошли через еще одну дверь и очутились в просторном подвале. Дневной свет падал через крохотные оконца в левой стене, под потолком горели мощные лампы. Блики ползали по гладким стенам, лежали на стеклах многочисленных шкафов. В них, похоже, хранились все разновидности инструментов, когда-либо изобретенных людьми, от обыкновенного шила до лазерного резака...

А в центре на просторном столе высился универсальный станок – сплошь блеск металла и серая матовость коридола. Станок так же напоминал грязных, массивных предков, как

современный автомобиль на водородном топливе – лязгающее и воняющее чудище конца девятнадцатого века.

Но на этом станке можно было фрезеровать, точить, сверлить, варить и делать еще сотни разных операций, причем с такой скоростью, что и не снилась мастерам прошлого.

- Хм-хм, кто это тут? – из-за станка вышел высокий, худой старик в синем комбинезоне.

Подбородок его украшала седая бородка, волосы кудрявились вокруг похужей на купол лысины, на лице теснились морщины, а голубые глаза лучились добротой. Он напоминал художника эпохи Возрождения, неведомым образом попавшего в двадцать первый век.

- Пан Петр, это я.

- А, пани Яна, - старик заулыбался, и морщины причудливо задвигались, складываясь в новые фигуры. – Чем обязан?

Он говорил по-английски с небольшим акцентом, но не чешским, хотя ощутимо славянским.

- Словак, - шепнул Чапек прямо в ухо Радлову.

- Тут есть небольшая работа, - хозяйка Кршивоклата повернулась. – Ставьте ящики туда, к верстаку, и давайте сюда чертежи.

Историки поспешили выполнить приказ.

Пан Петр изучал схемы блуттера долго и вдумчиво. Значительно шевелил бровями, шептал что-то.

- Хм-хм, ага, - изрек он, наконец. – Это все не так трудно, хотя назначение этого... этой штуковины от меня ускольза-

ет. Зачем наносить на кристаллы вот эти крючки? - мастер небрежно ткнул в руническую надпись. – Это что-то вроде исторической реконструкции?

- Именно так, - кивнул Семен.

- Тогда садитесь, - пан Петр указал на стоявшую около двери лавку, - и ждите. Несколько часов провожусь.

- Тогда я пойду. Работа и у меня есть. А мужчины тут останутся. Верно? – Яна одарила Семена улыбкой, после чего вышла.

- Тогда за дело, - и пан Петр решительно направился к ящикам с материалами. – Так, что тут у нас... кожа... алюминий... гвозди... хм-хм...

В этот момент Семен подумал, что проведенные в подвале часы будет отчаянно бороться со скукой. Но к его удивлению, наблюдать за старым мастером оказалось интересно.

Тот, несмотря на возраст, двигался сноровисто и быстро, руки так и мелькали. При этом успевал бормотать, время от времени посмеивался. Универсальный станок жил собственной жизнью. Внутри его массивного корпуса шипело, грохотало и даже стучало. Летели желтые искры, на пол с шорохом падали щепки, куски кожи и металлическая стружка.

Когда дело дошло до обработки искусственных алмазов, пан Петр извлек из самого большого шкафа что-то похожее на микроскоп.

- Так, сейчас мы его... - и инструмент, похожий на отбойный молоток размером с зажигалку, взвизгнул, как тысяча

ведьм.

Иржи поморщился, Семен прикрыл уши руками.

- Ну вот, осталось только установить, - и старый мастер понес кристаллы к верстаку, где возникало нечто похожее на старинный чемодан – стенки, откидная крышка на петлях. – Готово, хм-хм.

- Все? – не поверил собственным ушам Чапек. – Так быстро? Пять баллов!

- Еще неизвестно, будет эта штука работать или нет, - проворчал Радлов. – Посмотрим, что там...

Снаружи блуттер выглядел обычно – блестящая черная кожа, металл застежек. Вот только на крышке имелась надпись, выполненная рунами фон Листа, а чрево закрывала гладкая черная пластина. Из ее верхней части выпирали размещенные в ряд и разбитые на пары ребристые колесики с цифрами. Всего их было шестнадцать, и каждое показывало ноль.

В середине пластины горделиво расположилась небольшая выемка с иглой в центре. Блестело острие, чернела канавка у основания иглы. В самом низу пластины располагалась большая черная кнопка.

- Ну как? – спросил пан Петр. – Годится?

- Вполне, - кивнул Семен. – Благодарю. Вы нам очень помогли.

- Всегда готов, хм-хм, - старый мастер отвесил шутливый поклон. – Вот уж простите мое любопытство, но только я

древних штук всяких навиделся. Знаю, что к чему. А вот такой никогда не встречал. Не обижайте старика, расскажите, что это такое. Интересно, для чего работал.

- Эта вещь называется блуттер, - проговорил Радлов, - она позволяет определить... - он на мгновение замялся... - состав крови.

- А, примитивная медицинская техника. Это я понимаю, - закивал пан Петр. - Вот только значки эти...

- Так мы забираем его? - Семен подал плечами, давая понять, что сам не очень-то в курсе.

- Конечно, хм-хм...

Крышка захлопнулась с неприятным щелчком. Иржи взял блуттер за чемоданную ручку.

- Тяжелый, - сказал чех, оторвав его от верстака.

- Ничего, дотащишь. Еще раз благодарю, пан Петр. До свидания.

- И вам счастливо.

По холодной и темной лестнице историки выбрались во двор, к теплу и солнечному свету. Прошли через Нижний двор, где толпились, глазели и фотографировали очередные туристы.

- Ты хочешь его опробовать прямо сейчас? - осведомился Чапек, стоило дверям гетманства закрыться за его спиной.

- А зачем тянуть время?

- Ну, а Яну не желаешь позвать? Все-таки только благодаря ей мы заполучили эту штуку.

- Честно говоря, нет, - где-то на самом краю сознания мелькнула мысль, что он совершает ошибку, но Семен поспешно отогнал ее. – Чем меньше она знает, тем больше вероятность, что останется в живых...

Они поднялись на второй этаж. Радлов открыл собственный номер, расчистил на столе место. Когда блуттер лег на него, изнутри донеслось раздраженное бряканье, зато крышка поднялась совершенно бесшумно.

- И все же не верится мне, что та штука будет работать, - сказал Иржи. – Как там написано в инструкции? Освящение занимает не менее трех дней, и проводит его жрец-арман высшей степени посвящения. Он произносит гимны, обращенные к Владыкам Земли и Неба, призывает богов и еще кого-то там.

- Я это читал, - Семен осторожно, как сердитую собаку, погладил блуттер по боку. – Но я также знаю, что не всему написанному в инструкциях можно верить. Ты скажешь, что в этой штуке нет источника энергии, могущего заставить колесики вращаться. И я не смогу тебе возразить. Да, с научной точки зрения прибор не должен работать. Но нацизм возник и работал вопреки не просто науке, а разуму!

- Ладно, я так, ворчу... - и Чапек примирительно поднял ладони. – Пробуй, чего уж там.

Радлов утер внезапно покрывшийся потом лоб, и повел левую руку вперед. Миг помедлил, а затем наколол указательный палец на иглу. Когда отдернул, то на острие осталась

капелька крови. В упавшем через окно луче солнца она за-
сверкала, как рубин.

Некоторое время капля повисела на месте, словно разду-
мывая, что делать, а затем скользнула вниз, размазавшись
по игле. Внутри чемоданчика что-то щелкнуло, затем едва
слышно загудело. Через мгновение начали вертеться неко-
торые из колесиков с цифрами.

- Не может быть! - прошептал Чапек. – Работает!

Семен не ответил ничего, только облизал пересохшие гу-
бы.

Второй щелчок раздался, едва остановилось последнее
колесико. Оба историка наклонились, едва не столкнувшись
лбами.

- Семьдесят, десять, ноль, ноль, десять, ноль, десять, ноль,
- сказал Иржи с удивлением. – Это что, выходит, ты у нас
больше чем наполовину – ариец? А еще немного кельт, то
есть балт, славянин и тюрк?

- Выходит, что так, - Радлов пожал плечами. – С отцов-
ской стороны мои предки были из поволжских немцев. С ма-
теринской линии были шведы, из тех, что еще с Нобилем к
нам приехали. Само собой затесались татары и славяне. А
вот откуда балты – понять не могу.

- А, не важно, - Чапек махнул рукой. – Давай, теперь я
попробую. Как сбросить до нуля?

Он нажал на кнопку в самом низу пластины, и колесики
вновь завращались, на этот раз – бесшумно. Когда останови-

лись, уколол один из пальцев об иглу и принялся ждать результата.

Все произошло так же, как и в первый раз, вот только цифры на индикаторах обнаружили другие.

- Занятно, - проговорил Семен. – Пятнадцать процентов арийской, тридцать – славянской, тридцать три – угорской и двадцать два – еврейской. Ну в тебе и намешано, как в хорошей солянке...

- Это уж точно. Лучше на мне эту самую сыворотку и не пробовать. Как в отчете у фрицев написано? Гарантированная смерть. А ты рискнешь?

- Наверное... - без особой твердости проговорил Семен, понимая, что от вчерашней уверенности не осталось ничего.

Она растаяла без следа, точно утренний туман, а вместо нее появились обычные для Радлова сомнения: что, если и сыворотка вправду просроченная? вдруг окажется ядом? а что, если в ампуле вовсе и не сыворотка, а что-нибудь другое?

- Э... так вот, - он нашел силы, чтобы достать из кармана привезенный Яной иньектор, сунуть в него находку из Шаунберга, после чего застыл, скованный нерешительностью.

- Ну? Что же ты?– в возгласе Иржи прозвучали нетерпение и страх.

- Честно говоря... - Семен поднял иньектор, прислонил его тупое дуло к предплечью и понял, что до ужаса, до мокрых штанов боится. Палец на сенсоре будто окаменел. – Нет,

не смогу, пожалуй...

- Я так и думал, что разум возьмет в тебе верх над чувствами, - Чапек вздохнул. – Мы как-нибудь справимся с этой ситуацией обычными, человеческими силами. А вот с блуттером неплохо вышло. Разобраться бы еще, почему он работает?

Семен опустил трясущуюся руку с инъектором, положил его на стол. В душе смешались облегчение и стыд, и какое чувство одолевало, определить было сложно.

- Э... ладно, - в первый момент не узнал собственного голоса, тот стал хриплым, как у Ашугова. – Надо поработать, что ли. Чего зря время терять?

- Здравая мысль, - согласился Иржи.

Блуттер закрыли и убрали в шкаф для одежды. Инъектор Семен переложил на подоконник. Место на столе вновь заняли листки пожелтевшей от возраста бумаги и старый «Яхоо».

Но работать так же спокойно и эффективно, как в предыдущие дни, не получалось. Отвлекали лезущие в голову тревожные мысли – о том, что будет дальше, о том, есть ли вообще будущее у человека по имени Семен Радлов? Вспоминались кадры из вчерашних новостей, Купалов, каким он был при жизни, веселый и энергичный, добрый и открытый, любопытный, как настоящий ученый...

Его ликвидировали с потрясающей легкостью, едва обнаружилось, что архив, попавший в руки АСИ, неполон. А после этого наверняка обыскали квартиру, обшарили память

компака, перетряхнули содержимое шкафов и простучали стены. А выяснив, что директор института ничего интересного не спрятал, пошли по следу беглых историков из лаборатории номер два...

- Эй, ты чего замер? – неожиданно прозвучавший вопрос заставил Семена вздрогнуть. – Пять минут глядишь в стенку. Все в порядке?

- Да, конечно... - ответил Семен и усилием воли заставил себя вернуться к невероятно скучным хозяйственным записям.

Сконцентрироваться на них вновь не получилось. Подумалось, что агенты АСИ сейчас просеивают Сеть в поисках информации. Наверняка добрались до пансиона «У пяти веселых монахов» и допросили работников. И кто-нибудь, та же девица за стойкой, сказала, что у них останавливались двое мужчин, один высокий, а другой пониже...

Что ей два чужака?

А значит, рано или поздно через курьерское агентство след приведет в Раковник, а оттуда – в Кршивоклат.

- Нет, так не пойдет! – прервал размышления возмущенный голос Иржи. – Я, понимаешь, тружусь, а он сидит, как буддийский монах, и медитирует! Куда это годится?

- Никуда, - Радлов отложил лист, с которым работал. – Что-то я не в форме. Никак не приду в себя после вчерашних новостей.

- Я тоже, честно говоря. Сходили бы прогулялись, но из

замка без нужды лучше не вылезать.

- Тогда почему бы нам ни пройтись по самому Кршивоклату? Помнишь, Яна обещала экскурсию?

- Осталось только найти ее саму, - Чапек потянулся так исто-
тово, что в спине у него что-то хрустнуло, и принялся скла-
дывать бумаги в папки.

Разыскивать хозяйку замка не пришлось. Историки спу-
стились в значительно опустевший Нижний двор. И у въез-
да, ведущего к Верхнему, столкнулись с Яной:

- Ха, вот они, оба! – воскликнула она. – А я как раз шла
в гетманство, чтобы узнать, как вы там?

- Попробовали запустить блуттер, - сказал Семен. – Тот
прибор, что изготовил пан Петр. Но он, к сожалению, не за-
работал.

Врать становилось все легче, хотя каждый раз по-прежне-
му охватывало гадливое чувство. Словно вступал во что-то
мерзкое и вонючее, пачкающее не только обувь, но и душу.
Проходило оно далеко не сразу. Не помогало даже то, что
обманывал Радлов не для собственной выгоды, а, стремясь
уберечь Яну от лишнего, опасного знания...

- А мы искали тебя, - поспешно встрял Иржи. – Думали,
что сейчас неплохой момент для того, чтобы осмотреть за-
мок.

- Нет проблем, - кивнула хозяйка Кршивоклата. – Экскур-
сии завершились, через час закроют въезд, так что мы мо-
жем бродить, где захотим. Начнем с экспозиции здания бург-

графства, благо оно рядом.

Экскурсия заняла не один час. Для начала гостям показали обширную коллекцию пыточных принадлежностей, разместившуюся над мастерской пана Петра. Чехи собрали тут дыбы, испанские сапоги, жаровни, воронки для заливания воды, плети и все прочее, чем в Средние Века пользовались для причинения узаконенной боли. Из осмотра Семен вынес четкое убеждение, что фашисты в концлагерях использовали науку, созданную юристами Средневековья.

Затем Яна повела их в Верхний двор. Для начала продемонстрировала тюрьму, расположенную в подвале южного крыла. Потом, словно для контраста, великолепную библиотеку, собранную хозяевами Кршивоклата в восемнадцатом веке. Походив меж огромных, забитых книгами шкафов, нанюхавшись пыли, историки обозрели часовню и «дворец королевы» - часть третьего этажа.

- Ну, осталась только Высокая башня, - сказала Яна, когда они в очередной раз вышли во двор. Солнце к этому времени закатилось, меж зубчатых стен сгустился полумрак. – Или господа утомились?

- Я думаю, что господа найдут в себе силу продолжить прогулку, - с улыбкой отозвался Чапек.

- Вот и отлично.

Высокую башню, огромную белую колонну, поднимающуюся в восточной части замка, занимал охотничий музей. На первом этаже стояла повозка, в которой по лесам око-

ло Кршивоклата раскатывал австрийский император Карл Шестой. На стенах головы кабанов, волков, оленей и прочего зверья чередовались с гравюрами, посвященными той же охоте.

- Впечатляет, - покачал головой Семен, когда они забрели в зал, содержащий коллекцию браконьерских ружей.

- Еще бы, такие жуткие самопалы больше нигде не увидишь, - хмыкнула Яна. – Это вам не обычные винчестеры, каких в любом замке полно. Хотя в следующем зале есть и они, а дальше – самострелы, ножи, пороховницы, рога и прочее, без чего раньше в лес за зверем не совались.

Пока осматривали Высокую башню, стемнело окончательно. Пейзаж за стенами замка потонул во мраке, поднялся резкий, порывистый ветер. Снизу, со склонов холма донесся шум раскачивающихся деревьев.

- В такие ночи просыпаются призраки, - сказала Яна, выводя гостей к проходу в Нижний двор. – Даже жалко, что с Кршивоклатом не связано никаких историй о привидениях. Да, господа, до завтра, - она открыла решетку. – Рада была с вами пообщаться.

- Э, пока... - только и выдавил Радлов.

Они прошли под толстыми каменными сводами и вступили в Нижний двор, где старые платаны скрипели и шелестели под напором ветра.

- Мне кажется, она обиделась, - сказал Иржи. – Сделала все для нас, привезла материалы, договорилась с мастером.

А мы даже не позвали ее, чтобы продемонстрировать готовый прибор.

- Думаешь? Наверное, так. Вероятно, надо было позвать,

- Семен задумчиво почесал лоб. – С этими женщинами так сложно. В них я, честно говоря, разбираюсь много хуже, чем в истории Третьего Рейха...

- Хорошо разбираться в женщинах невозможно.

Они поднялись на второй этаж и распрощались. Войдя в номер, Семен не стал зажигать свет, а как был в одежде лег на диван. Месяц назад он не смог бы такого даже представить, но за время, прошедшее с момента последнего семинара в ННГУ, очень многое изменилось.

И во внешнем мире, и в нем самом.

- И зачем только чехи нашли архив? Лучше бы он сгнил окончательно во время большого наводнения... - проговорил Радлов и невесело улыбнулся, вспомнив, как радовался тому, что предстоит работа с уникальным материалом.

Кто же тогда мог знать, чем все закончится? Или нет, не закончится, а к чему приведет.

До завершения истории, начавшейся звонком из Праги, было далеко.

- И я хорош. Ведь хотел же тогда отказаться от поездки.

Но нет, поддался уговорам, как всегда. Рохля и слабак...

Семен замолк, услышав странный звук, донесшийся из-за окна – будто металл лязгнул о металл. Стараясь двигаться бесшумно, Радлов поднялся и выглянул наружу. Разгля-

деть ничего не смог, но уловил какой-то непонятный шум от Проходной башни, подозрительно напоминавший топот.

Что-то клацнуло, заскрежетало. Завопила сигнализация и через миг смолкла, точно подавившись.

- Что за ерунда... - сердце болезненно екнуло, лицо словно обсыпало инеем, а волосы на теле встали дыбом.

Сомнений не осталось. Убийцы Купалова узнали, где скрываются беглые историки и явились, чтобы «уничтожить источники потенциально опасной информации».

- Нет, нет, только не это... Что делать? – страх достиг максимальной величины, а затем почему-то исчез.

Семен начал действовать быстро и хладнокровно, не тратя время на размышления. Вытащил из шкафа чемодан, убрал туда иньектор с ампулой. Мгновенно содрал костюм, натянул охотничью куртку, штаны и сапоги.

Ненужную одежду, обувь, компак и находившиеся на столе материалы из архива Михнова дворца тоже сунул в чемодан. Застегнул его, окинул взглядом номер, проверяя, не забыл ли чего, и выскочил в коридор.

Рванулся к двери Иржи и постучал. Ответа не последовало. Он постучал второй раз, немного громче. Не дождавшись отклика и на этот раз, ощутил, как тает только что казавшееся несокрушимым самообладание.

Заколотить изо всех сил и привлечь внимание тех, кто проник в замок? Попытаться выручить коллегу, рискуя тем, что сыворотка и важные бумаги окажутся в руках врага? Или

отступиться, бежать, оставив соратника на растерзание, но сохранить тайну?

- О нет... - пробормотал Семен. – И зачем мне все это? Я что, просил судьбу об участии героя? Нет, никогда...

Выбирать не имелось ни малейшего желания. Хотелось, чтобы происходящее оказалось сном, бредом.

Семен сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони. Физическая боль немного придушила душевную, очистила сознание. В любом случае, как ни поступи, обязательно пожалеешь.

- Проклятье, - ощущая себя загнанным зверем, он метнулся к лестнице. Стараясь не шуметь, спустился на первый этаж и замер у двери. Прислушался, что творится в Нижнем дворе.

Уловил шаги, приглушенные голоса. С ужасом понял, что они приближаются. Незваные гости, у которых наверняка имелся план Кршивоклата, решили заглянуть в здание бывшего гетманства. На несколько мгновений Семен поддался панике, в голове точно взорвался ледяной шар. Мускулы окаменели, возникло желание самому выскочить навстречу, чтобы все быстрее закончилось...

С невероятным трудом заставил себя сдвинуться с места. Огляделся и за миг до того, как входная дверь начала открываться, проскользнул в клетушку под лестницей. Замер, прижавшись к стене и боясь, что грохот бьющегося о ребра сердца слышно даже во дворе.

Скрипнули дверные петли. Прямо над головой Семена прозвучали шаги, потом кто-то что-то сказал. Негромкий скрежет, судя по всему, обозначил взлом одного из номеров. На некоторое время воцарилась тишина, потом шаги вернулись, и скрежет повторился.

«Они обыщут здание, - подумал Семен. – Обязательно заглянут во все углы, и найдут меня. Может быть, выскочить во двор и попытаться укрыться где-нибудь? Нет, не годится. Что же делать?».

Мысли бессильно бились о своды черепа, как мошки в аквариуме. По лицу тек пот.

- ...тихо, не шебаршись, - донесся со второго этажа сердитый голос. – И скажи нам, где твой приятель Радлов?

«Взяли Иржи, - через страх на мгновение пробился стыд. – Но я ведь ничем не мог ему помочь. Да и себе, если честно, тоже ничем не могу помочь».

- Откуда я знаю... - испуганно ответил Чапек. – Когда мы пришли, был в номере.

- Там пусто. Если ты не скажешь, мы можем очень сильно огорчиться и причинить тебе боль.

- Не знаю я, правда! Он может быть у нее... у Яны. У них что-то вроде романа...

- У директора замка? Тогда стоит заглянуть к ней. Заткните ему рот и пошли.

Протопали шаги, скрипнула и хлопнула дверь. Семен задышал полной грудью. Ему только что невероятно повезло.

Случайно оброненной фразой Иржи направил охотников по ложному следу, дав дичи крохотный шанс... на то, чтобы она отыскала путь к спасению.

И этим шансом нужно воспользоваться.

Выйти из замка через ворота невозможно, да и вообще пройти через двор Семену не дадут. А это значит только одно – придется воспользоваться окном номера, благо оно выходит за наружную стену.

Радлов выбрался из убежища. Бесшумно взбежал по лестнице и проскочил в собственный номер. Распахнул окно, в лицо ударил холодный ветер, щедро напоенный влагой.

- Тут метров пять, не меньше... А веревки у меня нет... - обвел взглядом комнату, уставился на постельное белье. – Хотя вот это должно подойти...

Проклятые тряпки никак не желали рваться. Семен сражался с ними, как Геракл с каким-нибудь чудовищем. Потел, хрипел и каждые несколько минут прислушивался к тому, что творится в коридоре.

Расправившись с пододеяльником, взялся за простыню. Из получившихся обрывков сплел что-то вроде каната, один конец его выбросил в окно, второй привязал к ножке кровати.

- Вот так... на всю длину не хватит, но хотя бы на половину... - Семен вздрогнул, когда из-за окна донесся хлопок.

- Эй вы, бандиты! Я не постесняюсь выстрелить еще! – долетел сердитый крик Яны. – Это охотничье ружье очень

старое, блокиратора на нем нет! А любой из вас – мишень не хуже, чем кабан или лось!

- О, пани, не стоит так сердиться, - насмешливо ответил тот же тип, что допрашивал Иржи. – Мы не нанесем ущерба вашей собственности, не тронем местных коллекций. Если вы позволите нам заглянуть к вам в гости...

- Ты наглее голодной крысы! – в голосе хозяйки Кршивоклата звенело презрение, густо замешанное на гневе. – Чтобы я позволила каким-то преступникам лазить по замку? Я звоню в полицию...

В ответ прозвучал совершенно искренний, открытый смех.

«Это же АСИ, - подумал Семен. – Им ничего не стоит заблокировать каналы связи. Но зато Агентству редко придется участвовать в операциях по захвату людей. И только благодаря этому я до сих пор на свободе».

Последним обрывком простыни он привязал к шее чемодан и полез в окно.

- Ой, пани, не стоит нас смешить, - переговоры во дворе продолжались. – Уберите свою пукалку, а не то мы тоже начнем стрелять.

Стараясь не глядеть вниз, Семен перебрался через подоконник и повис на веревке. Та громко затрещала.

- Нет, надо, чтобы она выдержала... - цедил Радлов через плотно сжатые зубы, медленно сползая вниз. Дождь хлестал по лицу, вода текла за шиворот, чемодан тянул голову назад

не хуже профессионального борца. Перед лицом проползала шершавая стена.

Руки ободрал быстро, заныло ушибленное плечо. Но Семен мигом забыл об этих неприятностях, когда веревка оборвалась. Он полетел вниз, в темноту. Упал на поросший холодной и скользкой травой склон, покатился по нему вниз. Остановился, врезавшись в большой куст.

Попытался встать, но правую лодыжку пронзила боль, такая сильная, что Радлов едва не заорал.

- Не хватало только перелома... - просипел он, ощупывая пострадавшую конечность.

Судя по вздувшейся у щиколотки здоровенной гематоме, Семен заработал как минимум вывих. Подняться сумел, только придерживаясь за ветви. Снял с шеи чемодан и, сориентировавшись, заковылял вниз по склону.

Он задумал обогнуть замок и углубиться в тянущийся к северу лес. Следы бегства скоро обнаружат, но никому не придет в голову, что беглый историк отправится в дикую чащу, а не в поселок.

Через полсотни шагов боль в ноге поутихла и Радлов смог пойти быстрее. Когда от замка донесся выстрел, и сразу же за ним еще один, приостановился и глянул назад, но не увидел ничего, кроме силуэта Высокой башни на фоне неба. Выругавшись под нос, Семен двинулся дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.